

Юрий Бурнусов Точка падения

S.T.A.L.K.E.R. – 39

Аннотация:

Для сталкеров наступили трудные времена. После заключения целого ряда международных соглашений Периметр полностью закрыт, военные регулярно защищают прилегающую территорию, что фактически делает невозможным контакты с Зоной. Одного из прозябающих в безделье сталкеров, Упыря, нанимает приезжий профессор – изобретатель уникального и весьма полезного прибора, – имеющий заказ от высокопоставленных покровителей, способных нелегально открыть проход в Зону. Упырь с товарищами берутся за работу, но не подозревают, что волей случая окажутся там, где им оказываться вовсе не следовало, и станут объектом охоты, ради которой военные – миротворцы объединятся с Темными...

Юрий Бурнусов Точка падения

На миру по смерть велел Бог отбывать каждому свой оброк — любовью и добрыми делами.

Лев Толстой. Два старика

В этой стране никто ни в чем не виноват.

Бен Элтон. Попкорн

Глава первая. Черный сталкер

Мы сидели у Аспирина и пили. Без повода — по поводу только на похоронах пьют, остальное все выдумки. Начали вчера с вполне приличных жидкостей типа двенадцатилетнего шотландского виски и аутентичного мескаля с червяком-утопленником, а заканчивали — или продолжали? — банальнейшим спиртом, который стоял у Аспирина под кроватью в трехлитровой банке. Спирт почему-то пах черной смородиной, и я поначалу опасался, что это техническая гадость, от которой можно ослепнуть. Но нет, после трех по

сто мы не ослепли, а потом Аспирин сообщил, что с водой ему «плохо заходит», и научил меня делать «чпоки».

Я съел червяка, вытряхнув его из мескальной бутылки, и принялся обучаться полезному.

«Чпок», чтоб вы знали, представляет собой уже упомянутый выше спирт, смешанный в стакане с уже упомянутым пивом в пропорции один к одному. Вроде бы ничего сложного, обычный ерш, но фишка в том, что это еще не все. Налив в спирт пиво (а не наоборот!), стакан нужно прикрыть ладонью, быстро перевернуть и хлопнуть о коленку, после чего вернуть в начальное положение и незамедлительно выпить вспенившееся чудо. Входило это куда легче спирта с водой, но и вставляло совершенно не по-молодежному.

После того как очередной стакан в момент хлопка разорвался у Аспирина в руке, он решил, что надо притормозить. Я не спорил. Аспирин, залив порезанную ладонь коллоидной пленкой из пульверизатора, полез в радио слушать футбольные новости — он был дикий фанат и даже в повседневной практике иногда выражался фразами типа: «Ага, Семечкому опять красную карточку показали». Именно тут в дверь и постучали.

— Ты кого-нибудь ждешь, чува-ак? — спросил несколько протрезвевший Аспирин.

— Никого. К тому же это твоя хата. Может, ты кого-нибудь ждешь?

Аспирин подумал, в дверь снова постучали.

— Ни хрена, — не слишком уверенно сказал Аспирин. — Никого я не это... не жду...

— Тогда посмотри, кто там пришел, — предложил я.

Аспирин встал, покачался и достал из кухонного шкафчика здоровенный «глок».

— Давай я пристрелю его прям через дверь, чува-ак, а потом и посмотрим, кто там приходил, — предложил он и уже собрался исполнить свою идею, как я услышал снаружи громкое дробное икание. Так виртуозно умел икать лишь один человек — старший прапорщик Петлюра из военных сталкеров.

— Стоп! — заорал я. — Не стреляй!

Аспирин пожал плечами, бросил пистолет на койку и вернулся к своим новостям футбольных полей, а я открыл дверь.

Это действительно был Петлюра — он, видать, устал ждать, прислонился и буквально упал внутрь. Я предусмотрительно отодвинулся в сторону, и старший прапорщик обрушился на половичок. Он был пьян, как павиан, но достаточно резво встал на четвереньки и пополз в правильном направлении — к столу.

Я закрыл дверь и некоторое время наблюдал за эволюциями прапорщика, который пытался сесть на табурет, но не попадал задницей. На самом деле звали его не Петлюра, а как-то еще, но кличка привязалась еще до моего тут появления, и я даже не интересовался, откуда она взялась. Петлюра был дядька в годах, предувольнительного возраста, и трудился у военных сталкеров каптерщиком. Полезен он был многим — покупал кое-что, притащенное из Зоны, продавал кое-что, украденное с армейских складов, а главное — знал разнообразные новости из комендатуры. А раз пришел сюда незванным гостем, да еще в таком состоянии, — уж точно что-то разнюхал. Дай бог, чтобы хорошее.

Прапорщик тем временем утвердился на табуретке и потянулся к пиву. Последнее действовало на Петлюру оздоровительным образом; вот и теперь, выглота полбутылки, он вздохнул и довольно вятно произнес:

— А я тебя, Упырь, ищу-ищу... А тебя-то нету.

— Вот же он, — заметил Аспирин и даже показал пальцем.

— А я тебя в «Штях» искал... — продолжал прапорщик, — а тебя-то в «Штях» и нету. Рыжий этот, морда, говорит, был позавчера, да ушел... Хорошо, Зюзя там сидел, он и говорит: «А иди ты, дядя Петлюра, к этому... к Анальгину...». Я и пошел...

Аспирин обиженно отобрал у прапорщика пиво, о котором тот, впрочем, сразу же и забыл.

— Чего искал-то? — спросил я.

— А искал вот чего. Тут приехал один мужичок. Пузатый такой, в костюме... ученый, сразу видать... В комендатуре зарегистрировался, все как положено: я у мужиков спросил, так у него бумаги подписаны... у-у, кем подписаны бумаги-то!

Петлюра сделал значительное выражение лица и показал пальцем вверх.

— Да их тут полно шастает, чува-ак, — сказал Аспирин. — Ученым больше, ученым меньше...

— Цього добра я много бачив. Ось кабы ты мени показав сало, ковбасу чи вареники со сметаною... — на неуклюжей мове процитировал я старый фильм.

— Полно шастает, — согласился прапорщик. — Но этот, сука, кого искал, ты думаешь?! А-а, черная морда!!! Вот то-то! Хемуля он искал, вот кого!

— Нашел? — поинтересовался я.

— Нашел. Да только Хемуль его... того... послал. Иди, говорит, мужик...

И Петлюра с чувством поведал, куда конкретно Хемуль послал приезжего пузатого ученого. Выходило так, что ученый вернется из путешествия крайне не скоро, причем за время отсутствия как минимум сменит сексуальную ориентацию и приобретет хорошие связи в среде проктологов, а уж что случится с его близкими и дальними родственниками, и подумать было страшно. Хемуль знает пожить и умеет сказать, что уж тут.

— Значит, мужик или дурак, или провокатор, — заключил я. — Раз Хемуль его послал... И к кому мужик пошел?

— Да никуда он не пошел! Сидит в гостинице... И что бы вы, ребята, без меня делали!

Сказав это, прапорщик потянулся к банке, прикинув, что там вряд ли налита вода. Аспирин предвидел покушение и быстро банку отодвинул, а я поднялся и навис над Петлюрой.

— Ты, дядя Петлюра, на что намекаешь?! Ты что, на меня его навел?!

— Ну, не навел... Не навел. Но именно что намекнул! Тебе что, работа не нужна, Упырь? И этому... Панадолу... Сидите же без копья, спирт вон жрете...

Петлюра был прав: где-то наверху в очередной раз решили покрутить гайки, кого-то из начальства посадили за злоупотребления, все это спедалировало вниз по инстанциям, и в результате те, кто остался, плюс вновь назначенные устроили сущий террор. Там, где раньше ходили, едва ли не насвистывая, усиленные патрули положили за последнюю неделю человек пять. Менее известные тропки кое-как функционировали, но военные взяли за моду обстреливать «по принципу случайности» Периметр из систем залпового огня. Просто так — вдруг там кто-то куда-то полз. Мутантов не жалко, сталкеров — тоже, а военные экспедиции ходят по условленным маршрутам, туда для профилактики не пальнут... В результате почти вся братва сидела по домам и по кабакам, распотрошив заначки, но беда была в том, что и торговлишка заглохла. Великая Депрессия, короче говоря. Была вроде такая в Америке. Или это у нас, а в Америке — Перестройка Гласности? Один черт, главное, что хреново.

— А почему Хемуль в таком случае отказался?

— Бог его знает, Хемуля-то. Он в последнее время дерганый.

И тут не соврал старший прапорщик — Хемулю уж больно много приключений выпало в последнее время, неудивительно, что устал человек. Да и баба у него.

— А если этот мужик — провокатор? — спросил Аспирин, пытаясь пальцами достать из консервной банки кильку в томате. Банка ускользнула и покатила на ребре по столу, разбрызгивая красный соус и рыбы трупки.

— Да какой он провокатор. Провокаторов я не видал, что ли... — буркнул Петлюра. — Обыкновенный приезжий, чего-то ему понадобилось, аж пар из одного места, а тут такая неvezуха. Короче, Упырь, ты вот что: поболтай с ним завтра в «Штях», что ли, а там хочешь — гони, хочешь — работай. Мне что главное, мне главное — процент.

— Мог бы не говорить... Знаю, что не просто так приполз.

— Бизнес. Мне на пенсию скоро.

— Как ты только дожил такой до пенсии, чува-ак... — ехидно сказал Аспирин и высморкался, испачкав нос томатным соусом. Потом он вытер пальцы о старый плакат

футбольного клуба с непонятным и труднопроизносимым названием «ЦСКА» и печально вздохнул.

Прапорщик замечание Аспирина проигнорировал и встал, держась на удивление трезво. Видать, пиво его чуток взбодрило. Ничего, на улице снова накроет.

— Ладно, дядя Петлюра, — сказал я миролюбиво. — Поболтаю с твоим ученым, но если что — имей в виду, парни будут знать, что это ты меня спалил.

— Не маленький, — солидно ответил Петлюра и довольно сложным, но верным курсом заковылял к двери. Там он остановился и добавил: — Пока, Пирамидон! А ты в два, Упырь. Ага?

— Ага, — кивнул я.

Излишне говорить, что назавтра в два я сидел в самом темном уголке «Штей» и в силу некоторых особенностей организма был там совсем незаметен. Снаружи шел дождь, на столе стояла мясная острая жратва, в стакане — сто пятьдесят перцовой, в голове — пустота, изредка нарушаемая тупым постукиванием и побрякиванием где-то в самой ее глубине. Вот ведь, и не пил вчера больше... Хорошо, идти в Зону не надо — с похмелья туда волочься самое поганое дело, хотя некоторые ходят и даже возвращаются.

Народ где-то шастал, несмотря на непогоду: в баре собрались человек восемь сталкеров из числа мелюзги, парочка приезжих журналистов, которым ближе к вечеру кто-нибудь из прибывших стариканов непременно начистит рыльца, да дремал над миской с уже растаявшим в кашу холодцом мертвецки пьяный Руль. Руль пил пятый, нет, шестой день: потерял в Зоне приятеля Дулю, попал Дуля под очередную ковровую бомбардировку, а Руль спасся. А может, Руль Дулю сам зачем-то прикончил. Его дело. Никто Руля не успокаивал, никто ему не мешал — пьет себе человек и пусть пьет. К тому же если другим наливает за упокой. Такие вещи у нас приветствовались. И в любом случае оба идиоты, раз полезли под РСЗО. Сейчас сидели бы вдвоем, квасили бы за милую душу.

Я посмотрел на часы: два тринадцать. Тут входная дверь как раз отворилась, и в зал вошел пузатенький дядя в цивильном: дорогой коричневый плащ, в руке мокрая шляпа, кожаные туфли запачканы каким-то дерьмом; видать, кто-то из братвы на входе проблевался, а пузанчик не заметил и влез... А что ж, тут не Москва и не Киев, господин хороший.

Пузан тем временем благоразумно обошел по дуге восставшего из холодца Руля, с сомнением посмотрев на журналюг, миновал и их, а вот одного из мелюзги подергал за рукав. Мелюзга снизошел. Пузан чего-то спросил, мелюзга покачал головой. Пузан мягко настаивал. Мелюзга пожал плечами и показал на меня. Вот тварь, подумал я, его, кажется, Семафором звать... потом надо будет провести беседу и объяснить, что если кого-то кто-то ищет, то вот так пальцем тыкать — не дело. Он-то не знает: мало ли, кто и зачем меня ищет...

Пузанчик подошел и сел напротив, не спросив разрешения. С такими замашками он у нас долго целым не проходит. Бармен Рыжий понимающе посмотрел на меня из-за своей стойки, вопросительно поднял брови — мол, выставить дядю? Я легонько качнул головой. Выпереть всегда успеется, если надо, я и сам разомнусь.

— Здравствуйте, — сказал пузанчик дружелюбно.

От него пахло мокрой шерстью и сладковатым одеколоном. Я внимательно смотрел на гостя, постукивая вилкой о край тарелки. Он слегка смутился и пробормотал:

— Простите... э-э... ведь это вы Упырь?

— Допустим, — сказал я, потому что на самом деле был Упырем.

— Значит, мне правильно указали... — обрадовался пузанчик. — Я — Алексей Иванович Петраков-Доброголовин, доктор наук, профессор.

— Доктор каких именно наук? — лениво уточнил я, посыпая мясо молотым черным перцем.

— Биологических.

— И зачем вам понадобился Упырь, то есть я?

— Видите ли, у меня есть определенный... как бы лучше выразиться... заказ. И мне порекомендовали вас как человека, который этот заказ может выполнить.

Здесь он оглушительно чихнул, и я поманил Рыжего, сделав незамысловатый знак. Тот принес еще сто пятьдесят перцовки.

— Выпейте, доктор биологических наук, — велел я. — Для профилактики простудных заболеваний. И я с вами, чтобы опохмелиться. Голова, знаете, болит.

Профессор чокнулся с моим стаканом, послушно выпил, крикнул и по-простецки занюхал сырой шляпой. За последнее действие я его немного зауважал.

— Видите ли, вначале мне порекомендовали обратиться не к вам, а к человеку, которого зовут Хемуль, — начал пузанчик, шевеля руками. — Я здесь не сам по себе, я представляю довольно серьезных людей, которые, к сожалению, не могут по ряду причин действовать через официальные структуры... Меня снабдили информацией, я приехал и сразу же нашел этого Хемуля.

— И как вам Хемуль?

— Весьма приятный молодой человек, — сказал профессор, отчего-то покраснев. Видимо, от перцовки. Вспомнив о ней, я пригубил из своего стакана, весь не осилил — не шло. Бр-р... Не сблевать бы, уроню же достоинство.

— Однако вы пришли ко мне, ибо Хемуль вас послал по матушке. Так? — спросил я, подавив рвотные позывы.

— В общем, так, — грустно согласился профессор. Вот от чего он покраснел, бедолага: вспомнил Хемулевы устные упражнения.

— Тогда быстренько рассказывайте, что вам нужно, а потом я вас тоже скорее всего пошлю, — честно сказал я. — Не так затейливо, но далеко.

— Мне нужно, господин... э-э... Упырь... Мне нужно двух бюреров.

Я удивился. Бить бюрера — заказ не слишком обычный, но и не сказать чтоб экстраординарный. Водили, били. Понятно, что Великая Депрессия и Перестройка Гласности, но...

— А что так экстренно? Подождите с месяц, тут все уладится, приедете спокойненько и постреляете своих бюреров.

— Что вы! Что вы! — всполошился Петраков-Доброголовин. — Вы меня не так поняли! Зачем же стрелять? Мне нужны живые бюреры, числом два. Мужского и женского, простите, пола.

Вот тут я действительно охренел и даже заржал. На меня стали оглядываться представители мелюзги, и даже Руль, снова опочивший в холодце, заинтересованно зашевелился. Профессор внимательно на меня смотрел и все более тревожился. Я отсмеялся, махом хлопнул оставшуюся перцовку, которая пошла как по маслу, и принялся жевать мясо. Профессор стучал короткими пальчиками по столу, но молчал. Наконец не выдержал:

— А что я сказал смешного, прошу прощения?

— Бюреров вам... А Стронглав вам, часом, не нужен?

— Кто такой господин Стронглав? — не понял Петраков-Доброголовин.

— У Хемуля надо было спросить, он с ним близко знаком... Практически приятели. Весьма приятный кровосос, если вкратце. — Я покачал головой. — Вы что, профессор, охренели? Не знаете, что мутанты вне Зоны не живут? И на кой тогда тащить сюда четыре пуда тухлятины?! К тому же я с трудом представляю, как можно изловить живых бюреров да еще волочь в клетке бог весть откуда, учитывая их возможности.

— То же самое сказал мне и господин Хемуль, только оперируя... э-э... иными терминами, — покивал профессор.

Я нахмурился — вид у пузана был довольный, явно в рукаве припрятан некий козырь. Петраков-Доброголовин продолжал:

— Однако, во-первых, бюрера из Зоны никто не выносил, а сами они — в отличие от многих других мутантов — оттуда не лезли. Насколько всем известно, бюреры представляют собой наиболее... мнэ-э... цивилизованную часть населения Зоны. Поэтому есть мнение, что они хотят своего рода независимости и самостоятельности, а вовсе не войны.

— Положим, с этим можно поспорить, — заметил я. Слыхали такие рассуждения, да. С контролёром можно подружиться, зомби можно приручить, с бюрерами легко помириться...

Обычно те, кто так рассуждал, долго не жил. Исключение — Болотный Доктор, да только он и сам-то не пойми кто такой. Скорее не наш, чем наш.

— Допустим, — согласился тем временем Петраков-Доброголовин. — Но что касается первого утверждения, то у меня есть даже научные обоснования, произведенные... не важно, кем произведенные. Но и в случае, если попытка закончится неудачей, вы все равно получите свои деньги. То есть если бюреры скончаются не по вашей вине.

— А как быть с телекинезом?

— Этот вопрос мы тоже решили. Существует прибор, подавляющий данную способность бюреров. Не до конца, но значительно. Он создан на базе... э-э... одного из так называемых артефактов, не важно, какого именно. Но прибор работает.

— Его проверяли на бюрерах?

— Разумеется, — расплылся в улыбке профессор.

— Не важно, кто именно?

Он расплылся еще шире.

Я крепко задумался. Прибор... Получив такую вещь в руки, грех ее не украсть. А профессора, скажем, прикончить — если он тоже собирается в Зону, что вряд ли, а если не собирается — прикончить прямо здесь. Не он первый, не он последний, к тому же — чужак. Люди гибнут, а ему, видите ли, цапки нужны для очередного открытия. Которое притом не всегда можно запатентовать, тем более на Нобелевку замахнуться — не каждый артефакт разрешен к выносу из зоны, не говоря уже о конкретном данном случае с бюрерами. С другой стороны, за живых бюреров реально отгрести хорошие деньги, а прибор еще поди пристрой куда-нибудь — карликов все же не каждый день из Зоны таскают. Начнут таскать — быстро переполнят рынок, не тушенку же из них делать...

Я поймал себя на мысли, что уже внутренне рассуждаю над предложением, хотя изначально планировал от него отказаться. А что делать? Сидеть вот так и ждать у моря погоды? Однако Хемуль-то не согласился... В чем подвох?

— А почему Хемуль в итоге не взялся, несмотря на ваш волшебный прибор?

— Он на отдыхе. Сказал, что деньги его в данный момент не интересуют.

— А сколько вы ему предложили? Точнее, сколько это все стоит? — спросил я мрачно.

Профессор огляделся по сторонам (надо же, опомнился наконец!), вынул блокнотик со спиралькой, дорожную авторучку и быстро написал на листочке цифру. Показал мне.

— Смеетесь?! — криво улыбнулся я, хотя сумма была приличная. Да что там, сумма была неприличная даже по нынешним временам.

Профессор пожал плечами и дописал «x1,5». Увеличил, стало быть, в полтора раза.

— На всех? — уточнил я.

— А сколько... Сколько вас будет? — тихонько осведомился Петраков-Доброголовин. Глазки его горели — понял, видать, скотина, что Упырь клюнул.

— Четверо минимум. Два носильщика, два охранника. В идеале — еще пара отмычек.

— Кого? — не понял профессор. Я объяснил. Профессор про себя ужаснулся, но ничего больше не сказал. Заказчики, видимо, заблаговременно объяснили, что тут у нас не парк культуры и отдыха и не детская игровая площадка.

— Хорошо, увеличу вдвое, — вздохнув, сказал Петраков-Доброголовин.

— Вы идете с нами?

— А это необходимо?! — вытаращил он глаза.

— Вы умеете обращаться с прибором и знаете о бюрерах нечто, чего не знаю я. Конечно, вы можете провести инструктаж, но не факт, что в нужный момент я нажму ту самую кнопку или вставлю батарейки плюсом-минусом куда нужно.

— Там нет батареек, — вяло пробормотал профессор.

— ...Значит, не идете. И слава богу, — сказал я. — Энд последний вопрос: что делать с регулярным усиленным патрулированием, артобстрелами и ковровыми бомбометаниями?

— У меня будет график, — подавленным тоном сказал Петраков-Доброголовин. — Там указаны все паузы и точки поражения. График подлинный, не сомневайтесь.

— Вот это в самом деле хорошо, — сказал я с дружеской улыбкой. — Принесите мне его как можно раньше — я должен продумать маршрут.

А еще — продать сведения хорошим людям, которые меня за них отблагодарят. Видать, у пузатого в самом деле отличные связи наверху, раз он добыл такие сведения.

— Разумеется, — кивнул профессор. — Значит, я так понимаю, что вы согласились?

Я кивнул:

— Завтра в это же время здесь же с графиком. Идет?

— Да-да...

Я видел, что профессор мнется и желает спросить что-то еще.

— Если остались вопросы, я жду, — сказал я.

— Простите... Так вы и есть тот самый Черный Сталкер, о котором так много говорят?

Я вздохнул, неопределенно махнул рукой и пошел к стойке просить у Рыжего хорошую дозу перцовки. Не напиться сегодня явно не получилось...

Глава вторая. Заговор обреченных

Из личного дела № 3598-66СС ОАК, Особый архив комендатуры

«Пупырев Константин Михайлович («Упырь»). 36 лет, рост 186, вес 83, телосложение нормальное, глаза карие, нос прямой, с горбинкой, губы пухлые, мясистые, подбородок квадратный. Особые приметы: афроамериканец. *(Вы совсем одичали тут! Афроамериканец — это в Америке, а значит, пишите просто — «негр»!* — **Прим. инсп. ГШ миротворческих сил**).

Отец — Принс Сувенир М'Бами Малави, в настоящее время проживает на родине, род занятий неизвестен. Мать — Ирина Сергеевна Пупырева, в настоящее время проживает в г. Сумы, инженер-экономист строительной организации.

Образование: Харьковский университет, факультет кинематографии (не кончил). Во время учебы неоднократно привлекался к административной ответственности за незаконные торговые операции с так называемыми артефактами. Подозревался в убийстве в Харькове гражданина Республики Азербайджан Мамедова Д.М. (превышение необходимых пределов самообороны), однако на три года исчез из поля зрения правоохранительных органов МВД Украины. В дальнейшем обвинение снято заочно за недостаточностью улик. *(Разобраться, при возможности — возобновить! — Прим. инсп. ГШ миротворческих сил)*.

В зоне ведения комендатуры с 20... года. Двенадцать административных задержаний, три административных штрафа. Т.н. свободный сталкер, действующие кланы официально не поддерживает. Местные контакты (наиб. близк. и пост.): торговцы (клички по базе ОАК) — Сидорович, Бубна, сталкеры (клички по базе ОАК) — Хемуль, Патогеныч, Аспирин, Даун, Пауль, Гусь, Муха, Котейка, Повар, Гапон, Соболев, Теща, Джим, Змеевик, Матюха.

Примечания (по данным источника «Плюх»): аномальное отсутствие реакции на «ржавые волосы» и «жгучий пух». Аномальная способность обнаруживать гравиконцентраты типа ГК-0754 (т.н. «жадинка») на значительном расстоянии. *(Уточнить возможность использования в качестве военного сталкера. — Прим. инсп. ГШ миротворческих сил)*».

Конечно же, этой бумаги я раньше не видел, хотя и представлял, что в комендатуре обо мне всё знают. Листок ксерокопии лежал передо мной на столе, а профессор наслаждался произведенным эффектом.

— А зачем вы это вообще принесли? — спросил я, потому что и в самом деле не понимал, зачем он мне это принес. — Я не просил.

— Было в общем пакете документов, — сказал Петраков-Доброголовин. — Прицепилось, скажем так.

Сегодня чокнутый профессор выглядел куда увереннее, чем в прошлый раз. Заказчики его, что ли, напрягали, вот он и обрадовался несказанно, раз дело выгорело. Хотя я бы не

спешил так утверждать. Не нравилась мне вся эта история, и Аспирину не нравилась, а Аспирину я доверял. Не всегда — всегда тут никому доверять нельзя, — но часто. Чаше, чем кому-то. Даже ветеранам типа Хемуля доверять не стоит... да если честно, им как раз нужно меньше доверять, чем другим: у них совершенно иная мораль, которую со стороны не разобрать. Может, потому и живы до сих пор, пока другие моралисты или косточками в Зоне гниют, или совсем... не к ночи будет сказано...

Я еще раз пробежал текст глазами, потом скомкал его и медленно сжег в пепельнице. Аспирин и Пауль смотрели на меня понимающе; я оценил то, что в листок они заглянуть не пытались. А вот график обстрелов и патрулей сразу же схватили и принялись совсем по-детски вырывать друг у друга их рук.

— Ну, чё ты, чува-ак! — пыхтел Аспирин, хищно шевеля усами. — Я тока гляну и отдам!

— Юра, нельзя так! Не мороси! — увещевал Пауль, возвышаясь над столом. Добрейшей души человек, он обладал огромным ростом и ужасающим телосложением — не толстый, нет, а попросту здоровенный. Человек-гора. Его и Аспирина я решил включить в команду сразу: Аспирин был мой постоянный напарник, а Пауль стоил двоих как грузопереносчик, да и Зону знал вполне на уровне. Главное — не давать ему много бухать. Иначе кранты.

Профессор посмотрел на них с сомнением.

— А кто остальные двое... то есть четверо? И эти... фомки?

— Вы забыли посчитать меня, — поправил я. — А отмычек — отмычки, не фомки! — брать не будем. Меньше народу — больше кислороду, как в школе говорили... Так что нам нужен всего-то один чел. Ну или два. Для гарантии успеха.

Я повернулся к напарникам.

— Так, мужики. Потом будете бумагу драть, прикинем лучше, кого берем с собой.

— Аут, аут... Из толковых предлагаю Соболя, — сказал Аспирин, возвращая график.

— А Даун чем занят?

— Ты что, не в курсах?! Даун на сафари сгинул, — со скорбным видом поведал Пауль.

— На каком еще сафари?!

— Я думал, ты знаешь, чува-ак... — развел руками Аспирин. — Слышал, в Пакистане год тому примерно выбух был?

— Какой выбух? Вы мне голову морочите, что ли?

— Он же газет не читает, — пояснил Аспирину Пауль (я и в самом деле не читал всю эту гадость, секрета не делая) и продолжил, обращаясь уже ко мне: — Короче, в Пакистане чего-то взорвалось лет пять тому. То ли атомную бомбу они там делали, чурбаны, то ли еще чего-то клепали, но какие-то проводки соединили неправильно — они ж там дикие все, — и так шарахнуло, что приличной части Пакистана теперь нету. А через несколько месяцев пошел слух, что там своя маленькая Зона образовалась в пустыне. То есть мутанты появились, артефакты какие-то, непонятно, короче, ни хрена. Вроде не как у нас. Народец туда потихоньку стал нос совать, несмотря на сильную радиацию... Кто-то пропал, кто-то вылез обратно, интересные штуки рассказывали, но поди пойми, чего они сбrehали, а что — правда... Фишка в том, что место в любом случае примечательное. Вот Даун и рванул туда типа на сафари — подстрелить кого, найти чего...

— И не вернулся?

— Не-а. Сгинул. Хотя ты его знаешь — вот вернемся, а он бухой в «Штях» веселится...

— Дай-то бог, с Дауном я выпить никогда не отказывался. Сафари, блин... Ишь... Ладно, тогда кто вместо Дауна? А тогда Соболя, стало быть... Хорошо, ищем Соболя. А еще двое?

— Да с этими проще. Только свистни — сами прибегут. Без работы народ, режутся со скуки. Вчера у речки Бошу красную карточку показали, двенадцать ножевых. Жесть, чува-ак, — поведал Аспирин.

Профессор слушал с вытаращенными глазами, дикие местные нравы его, видать, напрягали.

— Боша завалить не вопрос, — сказал Пауль. — Боша и я бы завалил.

— Ты не констатируй, — попросил я. — Завалил бы он... Ты дело советуй. Вот Змей. Змея, может, взять?

Аспирин со вкусом почесал усы.

— Можно и взять, — согласился он. — Совершенно не вижу, почему нам не взять Змея.

— А Гапона?

Гапон был очень толковый сталкер, кстати, бывший мент-гаишник.

— И Гапона можно. Он, правда, ребро сломал.

— Это еще где?! — удивился я.

— Да не в Зоне, то-то и фигня. На охоту пошел с мужиками, в обычный лес, и в колодец упал. Колодец там брошенный был.

— В Зоне ему мало охоты?! — еще более удивился я.

— Какая там охота, чува-ак: грязное все, активное... — пробурчал Аспирин.

— Соболя я вчера видел, — неожиданно сказал Пауль. — Ружье он покупал.

Новость удивительной не была. Ружей у Соболя имелось немерено: почему-то к такому типу оружия, а именно охотничьему, он был особенно равнодушен. Он и за Периметр таскал с собой, помимо (а зачастую и вместо) обычного автомата, какую-нибудь «видал, какая вертикалка?!» или «а вот из этого слона завалить можно!». Слона, допустим, в Зоне не найти, а вот псевдогиганта он при мне однажды завалил. С первого выстрела. Потому я относился к его коллекции весьма серьезно, пусть даже остальные считали, что стрелять нужно чем больше и быстрее, тем лучше.

— Вот. Стало быть, Соболя. Кто второй?

Коллеги замолчали, Чокнутый профессор перебирал короткими волосатенькими пальчиками.

— Так, — сказал я. — Заминка. Нужен мозговой штурм.

Не успел я оглянуться в сторону стойки, как Рыжий приволок выпить и закушать. Закушать сегодня была селедка с лучком, картошкой и подливкой (горчица плюс соевый соус), а выпить — что-то белое. Перцовка, видать, кончилась, иначе как бы Рыжий не принес мне за столик перцовки? Непременно принес бы.

Поступление приняли с радостью. Макая селедочный хвост в подливку, Аспирин тут же пораскинул мозгами и предложил:

— А вот же про Змея мы говорили, чува-ак.

— А где Змей?

— В Ростове. Но можно позвонить.

— Что же... как же?! — напугался профессор. — У нас сроки... график вот...

— Отбой со Змеем, — развел я руками. — Черт, последнего найти сложнее всего. Может, Бармаглота?

— Бармаглота... — скривился Пауль. — Уверен?

Я не был уверен в Бармаглоте, и парни это знали. Для отмычки Бармаглот был слишком хорош, а для серьезного сталкера — странен. Отпустил раненую псевдоплоть. Чуть не завалил туриста, который хотел шпокнуть свежего зомби. А уж слепых собак так вообще любил, ну, не любил, но равнодушен к ним был как минимум... Но это же и польза, разве нет? Собаки к Бармаглоту тоже относились уважительно, они же в башку смотрят, видят, что про них думают. А у нас как? У нас увидел собаку — стреляй, не думай. И собака к тебе так же.

— Я «за», — сказал вдруг Аспирин. — Бармаглот толковый чувак.

— Ну и порешим же на том, — сказал я, разливая белое. Профессор хотел было добавить нечто высокое, но смутился и просто выпил. Закашлялся, покраснел, болезный. Заел лучком.

— Я забыл добавить, — сказал он наконец, прокашлявшись и прожевав.

— Что еще? — спросил я, ожидая недоброго.

— Я тут подумал... Я все же пойду с вами, — торжественно и в то же время виновато заявил Петраков-Доброголовин.

* * *

Что говорить, в Зону народ ходил по сотне различных причин. Хорошо, не по сотне — по дюжине.

Ходили по делу — таких больше всего, вопрос только в том, у кого какое дело. Один-два контейнера «соплей» наберет или мешок того же «пуха», другой — попрется едва ли не к энергоблокам за невесть чем. В основном же что собирали, что попадется, потому что любая фигня — хабар, а хабар денег стоит.

Ходили по работе. Это, само собой, военные сталкеры, которых, между нами, тоже никто не неволил. Стало быть, у людей была нужная жилка, да и много кого я знал из толковых парней, кто к военным перешел. Главная их беда — на технику слишком рассчитывали. А техника в Зоне это вовсе не то, что твой собственный нюх. Ты ведь как: ползешь через подлесок, а сам нюхом... да что там, яйцами, жопой чувствуешь — нельзя вот сюда ползти. Вон туда, между чахлыми березками, — можно, хотя вроде бы по правилам неписаным нельзя между такими близкими деревьями... А вот сюда — нельзя, пусть даже там травка зеленая, прогалинка и даже птичка какая-то сидит, клюет чего-то... Про птичку соврал, конечно, какие в Зоне птички, кроме ворон.

А один раз видел, как человек в «карусель» поперся. В последний момент свернул — и проскочил. То ли обманка была, а не настоящая «карусель» — есть и такие, только кто ж их проверяет на работоспособность, — то ли везение какое сработало. Потому что нюхом чуял. Яйцами. И жопой.

Ходили в Зону с группами. Группа — понятие весьма растяжимое, есть туристы, которым хочется страшненькое посмотреть, впечатлиться, обгадить кальсоны, а потом дома показывать всем дешевенький артефакт и рассказывать, как в жутких условиях он его добывал. Фотографий наделать: «Я и мертвая псевдоплоть». Есть люди, что идут за серьезными конкретными вещами, они много платят, но много и хотят. Могут сами сталкеров завалить, чтобы потом не рассчитывать. И сами потом выходят обратно, без проводника и отмычек, были такие прецеденты. Есть и те, кто вообще невесть что хочет в Зоне найти. Разное рассказывают, но не стоит сейчас об этом. Вон Хемуля спросите, если встретите. Он скорее всего в дыню впаяет, но может и рассказать.

Еще в Зону ходят фанатики, которые ищут там Хозяев, инопланетян, Господа Бога, мертвых родственников, которых когда-то там похоронили и теперь надеются, что они в виде зомби побегут к ним в объятия... Есть те, кто уходит навсегда — живут там они вроде. В смысле, там много кто живет, те же сталкеры или ученые, но эти — на хуторах, в заброшенных поселках. С башкой у них, конечно, не в порядке. Да и у кого с башкой в порядке? У кого в порядке, тот в Зону не лезет. Сидит дома, жрет котлеты и смотрит реалити-шоу по телику, а жена ему пятки чешет.

Так вот, живут такие в Зоне, и жители эти очень непростые. Помню, шли мы с Тещей и Матюхой, в очень нехорошем состоянии шли — четвертый наш, Уголь, спекся. Там на дороге стоит грузовичок, «уазик» такой, внедорожник старенький. Стоит себе и стоит, никто на него сроду внимания не обращал. А тут Уголь чуток спирта хлебнул на радостях, что назад идем целые (а нельзя, нельзя радоваться, вот вам и подтверждение!), и говорит: «Пацаны, чую я, там тайничок! Удобное какое место — у дороги, примелькалось, не ползет никто...». И не успели мы его придержать, как он скок на подножку и голову в кабину сует. Так назад и повалился — без головы. Словно стеклом отрезало, только не было там никакого стекла. Я даже болт кинул — упал внутрь кабины, стукнулся обо что-то железное. А на срезе шеи-то — словно огнем прижжено, кровь даже не пошла.

Так вот, прикопали мы кое-как Угля безбашенного, а сами решили заночевать — не успевали засветло. В Зоне без надобности незачем на ночь оставаться, но устали, несли много... Мне как раз говорил не столь давно Бубен, что в лесу домик есть. Лесник жил, что

ли, или какой метеоролог — мало ли, что у них там было при нормальной-то жизни. Подошли — домик как домик, целый с виду, в огороде зелень растет, лук там, петрушка, укроп-самосейка... Вошли — пусто. Но видно, что жил кто-то. Потому что постель из тряпок, посуда грязная довольно свежая на столе, а на полках — черепа. И что самое страшное — в основном маленькие, детские то есть. С полсотни, не меньше, некоторые еще с остатками кожи, волос... Кто там жил, где он их взял, зачем выставку устроил — не знаю. Только мы подожгли этот домик и шли в ночи, пока до дома не дошли.

Кстати, вот зомби по Зоне почему зря ходят, а почему зомби-детей нету? А женщин? Впрочем, говорил кое-кто, что видел и тех, и других, но верить в это не хочется. Да ладно, в Зоне во многое верить не хочется, а оно — есть.

Я внимательно посмотрел на Петракова-Доброголовина и сказал, постукивая в такт словам по столу стаканом:

— Вы, уважаемый, никуда не пойдете. Я в прошлый раз вас спросил насчет этого именно с надеждой, что откажетесь. И был весьма рад, когда отказались. У вас, простите, комплекция не та. Ну посмотрите вы на себя... Физкультурой когда в последний раз занимались?

— Простите, я каждое утро трусцой бегаю! — возмутился профессор.

— Да хоть прыгай. Это же несерьезно, чува-ак! — поддержал меня Аспирин. — Вот прикинь, лежишь ты в траве, от мародеров хоронишься или там солдат. Так у тебя же задница холмиком торчит! Знай только целься.

— Прошу мою... э-э... задницу оставить в покое! — покраснел Петраков-Доброголовин.

Аспирин пожал плечами.

— Твое дело. Только прикинь, вальнут тебя в Зоне, куда нам хабар девать? Хоть адресок оставь или там телефончик.

Петраков-Доброголовин задумался.

— Вы в самом деле считаете, что мне не стоит идти с вами? — спросил он наконец.

— Конечно, не стоит, — сказал я.

— А прибор? Вы говорили, можете не справиться с прибором...

— Уж с приборами мы всегда справляемся, чува-ак! — заржал Аспирин, явно имея в виду совсем иные приборы.

— Вы же сами сказали — там нет ничего сложного. А отремонтировать его в полевых условиях, если что-то случится, и вы не сумеете, — заметил я.

— Тогда... тогда давайте завтра в самом деле проведем консультацию, — сказал печальный профессор. — Время поджигает, знаете ли. И решим все наши оставшиеся вопросы.

— Знаем, — кивнул я. — Время всегда поджигает.

— Вот именно, чува-ак!!! — заключил Аспирин, и с этого момента переговоры закончилась, и началась обычная пьянка.

Глава третья. Пикник на обочине

Семецкий не умирал второй день, и это было дурной приметой. На что еще нужен Семецкий, в конце концов? Плюс к тому у меня сломалась почти совсем новая кофеварка, а прямо возле дома я встретил лейтенанта Альтобелли из комендатуры.

— Привет, Упырь, — сказал Альтобелли. Он вылез из открытого армейского «хаммера», в котором сидели еще три рожи с автоматами. Почтил вниманием, специально машину остановил...

— Кому Упырь, а кому Константин Михайлович, — сказал я.

— Куда собрался?

— Следую Конституции.

— Не понял, — нахмурился лейтенант.

— В Конституции сказано, что все граждане имеют право на свободу передвижения. Вот я им и пользуюсь.

— Шутим, — покивал лейтенант. — Прямо покойный Петросян.

Я не знал, что за веселого армянина имел в виду Альтобелли; может, и был такой стalker, поэтому смолчал. Лейтенант тоже вроде бы не знал, как продолжить разговор.

Некоторое количество времени провели в тишине.

— Мент родился, — сказал я наконец.

— Что?!

— Мент родился, говорю. Есть такая примета, когда люди сидят и неловко молчат.

— Ясно, — кивнул Альтобелли.

— У вас что-то ко мне есть? — спросил я.

— Да слух один нехороший, — сказал лейтенант, ковыряя носком ботинка асфальт. — Ты куда собрался, стalker? Неприятности нужны?

— Вы о чем, господин лейтенант? — осведомился я с мирным видом. Со стороны мы, наверное, напоминали парочку идиотов, и потому кто-то из уродов в «хаммере» коротко заржал. В принципе Альтобелли был вполне нормальный офицер, не фанатик и не мразь. Работал в меру сил, не усердствовал, попусту не приставал. Зону малость знал, не гнушался туда лазить, тогда как остальные на Периметре жопы грели. Короче, в комендатуре процентов восемьдесят офицеры было куда большими сволочами.

— Ладно, стalker, иди, — неопределенно пробормотал Альтобелли. Он залез в «хаммер», что-то сказал своим уродам, после чего они помрачнели. Видимо, посоветовал не хихикать над начальством. Правильно, так их. Ишь, рожи.

Профессор не решился нести свой магический аппарат в «Шти». В принципе верно: вдруг какая облава, объясняй потом, что за штука, зачем она, где взял. Даже если у профессора все документы выправлены на уровне, до глубины души поразившем прапорщика Петлюру, еще не значит, что прибор не конфисковали бы. Человек — одно, непонятная машинка — совсем другое. Особенно неподалеку от Зоны. Ко всяким научным штучкам здесь относились подозрительно, а военные, к слову, могли просто перепродать потом хитроумную штуку «легальным» ученым.

Я шел к условленному месту, где Петраков-Доброголовин в автомобиле должен был меня встретить. В другом месте нам следовало подцепить Бармаглота, а остальные прибывали своим ходом. Встречу мы решили оформить под пикник — на травке, благо погоды стояли замечательные. Опять же и смыться легко, место выбрали с хорошим кругозором, да и зачем смываться — спрятал нужное, сел сверху задницей и продолжай пить-хавать. Не запрещено. Собственно, там уже должен быть Аспирин, с шашлыками заморачиваться. Я выкатил Петракову-Доброголовину авансовый счет на предстоящее мероприятие. Мол, в ваших же интересах — конспирация и все такое. Профессор, не торгуясь, отвалил на пикник нужную сумму с запасом. Мне такой подход понравился. Значит, есть надежда, что и остальные суммы мы получим, как полагается. Хотя чего заранее загадывать. И на сегодня расклад неплохой.

Профессор сидел в большом белом джипе. Арендовал, что ли? Нарядился же он при этом не в пример вчерашнему: никакого давешнего лоска, наоборот — защитного цвета кацавейка, из-под которой виднелся ворот простого свитера, неприметная кепочка... В общем, выглядел он не столько владельцем хорошей машины, сколько слегка разъевшимся шофером. Впрочем, такой его образ мне как-то больше импонировал. Я одобрительно хмыкнул про себя, влез на переднее сиденье, пожал теплую пухлую руку и сказал:

— Давайте прямо по улице, потом возле парикмахерской направо и три квартала опять прямо. Там скажу.

Петраков-Доброголовин послушно завел двигатель и включил радио. Я радио тут же выключил. Профессор покосился, но ничего не сказал. Потом не выдержал.

— Любите тишину?

— Не люблю радио, — сказал я.

Ходили нехорошие слухи, что иногда Зона посылает радиосигналы. Обычно из нее редко что лезет за Периметр, а вот радиосигналы — опять же по слухам — проходят свободно. И далеко. Притом специально их поймать не получится: они сами переплетаются с вполне официальными частотами и тихонько проникают в мозг. А уж что они там нашептывают, на что намекают — этого никто не знал, хотя и говорили разное.

Я как-то болтал с ученым, толковым дядькой-евреем, которого звали Иосиф Шумахер. Так этот Шумахер утверждал, что в принципе идея с радиоволнами вполне жизнеспособна. Хотя сам он лично ничего такого поймать не смог, пусть и старался.

— Мы никогда не узнаем, что умеет Зона, — говорил Иосиф, кушая в «Штях» окрошку на простокваше.

Ученая братия со сталкерами предпочитала общаться уже на территории Зоны либо очень приватно в потаенных местах. Шумахер болтался в «Штях», хлопал всех по плечу, встречал в чужие беседы. Его считали малость чокнутым и потому не трогали, да и дядька он был хороший, добрый. Пропал в свое время вместе с группой военных сталкеров где-то на Милитари. Никто не знает, что там случилось. И следов-то не нашли...

— Зона показывает нам только то, что мы хотим видеть! — говорил Шумахер, отламывая кусочек хлеба. — Не исключено, что мы сами фабрикуют весь этот кошмар, а Зона просто услужливо нам предоставляет производственные мощности...

С ним соглашались, с ним спорили, но Шумахеру на самом деле было наплевать — он не искал себе паству, он просто излагал. Так вот, добрый Иосиф Шумахер утверждал, что Зона постоянно изменяется и не факт, что она не ищет новые способы влияния на окружающий мир. То, что Периметр постоянно расширяется, а выбросы порождают новых мутантов, еще ни о чем не говорит.

— Это мелочи, ерунда! — кричал Шумахер, брызгая изо рта простоквашей. — Вот когда Зона поймет, что есть радио, телевидение, спутники, компьютерные сети... Когда она научится в них входить... Представьте, что станет с планетой!

В Хозяев Зоны Шумахер не верил, представляя Зону единым организмом наподобие амебы.

— Зоне Хозяева не нужны. Она сама себе хозяин. Вот вы, Упырь, почему верите в Хозяев?

Я угрюмо отмалчивался, хотя мог рассказать десятки историй и призвать очевидцев, но Шумахер, как уже было сказано выше, и не нуждался в ответах. Он приводил обширные цитаты из научных трудов каких-то неведомых исследователей, опубликованных в заповедных журналах, на пальцах пытался показывать кривые и графики, а напившись или обозлившись, предрекал всем скорую и мучительную смерть. За такое вполне могли побить и, случалось, били смертно, но Иосифа не трогали.

А потом он пропал. Пауль даже выдвинул теорию, что Шумахера вместе с другими учеными из группы и военными сталкерами во время очередной вылазки забрали Хозяева в наказание за то, что не верил. Может, и так. Бес их ведает...

Профессору я рассказывать про теории Шумахера и про радио не стал, чтобы не вступать в ненужную полемику. Тем более на ближайшем перекрестке нас остановил регулировщик. Я напрягся — неужто шмон? Однако регулировщик мирно отвернул свою рожу, и мимо нас поперла колонна гусеничных машин с тяжело покачивающимися коробами ракетных систем залпового огня. Меняли дислокацию, чтобы обстрелять очередной сектор и накрыть каких-нибудь бедолаг. Хотя, насколько я знал, уже даже самые распоследние идиоты вроде Руля в Зону не собирались. Расхристанного вида ракетчики сидели на своих смертоносных колымагах, как фермеры на возах; один жрал початок вареной кукурузы, другой читал спортивную газету, третий спал на броне, свесив ноги... На работу ребята едут.

Нас обогнал давешний «хаммер» и проехал чуть вперед, затем сдал обратно и остановился рядом. Лейтенант Альтобелли хмуро смотрел на меня. Вернее, смотрел он на тонированное стекло и меня внутри джипа не видел.

— Зачем они это делают? — тоскливо спросил профессор.

— Что именно?

— Обстреливают Периметр и Зону. Я понимаю, превентивные меры...

— Очень идиотские превентивные меры, согласитесь, — перебил я. — По-моему, кто-то бабло отбивает на военных поставках. Представьте, сколько они бомб и ракет в землю всаживают ежедневно... Или просто списать нужно было устаревшее оружие со складов, вот и устроили карнавал на Периметре. Да сколько угодно вариантов можно придумать, кроме разумных. Хотя, в самом деле, и со сталкерством могут бороться такими методами. Военные и политики достаточно тупы, чтобы сочинить такой способ.

— Но неужели нельзя бороться как-то цивилизованно?

— Послушайте, — сказал я, — цивилизованно здесь можно было все устроить с самого начала. Если бы Зона появилась в Германии или там в Китае, черта с два народец таскал бы оттуда хабар. Оцепили бы, окружили, обставили автоматическими системами, которые любого зайца засекут и порвут в клочья крупным калибром. А у нас... Представляете, сколько людей кормится вокруг Зоны? И не только те, кто здесь живет. За тысячи километров. Вот вы — приехали, со связями, с нужными телефонными номерами, с деньгами, с уникальным прибором... По-хорошему, вас бы взять да расстрелять. Во-он у той стены, — я показал налево, на обшарпанный кирпичный забор, за которым торчали засохшие яблони.

— Я ученый, — возразил профессор. — Меня нельзя.

— Можно, — ласково сказал я. — Всех можно. А ученых так даже нужно. Меньше было бы разных бед. Вам же на месте не сидится, вам дай придумать что-то такое, от чего побольше народу подохнет.

— Я никогда не занимался подобными разработками, — обиделся, кажется, Петраков-Доброголовин.

— Бросьте. Вам — ну, не вам, а вашим боссам — нужны бюреры. Что интересного в бюрере? А в бюрере интересен телекинез. А зачем он нужен, к чему пригоден?

— Я могу назвать вам массу областей народного хозяйства, в которых... — начал было профессор, но тут я заржал столь неприлично, что он даже не стал продолжать. Бюреры, перемещающие бетонные блоки на стройке... Бюреры, занимающиеся погрузкой в порту и лихо покрикивающие: «Вира помалу!...». Бюреры, дистанционно доящие коров...

Установки РСЗО миновали перекресток, регулировщик отчаянно замахал своей палкой, и мы поехали дальше, обогнав комендатурский «хаммер» с лейтенантом на борту. Профессор что-то думал, пожевывая губами.

— Тут во двор, — велел я.

Бармаглот сидел на лавочке и листал цветной журнал с голыми бабами. В ногах у него стоял картонный ящик пива — вклад в дело пикника.

— Забирайся! — крикнул я ему, опустив стекло. Бармаглот подхватил ящик и влез вместе с ним на заднее сиденье. Журнал оставил лежать на лавочке — видимо, бабы не впечатлили или закончились.

— Это господин Петраков-Доброголовин, доктор биологических наук, — представил я профессора. — А это — господин Бармаглот, наш спутник и соратник.

— Ты мне еще ничего не объяснил, чтобы спутником и соратником обзывать, — покачал головой Бармаглот. — Я не подписываюсь ни на что заочно, даже с тобой, Упырь. А этого доктора вообще в первый раз вижу. От докторей все несчастья, разве нет?

— Затем мы и собираемся, чтобы все обсудить, — мягко сказал я. Профессор если и обиделся, виду не подал. Он частенько реагировал непредсказуемым образом, как я заметил.

Бармаглот был прав: заочно подписываться я бы и сам не стал ни с кем. Разве что кроме случаев, когда реально нужно было вписаться за своих. Тут без вопросов. Но когда за бабки — не тот случай. За бабки всегда нужно обговорить детали, потому что человек, который тебе что-то платит, в ключевой момент может задуматься: а что, если списать наемника и забрать бабки себе? Экономика должна быть экономной — так говорил, кажется, Путин. Был такой генеральный президент у русских.

Пикник выглядел благостно. На мангале из кирпичей жарились шашлыки — отличные, на косточке, без всякого уксуса, пролежавшие ночь в кастрюле в компании с базиликом и прочими травами. В ящиках стояло пиво, обложенное сухим льдом, который приволок практичный Соболь. Чуть поодаль обретались бутылки с водкой, тоже во льду. Аспирин, хищно поводя усами, вскрывал консервные банки, на большом пластиковом блюде лежали стога зелени, вареные яички, малосольные огурцы, оранжевые сладкие помидорчики, в трехлитровых баллонах краснел клюквенный морс, который все тот же Соболь прикупил у неведомой бабки-умелицы.

Аспирин ухватил яйцо, очистил, посолил и запихал в рот.

— Помню, был я в Абхазии, — сказал он, жуя, — так зашли в один дом. Там народ гостеприимный, чува-ак! Дед говорит: о, солдатики! Садитесь! А сам тащит жратву всякую... Как расставил на столе — у-у! И винище! Мамалыга всякая, мясо... Короче, мы вышли оттуда с во-от такими пузами!

Аспирин показал руками примерно девятый месяц беременности у женщины, собравшейся рожать как минимум четверню.

Пауль же был мрачен, даже еда и выпивка его не радовали.

— Ты чё, чува-ак? — спросил Аспирин, нацеливаясь на второе яйцо.

— Прикинь, сидел вчера дома, пил чай для похудения, — уныло поведал Пауль. — На вкус обычный каркаде! Так что мне кажется, разводят так людей. Причем сделан в Польше! Какой там чай?! Откуда?! Она, конечно, страна сельскохозяйственная. Ну, там, шпикачки всякие знаю, водку «Гросовку» и «Краковскую» пил. Но, блин, чай для похудения?! Жесть какая-то!

Пауль в сердцах схватил бутылку пива, зубами сорвал крышечку и выпил залпом. Рыгнул и лег на спину, уставившись в небо и злясь на поляков, которые его развели с чаем.

Даже на месте дуболомов из комендатуры я не заподозрил бы неладное — уж слишком все было пасторально, несмотря на наши гадкие рожи. Выйди из-за кустов бузины пастушок с дудочкой и белоснежными козочками, я бы не удивился. Но вот профессор выглядел беспокойно, я никак не мог понять, что ему не по душе. Вокруг никого, водка-закуска, наливай да пей. Но и на водку профессор посматривал как-то с опаской. Я уж было подумал, что, может, у нас профессор сверхчувствительный, и Зона его аж тут достает. Потом отогнал эту мысль, как глупого комара, и решил Петракова-Доброголова как-нибудь расслабить.

— Выпьем? — предложил я, не церемонясь.

Профессор дернулся, посмотрел на меня испуганно и промямлил:

— Мы же... вы же... собирались научиться прибором управлять. А если мы выпьем... вы выпьете, то когда же?...

Ах вот оно что! Я быстренько прокрутил в голове окончание вчерашней пьянки и сообразил, что для человека, непривычного к сталкерским аппетитам насчет спиртного, все это кажется диким. Я не подал вида и серьезно сказал:

— Хорошо, профессор, давайте о деле. И, кстати, где ваш замечательный прибор?

— Лично мой замечательный прибор всегда со мной, чува-ак! — сказал Аспирин, и все заржали. Нет, профессор не заржал. Он подошел к джипу и достал из багажника небольшую спортивную сумку.

— Собирайтесь, девки, в кучу, — велел слегка повеселевший от пива Пауль. — Инструктаж. Позырим, что там принес ученый человек.

Ничего особенного, надо сказать, ученый человек не принес. С виду прибор был похож на кофеварку: ту самую, которая у меня сломалась с утра. Из черной пластмассы, с рукоятью сбоку, несколькими сенсорными кнопками, подобием колбы из небьющегося, как я надеялся, стекла. Весил больше, чем казалось на первый взгляд, — килограмма три.

— Похож на кофеварку, чува-ак, — подтвердил мои опасения Аспирин.

— Немного похож, согласен. Собственно, все просто, — сказал профессор. — Вот кнопка включения. Элементов питания должно хватить на все время похода, к тому же у меня есть запасные, а еще он немного подзаряжается от солнца — видите, вот эта матовая

пластина? — но лучше экономить энергию. Кнопка включения запускает только батареи, а нейтрализатор включается так.

Он ткнул пальчиком в другой кругляшок, и все отшатнулись от «кофеварки». Петраков-Доброголовин испуганно обвел нас взглядом.

— Ты что, с-сука?! — прошипел Соболев.

— А... — понял профессор. — На людей прибор никак не действует. Абсолютно никак.

— Уверен?

— Я же держу его в руке, — выразительно сказал Петраков-Доброголовин, приложив руку к сердцу.

— Да мне на тебя посрать, — буркнул Аспирин. — Мне, чува-ак, главное, чтобы я сам был цел. Мало ли чего он у меня нейтрализует. Вот я вечером проверю, если что не так работает — я тебе этот прибор всуну знаешь куда?!

— Успокойтесь, — нервно сказал профессор. — Я же говорю — на людей не действует.

— Не моросите, братва, — поддержал Петракова-Доброголовина Пауль. Видимо, заинтересовался всерьез.

Мы придвинулись поближе, профессор еще раз показал, где включать питание, а где — нейтрализатор.

— А другие кнопки зачем? — подозрительно спросил Бармаглот. — И я вообще пока не понял, что это за фигня.

— Эта фигня нейтрализует бюрера, — пояснил я на правах старшего и знающего.

— И хули? Вырубает, что ли? Так его можно из ствола шлепнуть... — сказал Соболев.

— Нейтрализует, — повторил за мной Петраков-Доброголовин. — То есть бюрер теряет свои способности, пока прибор включен. Этот может нейтрализовать двух-трех бюреров, а нам больше и не нужно.

— Ага, — понял Пауль. — То есть перед нами уже не телекинетик, а просто кусачий карандаш. Взял за жопу — и в мешок.

— Так, — подвел черту Аспирин. — Значит, мы приходим себе к бюрерам — кстати, я тут местечко знаю, где они недавно обжились, их там негусто пока, говорили мне, — включаем эту штуку, ловим двоих и уносим.

— Примерно так, — закивал профессор.

— Заказчику нужна пара, — добавил я, внимательно глядя на Бармаглота. Остальные в общих чертах уже знали, он — нет. И мало ли что мог придумать.

— Они ж сдохнут, — сказал Бармаглот, начиная, видимо, заранее жалеть бюреров.

— Нет. Бюреры вне Зоны живут, причем достаточно долго, — возразил Петраков-Доброголовин. — Это проверенный факт, другое дело, что никто об этом пока не писал.

— Хорошо. Я с вами, — сказал Бармаглот, откупоривая себе пиво.

Еще бы он отказался.

Бутылки стремительно пустели, никто уже особо не заботился тем, насколько прожарен шашлык — горячее сырым не бывает. Пауль и вовсе бросил закусывать, только методично и молча вливал в себя попеременно водку и пиво. Профессор подобрался ко мне поближе и робко потянул за рукав:

— Господин Упырь?

Бармаглот, услышав этот лингвистический изыск, согнулся пополам от смеха. Ржал он так, что аж задохнулся и закашлялся. Соболев невозмутимо похлопал его по спине и сказал наставительно:

— Поучился бы лучше хорошим манерам у интеллигентного человека.

Профессор покосился на Соболя подозрительно, но решил не вступать в полемику. Поскольку он настойчиво тянул меня за рукав, пришлось среагировать.

— Чего? — кратко и невежливо спросил я.

— Вы же обещали мне, что завтра с утра... У меня нет возможности еще раз запрашивать информацию...

Я уставился на профессора недобрым взглядом:

— У вас какие-то проблемы, Петраков-Доброголовин?

— У меня — нет! — испугался профессор. — Но вы... вы же не в состоянии будете завтра... после такого количества... Да еще два дня подряд...

Вся компания грохнула дружным смехом. Я незаметно подмигнул Аспирину и, взяв профессора за верхнюю пуговицу его кацавейки, начал крутить ее, глядя мутными глазами куда-то в сторону.

— Ты вот что... прохвессор... ты бы выпил, а? А то сидишь букой, не кушаешь. Нехорошо. Сталкеров не уважаешь?

Я нарочито растягивал слова и добавил голосу угрожающих интонаций. Профессор заметно струсил, беспомощно оглянулся вокруг. Ребята, подыгрывая мне, скроили мрачные рожи и придвинулись поближе. Петраков-Доброголовин заволновался уже не на шутку.

— Господин Упырь! — взвизгнул он. — Вспомните о том, что я ваш заказчик!!!

Я отпустил его пуговицу и миролюбиво сказал трезвым голосом:

— Допустим, господин Петраков-Доброголовин, вы мне пока еще не заказчик. Я от вас, господин хороший, еще пока не получил ни аванса, ни...

— Как это не получали, — заверещал профессор, — а это что?

Профессор обвел обеими руками остатки пикника. Он был настолько возмущен, что забыл о том, что секунду назад нас боялся. Петраков-Доброголовин рванулся от меня, оставив в моей руке пуговицу, с мясом, между прочим, и с обидой в голосе продолжил:

— Вот это все, вы хотите сказать, ничего не значит? А графики прохода в аномальную зону? А личное дело из архива?! «Пупырев Константин Михайлович, Упырь, 36 лет...».

— Стоп! — прервал я его.

Профессор, к его чести, тут же заткнулся.

— Ты что это, шантажировать меня удумал? — спросил я его.

Профессор уставился на меня круглыми от ужаса глазами и почти прошептал:

— Нет. Я... нет... вы меня не так поняли, господин Упырь.

— Не так, говоришь? — спросил я с веселым любопытством, которое напугало его гораздо больше, чем что-либо.

Профессор побелел, оглянулся беспомощно и вдруг, когда я уж было подумал, что он бросится бежать, выкатил грудь колесом и с достоинством сказал:

— Думайте что хотите, господин Пупырев Константин Михайлович. Но я обратился к вам с серьезным заказом за серьезные деньги. И мне хотелось бы быть уверенным, в том, что исполнители меня не подведут.

— Ишь! — уважительно крикнул Соболев.

Я прищурился и ответил профессору в его же духе:

— Вы бы, господин Петраков-Доброголовин, лучше беспокоились о том, чтоб ваши серьезные деньги были готовы к нашему возвращению. А уж то, как будет выполнен заказ, а уж тем более — сколько и как пьют сталкеры — так то не ваша забота.

— Хорошо, — легко согласился профессор. Видать, дошла до него наконец метаморфоза с Упырем, который был в зюзю пьяный, а теперь внезапно сделался сильно трезвый. — Только вы прибор, пожалуйста, приберите. А то напьетесь да забудете...

Мы снова дружно заржали. А я подумал, что профессор наш не так прост. Не так он прост, этот профессор, точно...

Глава четвертая. Большая прогулка

Не соврали волшебные профессорские бумажки. Периметр был чист, и с учетом постоянных обстрелов регулярные патрули, видимо, утратили бдительность и то ли спали, то ли дулись в карты, то ли вообще привели баб. Военные вполне могли себе такое позволить, пока их начальство пишет очередную реляцию в ООН или куда они там их обычно пишут:

«За истекший период для санации Периметра израсходовано столько-то тонн боеприпасов...». И просит привезти еще.

Теплый сыроватый воздух словно звенел в тишине вместе с комарами, в избытке висящими над головой, и я услышал, как вдали открылась металлическая дверь капонира.

Услышали и остальные — притихли, вжались в траву.

Зазвенела бодрая струя — кто-то из вояк мочился на железяку. Потом громко выпустил газы, удовлетворенно крикнул и, снова лязгнув дверцей, скрылся внутри. Жизнь у людей была хорошая, наполненная смыслом и мелкими радостями.

— Может, ну его нах, чуваки-и? — спросил Аспирин, думая, видать, примерно о том же. — А завтра на рыбалку лучше... Лягуху обдерем, раков наловим, сварим с укропчиком... Пивка возьмем...

— Хорош гундеть, — пробормотал Соболев. Он, как я и предрекал, явился с двумя ружьями из коллекции, о которых по обыкновению прочел нам краткую лекцию перед выходом. Первое было охотничьим ружьем фирмы «Зауэр» «Три кольца». Сделано в Германии в 1937 году.

— Крупповская сталь! — особо отметил Соболев, вздымая палец. — А «Три кольца» — фирменный знак крупповской ствольной стали выпуска довоенных лет.

Привез ружьишко в 1945 году прадед или прапрадед, победивший немецких фашистов. По слухам (которые, как признался Соболев, сам дед и распускал, туманно намекая на какую-то операцию в районе охотничьих угодий Геринга), ружье сие было из коллекции самого рейхсмаршала, который до охоты был большой любитель и имел большую коллекцию ружей. На это Аспирин спросил, кто такой был Геринг, но Соболев лишь уничижающе посмотрел на него и ничего не ответил. Я, признаться, и сам-то помнил со времен школы лишь то, что Геринг был толстый плюс какой-то начальник у немецких фашистов, на которых вероломно напали советские. Или они напали на советских? Ладно, не важно.

— Двенадцатый калибр, — говорил Соболев, любовно поглаживая ствол. — Патронники семьдесят миллиметров — распространенный патрон. С боеприпасами нет проблем! В общем, служило людям почти сотню лет и еще столько же прослужит! Немало кровососов уложит!

Потом он взял вторую свою дуру и поведал:

— А это ружье цкибовское, то есть создано Центральным конструкторским исследовательским бюро спортивно-охотничьего оружия. Тульское.

— У меня девка из Тулы была года три тому, — вспомнил Бармаглот.

— Штучная вещь! — продолжал Соболев, сверкая глазами.

— Точно! — обрадовался Бармаглот.

— Я про ружье, — сухо уточнил Соболев и продолжал: — Ружья ЦКИБа всегда отличались хорошей подгонкой, живучестью и приличным боем. Итак, это цкибовское ружье модель МЦ-111-12. Горизонтальное расположение стволов. Запирание стволов — тройное, с помощью оси шарнира, подствольных крюков и рамки запирания. Стволы — демиблок, обеспечивающие повышенную прочность. Ударные механизмы — полные замки, расположенные на отделяемых боковых досках. Съёмное цевье имеет кнопочную защелку, расположенную перед цевьем. Спусковой механизм изготавливается в варианте с двумя спусковыми крючками. Цевье и ложа с пистолетной или прямой формой шейки изготавливаются из высококачественной ореховой древесины. Для обеспечения высокой безопасности обращения ружье оснащено предохранителем, расположенным на шейке приклада, и интерсепторами, а также указателями взведения курков, расположенными на боковых досках. Калибр — двенадцать. Патронник — семьдесят миллиметров.

— То есть патроны от твоего «зауэра» подходят легко, — сказал тогда я.

— Еще бы, — заулыбался практичный Соболев.

А вот сейчас он выглядел отчего-то сумрачно. Хотя кто выглядит особо радостно, отправляясь в Зону... К тому же с таким диковатым заданием и в такое диковатое времечко.

— А ты чего грустный? — спросил я Пауля. — Опять поляки надули с чаем для похудания?

— Не, — сказал Пауль отрешенно. — Прикинь, пошел, в общем, я в субботу купить морковки и луку на рынок. В общем, стою на рынке, трещу с пацанами с валюты. Тут идет мимо Месье, подозрительно такой радостный, и тащит меня с собой. Я ему — да мне лук надо купить, то, се. Он и говорит — заходи в «Зубр».

— В тошниловку? — удивился Соболев.

— Да нормальное место. В общем, пошел я за луком, потом зашел в «Зубр» на минутку, а там сидит уже теплая кампания во главе с пьяным Месье. Он сразу обрадовался, состав был вполне качественный... Короче, все уже почти в хлам, а за соседний стол села какая-то компания, как раз когда все курили на улице. И эти люди подрезали наш стул! Вот им предлагают вежливо его вернуть, они идут в отказ. Тут встает Месье и говорит им: «Щас будет драка!». Те люди не понимают и улыбаются. Мы им говорим — улыбаться, мол, не стоит, а Месье уже считает их по пальцам. Шесть насчитал и седьмая женщина. Она мне еще случайно томатным соком штаны облила, ну, это ерунда...

Пауль помолчал, поправил амуницию.

— Подрались? — с надеждой спросил Соболев.

— Не. Те притихли, а Месье пока вышел в дабл, а после возвращения вроде утих немного. А положил бы всю шайку, в этом сомнений не было! Один раз он в бане вырубил кампанию пожарников в количестве шесть рыл. В общем, этим людям крупно повезло, они, уходя, даже поблагодарили нас, что вышли оттуда живые и невредимые.

— Не понял, — сказал я. — Так в чем причина грусти?

— День ведь зря прошел, — объяснил Пауль.

Все помолчали.

— Лук-то принес домой? — осторожно спросил Аспирин, которого всегда волновала судьба любой жратвы.

— Не помню, — уныло сказал Пауль.

— А морковку?

Пауль пожал плечами.

Все еще раз помолчали.

— Ладно, похряли уж, — сказал я отчего-то на фоне, которую толком никогда и не знал. — Вдруг вояки передумают?

И мы похряли с довольно приличной скоростью, хоть и ползком. Места были все знакомые, только кое-где очень уж перепаханные этими чертовыми обстрелами. В сущности, пока это была увеселительная прогулка, притом с таким внушительным отрядом... И до границы Зоны мы добрались, едва ли не насвистывая. Комары куда-то пропали, дышалось на удивление легко, думалось — спокойно, и я поймал себя на мысли: а вдруг мы сейчас припремся, а Зоны нет?! Бывает же такое: болеет человек, скажем, раком, а в один прекрасный день приходит к врачам узнать, сколько ему осталось, а врач смотрит на результаты анализов и роняет очки. Нет рака. Вот и Зона: взяла и самоликвидировалась...

Нет, я вовсе не озадачился вопросом, а что ж я тогда буду делать, чем заниматься. Я, как дурак, повернулся к Паулю, чтобы поделиться с ним светлыми фантазиями; тут-то Зона меня и накрыла.

На самом деле обычно всегда знаешь для себя место, где это случится. По-моему, это сугубо индивидуальная штука, хотя есть общеизвестные ориентиры на границе. Но одних цепляет чуть раньше, других — чуть позже... А тут еще ландшафт изменился...

Короче, я перекатился на спину и лежал так, растирая виски руками. Группа остановилась — видимо, парни тоже почувствовали... Был сталкер такой, Панасоник, так тот ссался. Так без штанов всегда и вползал в Зону, чтобы портки не мочить или там памперс не надевать — неудобно в памперсе-то. Потом, понятное дело, натягивал... Штаны, не памперс. В результате — завязал, уехал куда-то аж в Молдавию, он вроде как оттуда родом был. Говорили, винзаводик у него там. Сразу видать разумного человека.

Панасоника я вспомнил неспроста — мне тоже приперло. Дождавшись, пока в висках перестанет пульсировать, и расстегнув штаны, я помочился, повернувшись на бок.

— Херово как-то, — прохрипел Бармаглот. — Меня так не накрывало давно уже...

— Может, выброс? — предположил Пауль.

— Не должно...

— Прекратили обсуждение, — велел я. — Что-то мы больно уж обрадовались, вот Зона о себе и напомнила. Расслабляться не нужно, господа сталкеры.

Я поправил контейнеры, амуницию, рюкзак с профессорским прибором. Складную клетку для плененных бюреров всучили Паулю, как самому здоровому; впрочем, клетка оказалась практичной и легкой, уж не знаю, как там насчет прочности.

Мы двинулись вперед — уже не ползком, а чуть пригибаясь — и сразу же остановились.

— Что там у тебя? — окликнул я шедшего впереди Соболя.

— Дохляк, — сказал тот, морщась.

— Свежий?

— Откуда тут свежем... В прошлый раз, видать, под обстрел угодил. Ног нету... Полз в Зону с Периметра... Направление, что ли, перепутал в ажитации.

— В чем? — уточнил Аспирин.

Я не стал объяснять. Соболю тоже.

— Глянь, что там у него полезного, и ладно.

Соболю запыхтел.

— Ни хрена! — отозвался он. — Даже ПДА нету... И по лицу не понять, кто таков. Нету его, лица-то.

Ого. ПДА кто-то снял... Кто ж тут был?! Ходят все же, авантюристы. А может, военные помогли — если, скажем, безногий этот орал перед смертью... Хабар, ПДА, да и оружие тоже денег стоит, а вояки до бабла очень жадные. Кроме разве Альтобелли да еще трех-четырех идиотов.

— Постойте! Ребята, постойте! — жалобно и чуть слышно прокричали сзади.

Это еще кто?! Я сдернул с плеча автомат и развернулся: вполне могла быть и псевдоплоть, они такие штуки любят. Или зомби, попадают среди них болтливые. А молодые сталкеры на просьбы о помощи исправно ведутся: еще бы, своему не пособить — хуже преступления в Зоне нет...

— Кто там щемится? — окликнул Пауль осторожно.

— Это я! Я! — вякнули позади.

Точно, псевдоплоть. И подстраивается-то как... Почти осмысленно разговаривает, падла.

Я снял «калаш» с предохранителя, рядом со мной то же сделал Аспирин.

— Это я! Петраков-Доброголовин! — крикнула псевдоплоть, вернее, теперь уже точно не псевдоплоть. Я выругался, рядом со мной то же сделал Аспирин.

— Ах ты, сука, — сказал Бармаглот, и я не разобрал, чего было в его голосе больше — досады или уважения. Профессор пыхтел, вытирал с толстого лица грязный пот, руки у него заметно тряслись, и точно так же тряслась на поясе кобура с модернизированным «стечкиным». Спецкостюм был весь в мусоре, в дерьме каком-то. Видать, на брюхе полз.

Все смотрели на него, а Петраков-Доброголовин виновато моргал. Нет, он определенно мне не нравился. Я ничего не мог поделать — отношение к профессору за время нашего недолгого знакомства менялось по мелочам туда и обратно, но сейчас он мне не нравился особенно активно.

— Я не решился... ну, чтобы вы без меня... не мог упустить такую возможность... — развел руками профессор.

— На самом деле послать бы вас... назад, — сказал я. — Но из Зоны тем путем, которым вошел, никто не возвращается. А другой дороги вы просто не найдете. Да вы и этой не найдете.

— Невелика беда, — сказал Соболю. — Тут посидит. Вон и товарищ ему валяется дохлый... Скучно не будет.

— Велика, — возразил я, покачав головой. — Господин профессор фактически наш работодатель. Я даже не знаю, с кем связаться, если мы выйдем из Зоны с заказным хабаром... Вы ведь не оставите нам адреса и телефоны, а?

— Черта с два, — с достоинством сказал Петраков-Доброголовин и поправил кобуру. Сообразил, паскуда, что мы его будем беречь и лелеять.

— Не факт, — заметил Аспирин. — Чува-ак, сейчас я сделаю костерик, раскалю в нем шомпол, вставлю его прохвессору в задницу, и он нам расскажет не только адреса и телефоны, а даже и курс евро на будущую неделю.

— Я совру, — сказал профессор. Лицо его толстое было все в каплях пота, губы тряслись. — Как вы проверите? Назло совру.

Я где-то читал, что в экстренных ситуациях толстые люди проявляют чудеса мужества и героизма. Пухлый профессор определенно тянул на подтверждение этой теории. Знал ведь, что Аспирин насчет шомпола совсем не шутит. Черт, я опять стал относиться к нему практически нормально — насколько можно было позволить в сложившейся ситуации.

— Ладно, — решил я. — Идите в середину. По крайней мере не влезете в какое-нибудь дерьмо. Шаг влево, шаг вправо без разрешения равносителен смерти. Вообще ничего не трогайте, не хватайте, не...

— Не жрите и не нюхайте, — закончил за меня Аспирин. — Короче, мы идем, чува-ак, или будем дальше проводить профсоюзное собрание? Жрать охота.

Аспирин, насколько я знал, всегда ходил в Зону натошак, зато на первом же привале обжирался. Что ж, все сходят с ума по-своему. И мы двинулись вперед, миновав благоухающее место последнего упокоения неизвестного сталкера с оторванными ногами.

* * *

Профессор исправно шел вперед. Возможно, он действительно бегал трусцой по утрам и делал гимнастику с килограммовыми гантелями, но в Зону я бы с ним не пошел, если б не нужда. Видно было, что человек для этого не создан. Он вопреки советам хватался за ветки и стволы, теряя равновесие, сбивался с тропы... Потому я специально выждал, пока он схватится за свисающий над тропой сук ракиты, облепленный незаметной с первого взгляда субстанцией, похожей на сопли. Это было что-то вроде «жгучего пуха», но свежее, появившееся в результате предпоследнего выброса. Кажется, «соплями» и называлось. Профессор ухватился, взвыл, едва не сунул обожженную руку в рот, но его вовремя сбил ударом ноги Пауль.

— Лежать! — заорал я. Вернее, рывкнул вполголоса — орать тут не полагалось. Профессор застыл, полагая, что его решили-таки прикончить.

— Слушай, Петраков-Доброголовин, — сказал я, стоя над ним. — Я предупреждал: ничего не делать без разрешения. Вот злонравия достойные плоды.

Петраков-Доброголовин вытаращил глаза: вероятно, это была умная цитата, хотя я лично прочел ее от скуки в какой-то старой книжке, когда пересиживал выброс, и даже не запомнил, чьи это слова. Книжка потом ушла на подтирку, это судьба любой книжки в Зоне. Даже Библии. Бумага — она и есть бумага.

— Если бы не господин Пауль, — я указал на соратника, — вы бы сунули лапу в пасть, обожгли язык, а там, вполне возможно, случился бы отек, и вы просто померли бы от удушья. Или язык отвалился бы. Обратнo мы бы вас не донесли, а в Зоне из медицины только Болотный Доктор, но он далеко и не факт, что взялся бы вам помогать. Поэтому я советую вам хорошенько пописать на обожженное место, а в дальнейшем не дергаться и вести себя тихо.

Петраков-Доброголовин мелко закивал. Руку, видать, сильно жгло, хотя сравнивать мне было не с чем: «жгучий пух», как верно сообщала справка из комендатуры, на меня не действовал, а в «сопли» я ради эксперимента совать палец не собирался.

— А раз так — ссыте, профессор, и пойдем, — сказал я.

Ну, профессор поссал, мы и пошли.

Глава пятая. Розовая мерзость

Танк никуда не делся, и возле него мы сделали долгожданный (особенно для Аспирина) привал. Большая поржавевшая машина стояла, уперевшись кормой в покосившийся колодец, над которым торчал белоснежный журавль. С журавля даже не облупилась краска, особенно ярко блестевшая на утреннем солнышке, и я не раз задумывался: а вдруг неспроста? Пора бы уже ему вообще сгнить, этому проклятому журавлю... Но ничего странного и страшного здесь до сих пор ни с кем не случалось, журавль стоял себе и стоял, опустив цепь с ведром в колодец. В глубине поблескивала вода, пахло плесенью и лягушками, хотя сроду никаких лягушек я тут не видел. Банки консервные плавали, да, и мусор всякий — перекусывая, сталкеры использовали колодец как урну, благо пить оттуда все равно было нельзя.

А вот что случилось в свое время с танком — непонятно. Люки были намертво закрыты, такое впечатление, изнутри. Предполагали, что экипаж погиб от радиации, но танк — в отличие от окружающих его предметов — почти не фонил. Предполагали, что люки заварили, но кому это было на хрен надо в те мутные времена? Бросали и не только танки, возился бы кто-то с этой рухлядью... Есть места, где эти танки и бэтээры стоят колоннами, и ничего.

Короче, танк торчал на положенном месте, порождая все новые легенды о том, что же там внутри. Собирались даже вскрыть люки и посмотреть, но пока на словах. Лично я думал, что туда лучше не соваться вовсе.

Вот был такой Плющ, так он в Припяти, в пустой квартире, в кастрюльку на плите заглянул.

Ничего на дурные мысли не наводило: кухонька, клеенка в цветочек, на плите — кастрюлька розовенькая с узором, закрыта крышкой. Плющ и не удержался — снял крышку. Долбануло так, что пробило верхние железобетонные перекрытия. Я в другой комнате был, а Чук — рядом, так он все видел. Синеватый столб света изнутри кастрюльки снес Плющу лицо, а Чука отбросило в сторону да сверху еще холодильником приложило. Чук-то оклемался, Плюща пришлось добивать. Не может человек без лица жить. Что там с кастрюлькой, мы и смотреть не стали.

Мы перекусили (вернее, перекусил в основном Аспирин, остальным было пока без надобности). Я получил сообщение, что Семецкий черт знает где за Припятью отдал концы от скоротечной дизентерии. Профессор с интересом озирался вокруг.

— Любопытный какой танк, — сказал он. — Это же довольно старая модель, кажется, Т-55... видимо, с самого начала здесь стоит... И люки закрыты.

Он побарабанил пальцами по броне рядом с люком механика-водителя, и тут я с ужасом услышал, как внутри огромной боевой машины что-то лопнуло. С таким звуком, словно человек надул шарик из жевательной резинки, только в несколько раз громче.

Услышал и Аспирин, который быстро засунул в рот остаток куска сублимированной ветчины.

— Чёй-то, чува-ак?! — тихо спросил он и выбросил в колодец пластиковую обертку.

Я пожал плечами, за локоть оттащил профессора. Все прислушались — в танке снова лопнуло, чуть громче, потом броня визуально ощутимо завибрировала, словно заводился двигатель.

— Быстро все отсюда... — пробормотал я. — Пауль первым, за ним профессор...

Мы, оглядываясь на танк, в котором лопающиеся звуки уже стали накладываться один на другой, двинулись прочь от деревеньки, где он, собственно, и стоял. Но не успели. Из разом распахнувшихся люков, откуда-то снизу и даже из ствола орудия поползла розовая субстанция, напоминающая все ту же жевательную резинку — клубничную, например... Только ползла она довольно шустро и тянулась щупальцами за нами вслед.

— Быстрее! — крикнул Бармаглот, и мы ломанулись через какие-то огородики, поросшие выродившимся жестким зеленым луком и невообразимого размера тыквами.

Перепрыгивая через чертовы тыквы, я тащил за плечо профессора, разумно рассудив, что он в отличие от остальных имеет максимальные шансы влететь на бегу в «мясорубку» или «карусель».

Но влетел не он. Влетел Бармаглот.

— Сука! — крикнул он, взмывая в воздух. «Карусель» была мелкая, недавно народившаяся — потому опытный Бармаглот ее и не заметил на бегу. Пострадал он не слишком, но то, как неуклюже он упал, сразу подсказало: подкрался полярный зверь песец.

И точно: правая нога Бармаглота торчала вбок в колене практически под прямым углом. Её и ломанула «карусель», по инерции швырнув сталкера вверх. Раздумывать было некогда: мы с Сободем подхватили потерявшего сознание от боли Бармаглота и потащили прочь. Забытый профессор скакал следом, словно хренов тушканчик, стараясь попадать след в след. Научился, поди ж ты. Ещё бы, на таком-то примере...

Мы перемахнули овражек, продрались через крушинник и остановились, потому что догнавший нас Пауль выдохнул:

— Оно вроде отстало!

Я обернулся — в самом деле, розовая дрянь задумчиво копошилась в овражке, ощупывая своими отростками толстые листья болотных растений. Дальше она не ползла — вероятно, в танке находилась некая ограниченная масса, способная растягиваться и раздуваться до строго определенных границ. Бляха, резинка жевательная и есть... Я с отвращением смотрел на шевелящуюся субстанцию, по которой волнами проходили пузыри. Черт ее знает, может, вовсе безвредная штука... Но в Зоне безвредного почти ничего нет.

Я поморщился — показалось, что пахнет клубникой. Эти, как их... обонятельные галлюцинации?

— Вот чего люки-то не открывались, — сказал Соболев. — Оно изнутри держало.

— А почему раньше не вылезало? — спросил я.

— Во-первых, откуда ты знаешь? Может, вылезало, да только тех, кто расскажет, не осталось. Место считалось безопасное, люди там и подремать, и пожрать-погадить останавливались... За колодцем-то, метрах в пяти...

— А во-вторых?

— А во-вторых... — Соболев помолчал, глядя вниз, на дно овражка, где по-прежнему копошилась розовая гадость. — А во-вторых, что с Бармаглотом делать станем? Плохо с ним. Очень плохо.

Бармаглот был по-прежнему без сознания. Оставив Аспирина наблюдать за овражком — не полезет ли наружу розовое тесто, — мы занялись Бармаглотовой ногой. Выглядела она страшно: обычным образом ногу так не сломать, только «карусель» способна, что называется, с подвывертом... Если повезет, поставит себе искусственный сустав. Если не повезет — отходился Бармаглот. Хотя о каком тут везении речь — назад его нести уже поздно, следующее окно в обстрелах и бомбометании через двое суток. Открытый перелом... Болотного Доктора бы сюда, да где те болота... Разве что сам явится, он может.

Я на всякий случай посмотрел на экран ПДА — пусто, никого поблизости. И вдалеке никого. Как и следовало ожидать. Конечно, можно доставить его в «Сталкер»... Хотя нет, далеко.

— Может, к Тёмным его? — тихо спросил Пауль, словно читая мысли.

— А как допрешь? Далеко же... С такой ногой...

Соболев тем временем вколол Бармаглоту внушительную дозу обезболивающего и антибиотик, залил разрывы тканей коллоидной пленкой. Принялся мастерить шину.

— Не дотащим, — сказал он, возясь. — Как вариант: давайте искать схрон. Оставим его, а на обратном пути подберем.

— Не выдержит, — покачал головой Пауль. — Вдруг задержимся? Это ж такая фигня, как тут загадаешь...

— Она назад пошла, — отозвался Аспирин, наблюдавший за овражком. — Чё там, чуваки?

— Хреново тут, — ответил я. — Схрон искать Бармаглоту будем.

Где-то в отдалении заухало, загрохотало. Доблестные brave солдатики мочили из своих РСЗО.

Аспирин подошел к Бармаглоту, посмотрел на торчащие белые куски кости. Кровь уже остановил коллоид-гемофаг, но и без крови рана смотрелась жутко.

— Что ж так, чува-ак... — пробормотал он сочувственно. — Не, ну какой схрон? Какой схрон? Он же двинуться не сможет... А если сознание потеряет?

— Он в него до сих пор не пришел, кстати, — вставил профессор.

— Другого выхода нет, — отрезал Соболев.

Над головами метнулась стая ворон, уселась на верхушках берез и принялась хрипло орать, словно заранее хороня Бармаглота и предвещая вкусный пир. Соболев было взялся за ремень одного из ружей, но я покачал головой. Соболев еле заметно пожал плечами. Зря стрелять — смысла нет, кто-то услышит, один мутант убежит подальше, другой, наоборот, заинтересуется и прибежит... Да и ворон почему зря бить ни к чему, они — еда.

— Ищем схрон, — согласился Аспирин. — Я ничё. Давайте носилки делать.

Носилки мы соорудили быстро из ремней и вырезанных тут же в березняке тонких, но прочных стволиков. Уложили Бармаглота, на всякий случай привязали покрепче — мало ли, вдруг опять бег по пересеченной местности случится. Когда Соболев и Пауль подняли носилки, сталкер неожиданно открыл глаза и спросил:

— Что, совсем хреново?

— Ногу ты сломал, брат, — сказал я. — Вразнос пошла нога, в самом колене.

— Вот бя... — констатировал Бармаглот. — И куда вы меня тащите, пидорасы?

Это была фраза из старого, всем известного анекдота, и мы дружно посмеялись, даже профессор.

— Тащим мы тебя в схрон. Ты уж извини, назад — поздно, вперед — бессмысленно, — объяснил Соболев.

— Без мазы, — подтвердил Пауль.

— Давайте в схрон, — согласился Бармаглот. — Я тут не очень далеко знаю будку. То ли газопровод под ней, то ли нефтепровод... Крепкая такая будка. Тайник у меня там.

— Ты погоди тайники раскрывать, а то сейчас начнешь... — проворчал Соболев.

— Так это мне тайник, не вам. Жратвы чуток, «калаш» старенький, патроны... Бухло.

— А. Тогда хорошо, — одобрил Соболев. — Будешь как на даче.

Я хорошо представлял себе это «на даче». Лежишь в темноте, не можешь двинуться, в руках — дохленький «Калашников», а за стенами... Если придет крупный кровосос, или химера, или даже несколько крупных псевдоплотей — отдерут дверь в два счета, там же будка над трубой, а не бункер ядерный. А если придет контролёр — сам встанешь и откроешь, даже со сломанной ногой...

И главное — нет уверенности, что тебя подберут. В Зоне сейчас почти никого нет, на экран ПДА можно пялиться до бесконечности. А братья-сталкеры, которые обещали зайти на обратной дороге, еще неизвестно, живы ли сами.

Нет, я так ни разу не лежал. Тьфу-тьфу-тьфу три раза через левое плечо, и вот даже по дереву постучу... Но я очень хорошо представлял, как это бывает. Потому в схронах выживают немногие. Стреляются, вскрывают вены, вкалывают передоз наркотиков, сходят с ума...

— Поехали, — сказал Бармаглот. — Чего стоим.

* * *

Будку мы нашли быстро: Бармаглот нас хорошо сориентировал, по пути никто не мешал, и в итоге к схрону вышли спустя часа полтора. Будка в самом деле стояла посреди леса, утопленная в искусственный холмик; желтая дверь с полустершимися буквами и цифрами была закрыта.

Аспирин осторожно опустил свою сторону носилок на траву и подошел к будке. Подергал дверь, оказавшуюся внушительнее, чем я думал.

— Замкнуто, — сказал он. — Чува-ак, ключ давай.

Бармаглот открыл глаза, поморгал.

— Дошли, что ли? — осведомился он. — Ключи тут... Смотри справа от двери, кирпич, на нем нацарапано.

— Чё нацарапано, чува-ак? — не понял Аспирин.

Бармаглот коротко объяснил, что обычно пишут на кирпичах, и Аспирин тут же нашел ключ.

В будке оказалось тесно и сыро. В полу действительно виднелся большой люк, опломбированный и затянутый грязью (видать, во время дождей крыша будки подтекала). На стене был прикреплен металлический шкафчик, открытый нараспашку и пустой, в углу валялась пустая водочная бутылка и какие-то консервные банки, тоже пустые.

— Вот и дача, — сказал Бармаглот. Судя по всему, ему было очень больно, наркотики «не держали», но он крепился. — Все, валите. Я спать буду.

— А тайник твой где ж, чува-ак? — спросил Аспирин.

— Так я тебе и сказал. Тут он, не бойсь.

— Да я так просто спросил, — надулся Аспирин.

Мы натаскали Бармаглота хвойных веток, постелили рядом с люком. Тайник Бармаглот показать так и не взялся — вероятно, прикинул, что дотянется до него со своей постели в случае необходимости, да и с собой у него было все необходимое на первое время. Как он собирался справлять малую и большую нужду, я спрашивать не стал — его дело. Выкрутится.

— Вы меня запираете, — велел Бармаглот.

— Типа?! — округлил глаза Аспирин.

— Снаружи. Дверь-то изнутри не закрывается... Да я и не встану, чтобы самому закрыться. А на обратном пути сами и откроете.

Бармаглот был стопроцентно прав. Кстати, и контролёру его в этом случае не взять — сам не отопрется. Зато если мы не вернемся...

Мы попрощались, пожелали ему удачи, вышли наружу, из сырой темной прохлады на яркий солнечный свет, и я закрыл дверь на замок. Ключ хотел положить в карман, потом, подумав, убрал его в тайничок за неприличным кирпичом. Мало ли что со мной случится — как тогда без ключа?

— Ради всего святого, Монтрезор!!! — заорал изнутри Бармаглот, словно из склепа.

— Послушайте, — зашипел Петраков-Доброголовин, до которого дошел весь кошмар ситуации. — Послушайте... А если мы назад не вернемся, а? Это же получается, мы его только что замуровали!...

Я внимательно посмотрел на профессора.

— А вот это и есть неприятные издержки нашей профессии, — сказал я. — Во имя — в том числе — научного прогресса.

За дверью заухал Бармаглот — он всё-таки услышал наш разговор и теперь смеялся. «Ради всего святого, Монтрезор...». Откуда это? В университете учил? Не помню...

И мы поспешили отойти от будки.

Глава шестая. Никаких проблем

Редко, очень редко я видел вот такую Зону, как сейчас. Не считая приключения с розовым дерьмом, выползшим из танка, с нами ровным счетом ничего не происходило. Да, мы потеряли человека (я надеялся, что не окончательно), но больше нам ничего не угрожало. Когда мы шли по склону холма, внизу резво промчалась стайка черныбыльских псов, которые кого-то гнали — мелкого, незаметного. Крысу, может. Не только ж сталкерам крыс хавать, в конце концов.

На нас псины отвлекаться не стали, то ли убоялись, то ли добыча была привлекательнее, чем несколько вооруженных сталкеров. Потом на тропу выскочила небольшая псевдоплоть, в ужасе взмахнула передними лапами, вскрикнула:

— Фафанаф! Гульдигрея!

И скрылась в кустах, прежде чем кто-то из нас успел выстрелить.

Профессор вникал в происходящее, радовался увиденной вживую псевдоплоти, но в глазах его по-прежнему стоял давешний ужас. Он, видимо, тоже достаточно ярко представлял, что может пережить замурованный Бармаглот в случае нашего невозвращения. Впрочем, Петраков-Доброголовин не так уж много знал о Зоне с точки зрения сталкера, иначе понял бы, что реальность куда страшнее, чем то, что он себе напредставлял.

После псевдоплоти к нам никто не приходил, и на мини-привале Аспирин объяснил наконец, что он имел в виду под новым городком бюреров. Это было довольно далеко — за «Янтарем» и Агропромом, левее Припяти. Туда мало кто ходил, я и сам забрел только раз... Что ж, ничего удивительного — дрянь место, так всегда бывает, когда надеешься, что все будет хорошо. В любом случае ни Агропром, ни «Янтарь» я по пути посещать не собирался от греха подальше. А если все пройдет успешно — что ж, буду знать, что там дальше за места. Никогда не повредит.

Что до городка бюреров, то это я его так для себя назвал; Аспирин же именовал городок как «место, где эти падлы поселились». А поселились падлы в старых железнодорожных вагонах, что в принципе вполне в духе бюреров, весьма любивших руины человеческой цивилизации, так радушно оставленные на территории Зоны.

Идти туда можно было тремя путями (по крайней мере я лично знал три), и все из разряда крайне неприятных. В результате коллегиально решили идти через горелый лес. Хрен редьки не слаще, но там вроде было чуть поспокойней.

— Интересно, что это было такое розовое? — спросил сам у себя профессор, чапая рядом со мной. — Вероятно, активная биомасса...

— А ты сходи обратно и набери в баночку для анализов, — посоветовал Пауль. — А потом, если ноги унесешь, произведешь исследование.

— Да она в танк снова залезла, чува-ак, — сказал Аспирин, что-то жуя на ходу. — Хрен ее знает, по какому принципу она из него вылезает. Я лично, например, на броне там сидел буквально жопой несколько раз, и ничего не вылезало. А тут — поди ж ты...

— А вот эта псевдоплоть, — продолжал профессор свои умствования. — Они ведь умеют говорить, не так ли? Но откуда у них такие любопытные лингвистические построения? Мне что-то явно напоминает...

— Тупые они, чува-ак, — пустился в объяснения Аспирин, решивший, видимо, приобщиться к науке. — Наслушаются человеческих слов, а потом в башке они у них запутываются, вот и получается абракадабра.

— Абракадабра! — крикнуло из кустов, и псевдоплоть — давешняя, что ли? Может, кралась за нами? — кинулась наутек, хрустя ветвями. Издевается, сволочь? Я хотел пальнуть ей вслед, но мутант и без того улепетывал очень резво.

— Ату ее! Ату! — азартно заорал Соболев.

— Вот, видал, прохвессор?! — обрадовался Аспирин. — А через полчаса забудет, если не раньше.

— Любопытно, — сказал профессор. — Было бы интересно проверить, какой первоначальный объем речи она может запоминать...

— Догони, чува-ак, — предложил Аспирин. — И поговори.

— Так, — сказал я. — На самом деле мы все крупно облажались — псевдоплоть шла рядом с нами, а мы рты разинули, ничего не заметили... Грош нам цена как сталкерам. Шутники, блин...

— Не мороси. Это ж псевдоплоть всего-навсего, — буркнул Пауль.

— И что? Или ты мало знаешь сталкеров, которых псевдоплоть завалила? Тут никого нельзя недооценивать, брат.

— Учить он меня будет, — обиделся Пауль и отвернулся. Ответом ему стали очередные проделки озорной псевдоплоти, которая убежала недалеко и тут же вернулась. Укрывшись за валяющимся под склоном обгоревшим корпусом микроавтобуса, она принялась задорно вопить:

— Мрокофь!!! Закурак!!!

— Веселая какая тварь попалась, — заключил Соболев, снимая с плеча «зауэр». — И дружелюбная. Только я не люблю подобного юмора, да и приятелей у меня хватает.

— Черт с ней, — сказал я. — Покричит и отстанет. Да и Бармаглот бы не одобрил.

— Бармаглота с нами нету, — резонно заметил Соболев, но ружье убрал. С видимым сожалением.

Я осмотрелся. На самом деле обстановка мне совершенно не нравилась. Тишиной своей, пусть и нарушаемой ораторствующей псевдоплотью... Покоем, пасторальностью этой чертовой: солнышко, травка зеленая, цветочки какие-то...

Снова приблизился пастушок с беленькими козочками или овечками, как в прошлый раз на пикнике...

В чем-то я даже был благодарен проказливой псевдоплоти, которая своими воплями напоминала, что я вовсе не в гостях у друзей под Харьковом на даче, а в самой заднице мира. Как-то я прочел в некой книге, названия уже не помню, такую фразу: «Если бы мир имел форму задницы, то мы находились бы в самой ее дырке». За дословность тоже не ручаюсь, но находились мы именно там.

— Пожрать бы, — сказал Аспирин, потирая брюхо. — Место хорошее, обзор вокруг... А то неизвестно, что там дальше будет. Вдруг полный офсайт.

— Ты ж только что жрал?! — поразился Пауль.

— А вы-то нет, — парировал Аспирин. — А потом пробежка эта по пересеченной местности, а пока Бармаглота волокли... Организму требуется энергия, чува-ак! А в Зоне — особенно.

Профессор всем видом выражал солидарность с Аспирином. Они вообще, кажется, малость спелись, и я решил именно Аспирина поручить присматривать за Петраковым-Доброголовиным. Заодно и отдаст дань науке, если ему захочется.

— Давайте перекусим, — согласился я. — Соболев — подежурь, брат, чтоб нас никто за задницу не ухватил за обедом.

Соболев пожал плечами и стал для развлечения целиться из «зауэра» в руины микроавтобуса, за которым пряталась псевдоплоть. Она не унялась и периодически блекотала в разной тональности:

— Небанбанба... Пермадули...

— Как будто матом кроет, — с уважением заметил Аспирин, откупоривая флягу.

Под аккомпанемент изобретательной псевдоплоти мы выпили по сто пятьдесят водки, сжевали саморазогревающееся мясо с обычными солеными огурцами и залили все это дело водой. Аспирин рассказал о том, как он, будучи в Крыму, кажется, в очередной раз вышел откуда-то с во-от таким пузом.

Профессор тоже повеселел.

— А пробовал кто-нибудь с псевдоплотью разговаривать? — поинтересовался он.

— Пробовали сто раз. Только она не соображает ни хрена. Даже если и отвечает вроде бы впад... Попугай, короче, — сказал я и встал. Нужно было справить большую нужду, и я, отмотав шматок туалетной бумаги, отошел в кусты. Недалеко — так, чтобы видеть своих, а они видели меня. Профессор деликатно отвернулся, а сменивший Соболя, который торопливо поедая свою долю, Пауль, наоборот, внимательно за мной следил. Когда в Зоне сидишь орлом с голой жопой, очень важно, чтобы за тобой кто-то присматривал. Эту самую жопу прикрывал. В обычной жизни для отправления естественных надобностей нужны всякие там ватерклозеты, биде и прочая сантехника, а тут — чем больше вокруг народу и меньше всякой фигни, тем приятнее гадить. Ибо — безопасность.

Делая свои дела, я прикидывал, стоит ли все же нам идти через горелый лес. Хотелось, конечно, развязаться с чертовыми бюрерами поскорее, вернуться домой и на зависть братве

прогуливать полученные денежки. А еще лучше — махнуть на курорт, благо сумма позволяет. Вот Аспирина с собой взять, например, для веселья. Будем отовсюду с во-от такими пузами выходить... Он, правда, затеется постоянно драки учинять, но это тоже своего рода веселье. Не все же время в соленой водичке купаться и девок клеить, в конце концов, надо и о культурной программе подумать.

Перед тем как я завершил свои большие дела, ПДА сообщил, что Семецкий погиб на Агропроме, придавленный упавшей железякой.

Вернувшись, я донес до спутников эту радостную весть и сказал:

— Если кому еще нужно оправиться, давайте по-быстрому, и двигаемся дальше.

Профессор, зардевшись, попросил у меня бумажку и засеменил прочь, но был уже ученый не только в обычном, но и в зоновском смысле — тоже присел на виду. Отвернул, правда, рожу опять — типа раз он нас не видит, то и мы его тоже. На здоровье, зато цел будет...

— Может, срежем? — спросил Аспирин, кивая на бетонку. Я и сам на нее внимательно смотрел, еще сидючи по своим делам. Бетонка спускалась с холмов в полукилометре впереди, пересекала долину и исчезала в пресловутом горелом лесу. Изначально планировалось идти прямо, а потом свернуть почти на девяносто градусов, но бетонка выглядела заманчиво.

Собственно, я по ней не раз ходил. И один, и в группе. Бетонка старенькая, раскрошенная, местами просевшая — там, где ее водой подмыло по весне... Но чистенькая. В смысле, аномалий на ней не имелось ни одной за все мои случаи походов. Редко такое бывает... Аномалии, понятное дело, вещь бродячая, сегодня нет ее — а завтра тут как тут, искрится, шевелится. Но по бетонке идти, как ни верти, удобнее.

— По бетонке, говоришь... — пробормотал я. — А вот скажи, брат, тебя не смущает то, что слишком вокруг тихо?

— Как это? — не понял Аспирин.

— Тихо, — повторил я. — Спокойно, безмятежно... Хоть снимай костюм, ботинки, и без порток — по травке.

— Есть такое, — согласился Аспирин, тревожно оглядевшись. — Так это... Зона-то пустая, чува-ак. Мало-мало кто сейчас сюда вылезит, разве что Тёмные из своих схронов по своим темным делам да дураки вроде нас... Вот она и молчит. Никто ж не тревожит. Мутанты небось друг друга хавают, им тоже не до нас. Вон дура одна орет, а больше никого и нету.

В словах Аспирина был неожиданный смысл, и я сказал:

— Тогда пойдем по бетонке.

И мы пошли по бетонке.

Как ни странно, псевдоплоть последовала за нами параллельным курсом на почтительном отдалении, умело скрываясь в складках местности и прячась за редкими кустами. Было непонятно, то ли у нее просто совпало направление следования, то ли она видела в нас потенциальную добычу, то ли мы ей еще чем понравились. Например, как благодарные слушатели. Изредка она что-то бормотала и вскрикивала, но ветерок относил звуки в сторону. Тем более на юге опять забухало — вояки чертовы снова чистили Периметр.

— Все же зря я ее не шлепнул, — с сожалением произнес Соболев. — Может, сейчас?

— Оставь ты тварюку, — махнул я рукой. — Кто знает — а ну если пригодится зачем?

— Совсем ты, Упырь, с ума сбрендил, — сказал печальный Пауль, ковыляя по растрескавшемуся покрытию.

А я вовсе и не сбрендил. Я слышал рассказ, не помню чей, как за ними вот так же увязалась химера. Химера — штука такая, что если увязалась, то можно завещание писать. Но эта именно шла поодаль, совсем как наша псевдоплоть, а потом неожиданно напала на довольно крупного кровососа, который прятался в канализационном люке и которого никто не заметил. Убила его и ушла, унеся добычу. Зачем шла, почему людей не тронула? Эх, в Зоне и не такое случается... Поэтому я покачал головой и сказал:

— Нет, брат, я не сбрендил. Пусть себе бегают.

Глава седьмая. Тишь да гладь

Как известно, я в свое время учился в институте кинематографии. Зачем я это делал — аллах ведает. Поступить туда было легко, ну и у мамы была мечта такая.

На самом деле толку от этой учебы было чуть, к тому же преподавание строилось в основном на шедеврах украинского кино, каковых, если честно, и с десяток не набралось бы. Поэтому нам иногда показывали иностранные фильмы, например, русские.

Один из них я запомнил, хотя пришел на просмотр изрядно пьяным после какой-то вечеринки. Собственно, я и ходил-то в основном на те занятия, где показывали фильмы, и то не всегда. Вот и в тот раз я пилился в экран, где шла старинная картина русского режиссера по фамилии, если не ошибаюсь, Твардовский. А называлось кино «Сталкер» — это я четко запомнил.

Оно мне не понравилось — снято как-то блекло, герои истерично мечутся, хотя, по сути, ничего особенного вокруг не происходит... Однако потом, в Зоне, я очень часто вспоминал этого Твардовского и его «Сталкера».

Сам сталкер, то есть герой фильма, который вел не пойми куда еще двоих, писателя и, кажется, ученого, мне тоже не нравился. Такие мужики на самом деле у нас были, но они не выживали. Уж слишком дерганые. Не Зона сожрет, так свои шлепнут, если осерчают. Но не в сталкере и дело, а в Зоне.

Зона там, в кино, была тихая и в чем-то красивая. Мне запомнились танки, сплошь заросшие ползучей травой. Кстати, парочку таких я и здесь видел — недалеко от Милитари есть лужок, и на этом лужке они стоят. Два танка и бронетранспортер, да их толком и не видать — холмики зеленые... А тишина и красота Зоны у Твардовского мне вспомнилась сейчас, когда мы топали по бетонке, сторожко оглядываясь вокруг и цокая подковками на ботинках.

Бетонка была практически пустой. Практически — потому что сквозь трещины в некоторых местах проросли кустики травы, сорняки, даже небольшие деревца. Пахло цветами, нектаром. На обочине стоял бульдозер некогда синего цвета, а теперь ржаво-облезлый. Дверца кабины была открыта, внутри, на разодранном сиденье, лежали пустые консервные банки и бутылка из-под водки. Видимо, кто-то в кабине ночевал или пережидал непогоду, а заодно и трапезничал. Аспирин предложил было порыться в бульдозере на предмет чьего-нибудь тайничка, но я отнесся к этому скептически — уж больно открыто торчал на дороге бульдозер, да и убежищем для прохожего сталкера он становился явно не раз. Профессор встрял, вспомнил какое-то похищенное письмо и рассказ по этому поводу, написанный писателем по фамилии то ли Лимпопо, то ли как-то так — я тут же забыл. Фишка рассказа была в том, что, если чего хочешь спрятать, положи на видное место. Ага. Дурень этот Лимпопо, будет еще учить сталкера хабар прятать.

Аспирин тем не менее вдохновился классикой, приотстал и порылся в кабине, но, как и следовало ожидать, ничего не нашел. Догнал, отдуваясь и что-то бормоча под нос.

— Как много в Зоне брошенной строительной и военной техники, — задумчиво произнес профессор, топая рядом со мной.

— Это вы еще не видели свалок, которые с первого взрыва остались. Там эта техника как на параде. И вертолеты, и экскаваторы... Хотя вы правы, тут везде или танк, или трактор, или самосвал... Бросали, радиоактивное ведь все. Кое-что и вывезли под шумок, потом продали, говорят...

— Но ведь можно, наверное, что-то и сейчас починить...

— В смысле, чтобы потом по Зоне ездить, а не на своих двоих? Легко. Кое-что и чинить не придется: в Зоне энергетика ого-го, садись в машину, заводи и езжай. Только знаете, профессор, по Зоне не ездят. Над ней не летают. Вернее, попробовать никому не запрещается, вот только что из этого получится?

— А как же военные вертолеты?

— Военные — не дураки. Они летают редко, но метко, и, как правило, по четким наработанным маршрутам. Плюс недалеко, как гордая птица ежик. Хотя и военные гробятся, куда ж без этого... Да, есть мастера, которые и на джипах здесь гоняют. Но тоже в конкретных местах, по конкретным дорогам и, что важно, на довольно короткие расстояния. Из машины не все аномалии углядишь, а ведь автомобиль это к тому же ловушка, коробка железная... Схлопнется — и будешь там сидеть и подыхать, как килька.

— Даже танк?

— А что танк, чува-ак? — включился в беседу Аспирин. — Танк — та же железяка, только на гусеницах. Хороший «трамплин» этот танк за вон тот бугор закинет. Нет, я лучше пешком.

Соболь шел впереди молча, хотя разговор слышал, и был занят — пинал пустую консервную банку. Банка катилась впереди, подскакивая на трещинах и неровностях. Казалось, что сталкер шалит от скуки, но на самом деле Соболь страховался и провешивал дорогу. Банка, чуть что, среагирует на невидимую аномалию не хуже привычного болта.

Банка подпрыгивала и еле слышно дребезжала, шлепая полуоторвавшейся этикеткой с надписью «Завтрак туриста».

Стоп.

Еле слышно?

Пустая жестянка катится по неровному бетону еле слышно?!

— Стоять! — заорал я.

Соболь остановился как вкопанный, профессор по инерции сделал несколько шагов и врезался ему в спину. Сзади замерли Аспирин и Пауль, который тут же сорвал с плеча автомат и принялся озиаться, водя стволом по сторонам.

— Что случилось? — спросил профессор. Голос Петракова-Доброголовина прошелестел, словно он разговаривал со мной по телефону откуда-то очень издалека.

— Соболь! — крикнул я.

Соболь осторожно обернулся.

— Непорядок, — сказал он. Соболя я тоже еле-еле слышал, звук съедался, хотя вокруг ничего не предвещало беды — та же бетонка, те же редкие кустики вдоль обочины, покосившийся дорожный знак, на котором уже не понять что изображено...

— Мелкими шагами назад, — скомандовал я.

Отряд двинулся обратно, причем Соболь шел спиной, громко отсчитывая цифры от нуля и далее. Метров десять — и звук вернулся. Я внимательно прислушался.

— ...Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать... — бубнил Соболь.

— Нормально, — сказал я.

Мы перевели дух.

— Что это было? — спросил профессор, вытирая с лица обильно выступивший пот.

— Хрен его знает. Везет нам, ничего не скажешь — только, можно сказать, вышли, а уже одного человека потеряли и видели две совершенно непонятные вещи... — Я тоже вытер пот, который затекал в глаза и сильно их щипал. — Соболь, что ж ты, гадина, не среагировал?! Впереди ведь шел!

— Я за банкой следил, за движением. А слушать — не слушал, — развел руками Соболь. — Кто ж мог подумать, что тут такая фигня живет... Раньше ведь не было, я тут месяца два назад пробегал.

— Прямо-таки и пробегал? — усомнился Пауль. — Гонишь.

— А то. Сам ведь знаешь — бетонка чистая считается.

— Считалась, — сказал я, качая головой. — Теперь уже вряд ли.

— Так там, может, ничего страшного и нету, а, чува-ак?! — встрял Аспирин, — Ну, глохнет малость. Чего страшного-то? Ничего страшного...

— Ты у профессора, смотрю, нахватался любви к естествознанию. Иди проверь. Мы отсюда посмотрим. А ты вернешься и расскажешь, чего и почему там глохнет... Если вернешься.

Я выжидающе посмотрел на Аспирина, и остальные тоже посмотрели. Аспирин вздохнул и сдался:

— Не, чува-ак. Не пойду. Чего я там не видал. Идем лучше туда вон, через лесочек. Крюк небольшой, зато спокойнее.

— То-то! — буркнул я и пошел вперед, спустившись с бетонки в небольшую канавку.

— А может, всё-таки через Агропром надо было идти? — спросил Пауль.

— Нет, — отрезал я. — Не надо светиться. На Агропроме сейчас только официально никого нет, а на самом деле... Не надо туда лезть. Идем скрытно и в то же время по более-менее знакомым местам.

— Как скажешь, — пожал плечами Пауль.

Лесочек оказался напичкан «жадинками», которые я успешно чуял и обходил, а остальные чапали за мной след в след. Профессор попытался вывести у меня, каким образом и почему я их чувствую. Я объяснить не смог, потому что не знал сам. Чувствую — и все.

Я поймал себя на мысли, что даже не высматриваю артефакты. То же и остальные — Аспирин едва не пнул «медузу», лежавшую совсем уж под ногами... Оно и правильно: тащить ее взад-вперед... с учетом хорошей оплаты основного задания всякая мелочь средней стоимости не привлекала. Если уж что-то совсем редкое... Хотя за совсем редким идти надо в соответствующие места, а мы движемся с конкретной целью и разве что на обратной дороге что-нибудь подберем.

Вообще я не очень уважал артефакты. То есть приносить — приносил, продавать — продавал, но использовать их на себе, как делают многие братья-сталкеры, брезговал. Ну, прицеплю я за себя «ночную звезду» или две, было у меня и две. Захотят меня подстрелить — обломаются чуток. А где вероятность, что я не сдохну от усиленной артефактом радиации? А где гарантия, что я не сдохну через год от чего-то такого, о чем даже не знаю и что вливается в меня через эту сраную «звезду»?

Нет, увольте. Таскать на себе разную хрень — это не по мне. Пристрелят — так это хоть чисто по-человечески...

Лесочек, примыкавший к горелому собрату, мы прошли спокойно. Псевдоплоть куда-то испарилась или просто хорошо от нас пряталась, и Аспирин традиционно предложил пожрать, радуясь тишине и покою. Но я предложение пресек в корне, потому что Аспирин и сам-то, видать, есть не хотел. К тому же мы не на пикнике, что и подтвердил Соболев, медленно снявший с плеча зауэр.

— На десять часов кровосос, — спокойно сказал он.

Я его тоже увидел — небольшая тварь шла через полянку метрах в трехстах от нас, чуть крадучись и не обращая на отряд ровно никакого внимания. Положить с такого расстояния его теоретически возможно, но трудно даже из Соболева слонобоя.

— Это что же, и есть кровосос?! — изумился профессор, едва не подпрыгивая на месте. Я прихлопнул его по плечу, успокоив.

— Куда его черт несет? — тихо спросил Аспирин.

— Не знаю. Грибы собирает, может... Соболев, не стреляй!

— Да я и не стреляю, — сказал тот. — Больной он, что ли? Вялый какой-то...

Неожиданно кровосос изменил направление и стал приближаться к нам, увеличивая скорость. Соболев выждал немного и дал из двух стволов. Кровососа развернуло и подбросило, после чего он покатился по траве.

— Готов, сука, — сказал Соболев. Осторожно подойдя, он добил его выстрелом в упор — или просто сделал контрольку, на всякий случай, потому что даже такой мелкий кровосос весьма живуч. Потом склонился и стал рассматривать.

— Чего там, чува-ак? — позвал Аспирин. — Кровососа не видал, что ли?

— Тут интересно, — крикнул в ответ Соболев.

Мы подошли поближе, Соболев ткнул в башку кровососа, щупальца на которой еще шевелились, стволом ружья. Я присмотрелся — в самом деле, на морде, чуть выше щупалец, сидел какой-то нарост. Морщинистый и зеленоватый, размером с яблоко.

— Он... он смотрит... — прошептал у меня за плечом Петраков-Доброголовин.

Действительно, нарост моргал небольшим круглым глазиком с желтой радужкой и неприятным крестообразным зрачком.

— Паразит какой-то, надо полагать, — бормотал профессор.

— Потому и кровосос такой зачморенный ковылял, — заключил Аспирин с видом знатока. — Эта падла на него, стало быть, прицепилась и командовала. Мелкий контролёр.

— Раньше я такого не видел, — признался Соболев.

Все закивали — никто не видел, и я тоже не видел... Контролёр — это другое, контролёру не надо тебя за морду хватать, чтобы в мозги просочиться. А здесь — натуральный паразит. Интересно, как он...

— Назад! — заорал я. Все ломанулись на несколько шагов от поверженного кровососа, всё-таки рефлексы работают... Потом только стали озираться.

— А если она отцепится и прыгнет? — пояснил я. — То-то... Кровосос не сам же себе её на грызло налепил.

Аспирин покачал головой, вынул пистолет и, прицелившись, выстрелил прямо в нарост.

— Теперь не попрыгает, — мрачно сказал он.

В самом деле, пуля из «беретты» разнесла уродца почти до неузнаваемости. Съехавший на сторону глазик остекленел, а изнутри вылезли розовые пленки, покрытые пенящейся жидкостью бурого цвета, которая испарялась буквально на глазах. Профессор аж подвизгивал.

— Нужно было её в контейнер... — начал было он, но я остановил светоча науки:

— Мы не знаем, что это такое и что оно умеет. Вы слышали — все присутствующие видят это... существо в первый раз.

— Вероятно, новая мутация.

— Вероятно. И опасная — это уже несомненно. Не знаю, везде они теперь в Зоне водятся или только в данном конкретном лесочке, но не лишне будет поглядывать вокруг — к примеру, с дерева сиганет, не дай бог...

— Увидишь его, — заворчал Пауль. — Он, гад, маленький и незаметный.

— Цепляется-то за открытые участки тела, — заметил Соболев. — Надо бы прикрыться по возможности. Куртку не прокусит.

Следующую часть пути — до маленькой базы ГСМ, принадлежавшей в мирные времена невесте кому, — мы двигались с опаской, потому что новый мутант — это всегда большие неприятности. К тому же мы видели только финал, можно сказать, а как он передвигается? Как вцепляется? Может, он летает? Твою мать, не люблю я такие вопросы, очень не люблю... Я даже соскучился по родной и привычной псевдоплоти с ее лингвистическими упражнениями и искренне обрадовался, когда за пригорком крикнуло:

— Котыбр!

Судя по улыбкам, все разделяли мои чувства. А уж когда показался знакомый забор из серых железобетонных плит, причем как раз начало темнеть, Аспирин плотоядно захекал и сказал, потирая руки:

— Тут-то славно мы с вами пожрем и заночуем, чуваки-и!

Но вначале мы грамотно просочились на территорию горючесмазочной базы. Там было пусто — то есть ни брата-сталкера, ни мутантов. Вдоль забора по-прежнему стоял ряд небольших цистерн на кирпичных фундаментах. С виду цистерны были целые, только одна прошита автоматной очередью. Я никогда не интересовался, что у них внутри: тут как с танком, закрыт люк — и черт с ним, пусть там даже тайник чей-то, полный хабара.

Посередине огороженного забором двора стоял небольшой домик из все тех же железобетонных конструкций, с выбитыми сто лет назад окнами, но вполне пригодный для ночлега. Мусора, правда, там накопилось прилично — пустые консервные банки, битые бутылки, обертки от индивидуальных пакетов и сухпайка, чьи-то обглоданные кости, на человечьи не похожие, ржавый автоматный рожок, окурки, рванный ботинок... Какая-то

сволоочь даже нагадила в углу на гравийный пол — слава богу, дерьмо уже мумифицировалось и не воняло. Убирать, короче, не пришлось.

Рассудив, что сейчас — моя очередь патрулировать окрестности, я поручил Аспирину приготовить ужин, чем он радостно и занялся. Умаявшийся и нахватавшийся впечатлений профессор сидел на стопочке кирпичей и массировал икры — а то, это ему не трусцой по гравейной дорожке в городском парке, а по пересеченной местности в полной... ну, не в полной, на нём-то не так, как на нас, навешано, но в какой-никакой выкладке.

Я еще раз взглянул на эту идиллию, проверил автомат и вышел наружу.

ПДА молчал. Стемнело еще больше. В Зоне со светом и тьмой вообще происходят довольно интересные вещи — вот Мутабор божился и клялся, что один раз он шарился в районе элеватора, заночевал там, а ночи так и не наступило. Я такого не видел, врать не стану, но вот темнеет тут иногда определенно совсем не так, как за Периметром. Как будто лампочку выключили. Сейчас, впрочем, сумерки были как сумерки, вполне адекватные.

Я неторопливо прошелся между цистернами, оглянулся не окна домика, в которых трепетали всполохи разведенного костерка. Тихо, уютно. Где-то, гадам буду, даже запела вечерняя птица — а ведь я, кроме ворон, тут птиц не видел... Или не птица? Может, это наш сегодняшний новый знакомец, погонщик кровососов, так распевает?

Кстати, вот и имя — погонщик. Если никто до меня другое не зарезервирует, введу в обиход. Разумеется, коли он тут не один такой был.

С такими мыслями я поправил автомат и расстегнул ширинку, чтобы знатно окропить фундамент ближней цистерны. И хорошо, что расстегнул, иначе намочил бы портки. Потому что прямо у меня над головой глухо каркнуло:

— Абанамат!

Глава восьмая. Абанамат

Я медленно повернулся и столь же медленно посмотрел вверх. На ближней цистерне скорчилась черная бесформенная тень, не шевелясь и едва выделяясь на фоне низких облаков, подсвеченных не видной за ними луной.

— Абанамат! — громко повторила черная тень и спрыгнула с цистерны вниз. — Эхехе, Упырь... Таки взял я тебя за твою черную жопу.

Так сказал Квазиморда, поправляя съезжавшую на сторону челюсть.

Когда-то его звали Квазимодо, но сложное — французское, что ли — слово быстро преобразовалось в более привычную конструкцию, а за глаза величали так и вовсе Козья Морда. Впрочем, Квазиморда не обижался, потому что видел себя в зеркале.

Не знаю, каким он был раньше, в нормальной жизни, но после «карусели» Квазиморда стал таким. Перекрученным, хромым, с ногами и руками разной длины, с перекошенным асимметричным черепом и челюстью, которая из-за этой асимметрии постоянно выскакивала из суставов с неприятным щелчком... Его можно было легко принять за мутанта, что я вполне мог сделать только что, когда он со своим «Абанамат!» прикидывался псевдоплотью.

— Привет, брат, — буркнул я.

— Не брат ты мне, гнида черножопая, — захихикал Квазиморда.

— Придурок, — сказал я шутнику. — Я ведь тебя и застрелить мог.

— Вянет лист, проходит лето, иней серебрится. Юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться, — загадочно произнес Квазиморда. Он был крайне начитанным и умным человеком, но о его прошлом никто ничего не знал. — Я бы тебя мог еще раньше прикончить, но уж больно жрать хочу.

— Убил бы и забрал жратву-то.

— Хе. Во-первых, ты не один — там вас вон сколько шарится, в домишке. Во-вторых, жрать одному скучно, да и в компании с покойником тоже невесело. В-третьих, ты не совсем еще говно, потому зачем тебя убивать? Незачем тебя убивать... Пока по крайней мере. А

станешь говном — и без меня прикончат добрые люди. Ну и в-четвертых, у меня патроны кончились. А нож я потерял. А голыми руками я тебя не осилю, Упырь.

Вот такой был Квазиморда — тут же выдал весь расклад. Кстати, сталкером как таковым он не являлся, просто бродил в Зоне, что твой мутант, иногда собирал артефакты для продажи, но особой целью это не ставил. Братом я его назвал скорее по инерции, да и никогда не был на сей счет особо разборчивым.

— Пошли тогда жрать, — предложил я.

— Пошли, Упырь. — Он вскинул на плечо замызганный вещмешок, на другое — такой же замызганный «Калашников», древний, с деревянным прикладом.

— Я тут вообще-то на карауле...

— Да нет тут вокруг никого, — заверил Квазиморда. — Идем уже. Я знаю, потому сказал.

Мы вошли в домик, сначала я, за мной — Квазиморда. Профессор воззрился на нас с открытым ртом, а Соболь сказал:

— Опаньки. Кого мы видим, кого мы лицезреем.

— Жрать хочу, — бесцеремонно сообщил Квазиморда, бросая на гравий автомат и неуклюже плюхаясь рядом. — Здорово, лишенцы.

Профессор поспешил отодвинуться подальше. Квазиморда это заметил и, криво ухмыльнувшись (прямо ухмыляться он физически не мог), буркнул:

— Не ссы, мужик, я не мутант. Это у меня просто имидж такой.

— Наш человек, — кивнул я профессору.

— Чува-ак... — Аспирин протянул Квазиморде кусок хлеба с салом. — Погоди, щас жратва сварится. Вот, точи пока это.

Квазиморда сунул бутерброд в рот и принялся жевать, поддерживая челюсть рукой. Мне всегда было интересно, почему он не обратится к Болотному Доктору: мало кто выжил после такой «карусели», как Квазиморда, и Доктор его уж точно починил бы как минимум из научного интереса. Но, видать, Квазиморде нравилось и так.

— Ты чего в Зоне-то? Как прошел? — спросил Пауль.

— А я тут давно, — чавкая и пуская слюни, сказал Квазиморда. — Месяца два уже.

— За каким? — удивился Аспирин.

— Гулял, — неопределенно махнул рукой Квазиморда. — У вас там делать не хрен, зажрались все. А тут интересно. Квинтэссенция абсурда.

Профессор покосился на Квазиморду с уважением. Ишь, того и гляди научный диспут устроят...

Аспиринова похлебка пахла недурно, но, конечно, это была жратва исключительно для полевых условий. А я любил домашнюю кухню, еще мама меня приучила. Например, мясную солянку.

Сталкеры вообще обожают посудачить насчет жратвы и поделиться рецептами. Может, нервное это у нас или черт его знает. Кто-то кулебяку с рисом выпекает, другой — грибной суп варит, Хемуль вот со стейками своими носится, а я — мясную солянку ценю.

Если вы не знаете, как правильно готовить мясную солянку, я вам расскажу. Понятное дело, в походных условиях ее не сваришь — к солянке следует относиться уважительно, кушать ее несколько дней (на следующий день она значительно вкуснее, нежели только что снятая с огня). Итак, главная фишка в том, что вам потребуется огуречный рассол. Не кислятина из магазинных корнишонов, а настоящие огурцы, которые делают бабушки из того, что вырастили собственными руками.

Вот на этом рассоле и нужно варить бульон из мелких кусочков мяса. Лучше пары сортов — говядины и свинины, например. Баранина чуток похуже на мой вкус, но приемлемо. Когда он сварится (а это час-полтора), добавить томатный соус, нарезанные лук, морковь, соленые огурцы, каперсы, сахар и соль по вкусу. Перец, понятное дело. Еще минут через двадцать — покоцанную на кусочки ветчину, копченую колбасу, можно еще какую-то мясную фигню типа даже сосисок. И варить еще минут пятнадцать.

Блюдо должно быть жирное, густое и сытное. Сметанки туда при употреблении, перчика. Если хотите испортить солянку — киньте кусок лимона, в кабаках всегда так поступают. Сказать почему? Потому что варят не на рассоле и не с теми огурцами.

Вот как-то так.

Пока я так думал о солянке, у меня аж слюнки потекли, словно у Квазиморды. Аспирин тем временем разлил свое варево по котелкам.

— Может, выпьем за знакомство? — предложил неожиданно профессор.

Все посмотрели на меня.

— Что ж не выпить, выпьем, — согласился я. Аспирин тут же добыл флягу, пустил по кругу. Профессору досталось пить после Квазиморды, и он немного помедлил, но вытереть горлышко рукавом не решился. Соболь глотнул и отправился в охранение — уже как-то так вырабатывалось, что он со своей артиллерией и прибором ночного видения стал постоянным часовым, раз я тем более гостя принимал. Соболь не возражал, остальные — тоже.

После выпивки, которая была практически символической, принялись хлебать Аспиринов супчик, куда он бухнул две банки консервов, причем одни консервы были мясные, а вторые — рыбные, а также пару горстей вермишели. В общем, есть это было можно и нужно.

Насытившись, мы дождались, пока свою порцию прикончит Квазиморда: ему из-за проблем с челюстью есть было неудобно и времени уходило больше. Хлюпал и булькал он тоже неприлично, с рожки текло... Облизав ложку, он наконец вытер ее об одежду (о гигиене представления у Квазиморды имелись такие же, как об уходе за собственной внешностью), вернул Аспирину и сказал:

— Патронов отсыпьте, а?

Я молча дал ему автоматный рожок.

— Больше никак, брат. Нам еще идти и идти.

— Вот, кстати, спросить хотел, куда вы, собственно, путь держите, — принимая рожок, поинтересовался Квазиморда. — Туриста, что ли, ведете?

— Туриста, — покивал я.

— Богатый, видать, турист, — покосившись на профессора, сказал Квазиморда. — Вон вас сколько его пасет... И пачка толстая.

Петраков-Доброголовин хотел было оскорбиться, но передумал.

— И далеко ведете болезного? — продолжал Квазиморда. — Чего сразу не шлепнете в канавке? Шутка. Так куда тащитесь?

Спрашивать подобные вещи не полагается, но Квазиморде закон не писан, раз уж его Зона выплюнула в таком виде. Тем не менее я неопределенно махнул рукой:

— Туда.

— Ага... То есть куда Макар телят не гонял. В неведомые дали. Не спрашиваю, за каким бесом вы туда поперлись — небось надо.

Квазиморда подумал, пощелкал челюстью.

— Ты вот что, Упырь. Вон туда, куда показал, ты лучше не ходи — будешь иметь проблемы. Будут вас кусать, бить и обижать. Не ходите, дети, в Африку гулять.

— Чува-ак, ты про что?

Аспирин нахмурился, шевеля усами.

— А Тёмные, — бесцветным голосом сказал Квазиморда. — Совсем охренели. Видать, скучно им тут стало, дико — никто давно не ходит. А может, еще чего. Короче, туда не смотри даже, Упырь. А вот туда, — он показал в сторону покосившейся мачты ЛЭП, едва заметной из оконного проема на фоне ночного неба, — туда ходи. Лучше уж лишнего пройдешь.

— Под ЛЭП?!

— Согласен, подозрительно. Но безопаснее, я сказал. Хоть и дальше. Все равно бешеной собаке семь верст не крюк.

— Да, прямых расстояний в Зоне не бывает, — вздохнув, пробормотал Петраков-Доброголовин.

— Ишь ты. Понимает, — удивился Квазиморда. — Мне бы еще к пистолету патрончиков. У меня «Макаров».

На обойму к «Макарову» расщедрился Аспирин. Больше мы и в самом деле дать не могли — а на первое время Квазиморде хватит, если, разумеется, не влезет в уж совсем омерзительное место. Тем более он все едино соврал, что патронов у него нет. Сколько-то да есть, просто решил разжиться. Он в Зоне почти свой, напрятал, поди, в разных местах трофеев. Стервятник херов. И тем более откупился — указал направление, хотя доказательств никаких не предъявил. Однако врать он мне не должен, отношения у нас постоянно ровные.

— Слушай, — вспомнил я, — тут еще вот такое дело...

Я рассказал Квазиморде о погонщике, как сумел, описал это угребище. Квазиморда задумался, копаясь в носу. Потом вытер палец о воротник куртки и покачал головой:

— Не видал такого. Хотя слышал от одного типа, что появились какие-то прыгунчики, может, они и есть... Ладно, пойду я, что ли.

— Переночуй с нами, — предложил добряк Пауль.

Квазиморда покачал своей изуродованной головой:

— Тесно у вас, людно и носками воняет. Пожрать — пожрал уже, пойду теперь. Гутен нахт.

— И вам, уважаемый, — учтиво сказал профессор.

Квазиморда снова поправил выскочившую челюсть, поднялся, повесил на себя пожитки и убрел в темноту.

— Какой любопытный человек, — заметил Петраков-Доброголовин.

Никто ему ничего не ответил.

Спал я чутко. Снаружи шумел ветер, простучал по крытой рубероидом крыше быстрый крупный дождик. Истошно завопило где-то за забором: съели кого, что ль. Наконец я уснул покрепче, уже под утро, и меня растолкал Пауль, одержавший свое.

— Рано утром звери встали. Понасрали, понассали, — сказал он строками неприличного детского стихотворения. — Вставай. Время.

Я оглядел воинство. Парни спали: Соболь с головой застегнувшись в какой-то прибабас, прилаженный к спецкостюму, Аспирин хищно шевелил усами и дергался, профессор тяжело вздыхал во сне.

— Время так время.

В самом деле, уже почти восемь.

— И еще, — продолжал Пауль. — Тут такая херня стряслась... В общем, позырь свой ПДА.

Я с тревогой взглянул на Пауля, достал ПДА. Он не работал. То есть сама машинка-то как бы включалась, но толку от нее было что от кирпича. Даже карту не показывала, не говоря уж о мутагенной активности и прочих вещах...

— И у меня тоже, — кивнул Пауль. — И у всех, наверное.

Вся система навигации, судя по всему, полетела к чертям. Вариантов, почему это случилось, было множество. К примеру, наконец-то до этой незаконной в корне системы добрались военные и всех, кто обеспечивал ее функционирование, упекли в кутузку. А то и перестреляли. Военные могут. Или Зона. Зона вообще может все, а уж вырубить ПДА на своей территории — раз плюнуть.

Оставалось надеяться, что это какой-то временный технический сбой. Мы с Паулем быстренько соорудили костерок, закипятили чай. На бульканье проснулся Аспирин, предложил пожрать, был послан — с утра максимум бутерброды или галеты. Весть о том, что ПДА нам теперь никак не помогут, Аспирина опечалила куда меньше, чем отмена жратвы, — он сказал, что дорогу к бюроерам покажет, а назад уж как-нибудь разберемся. Соболь был встревожен сильнее, но потом заметил, что так даже интереснее — он хочет проверить кое-какие охотничьи навыки «в чистом виде», как говорится. У Петракова-Доброголовины же ПДА и вовсе не было.

Похрустев галетами и запив их водой, мы покинули гостеприимный домик, двигаясь в направлении, рекомендованном Квазимордой.

Аспирин вполголоса рассказывал профессору о трудной судьбе Квазиморды, профессор ахал и охал и, наверное, прикидывал, что неплохо было бы забрать Квазиморду с собой, а потом его всячески просвечивать, исследовать и препарировать.

— Эх, — сказал тем временем Пауль, — зря мы на это подписались.

— Почему?

— Не нравится мне мужик этот, и вообще я в тихой грусти. Сидел бы сейчас дома. По грибы пошел бы... А там, глядишь, вояки унялись бы, перестали бы палить, пошло бы все как раньше... Таскай хабар помаленьку, в «Штях» подквашивай с братвой...

— Не бреди душу, — попросил я. — Поздно уже.

— Вернуться как раз не поздно, — возразил Пауль. — Но дураками выйдем перед всеми. Лавэ не срубили, имея проход через Периметр... Смеяться будут.

— То-то и оно. Да и разве не интересно тебе живого бюрера поймать?

— На хрен они мне? Укусит еще, падла... Я что, профессор? Мне бюрера дохлого куда приятнее зырить, чем живого, — логично рассудил Пауль. — А лучше совсем чтобы они передохли все на хрен. Прикинь: пустая Зона, все дохлые, ходи с мешком и собирай хабар.

— Не мороси, — посоветовал я, используя Паулев лексикон, а то он чересчур уж оживился.

— Стоп, — сказал идущий впереди Соболь, не отвлекающийся на фигню и наученный происшествием на бетонке. Он разбросал по маршруту болты, прикинул. — Вон туда. Здесь «мясорубка».

Обошли «мясорубку», протопали без разговоров и приключений еще часа два с небольшим, причем Пауль активно развивал свою идею про опустевшую Зону и мешки хабара. Никто его не слушал, но Паулю было в принципе по фиг.

Наконец Аспирин догнал меня и показал стволом автомата на старую триангуляционную вышку, перекошенно торчавшую на вершине ближнего холмика.

— Отсюда вроде как не очень далеко уже, — сказал он.

— Шутишь?! — удивился я. — Бюреры так близко сроду не жили.

— Давно ты тут, видать, не был, чува-ак... Что я, врать стану? — обиделся Аспирин. — Живут, гадины, и даже неплохо.

— И куда теперь?

— Да пока прямо. Потом я скажу, где сворачивать, если там ничего не поменялось.

Да, в Зоне многое меняется. Переползает с места на место, возникает там, где вчера не было и быть не могло... Но никаких проблем с вновь появившимися аномалиями у нас не возникло, зато в аккурат на месте указанного Аспирином поворота на нас выскочили кабаны. Беда была в том, что мы в это время двигались по дну узкой лощины. Такие лощины на самом деле лучше обходить стороной, но её верхние края ощутимо предвещали неприятности, что-то там искрило и играло в воздухе. Вот и наварались.

Соболь снял бегущего впереди самца (надеюсь, вожака) метким выстрелом. Покатился второй кабан, остальных Аспирин стал расстреливать из автомата, паля в приближающиеся рыла. Мы тоже вступили в дело, но кабаны не останавливались, мчась нам навстречу. Один метнулся вверх по склону и коротко завизжал, попав в «карусель». По воздуху плеснуло кишками.

— Ложись по склонам! — крикнул я, пал на четвереньки и взбежал метра на два выше тропинки. Потом уткнулся лицом и теплую пахучую траву и прикрыл руками голову. Кабанов кто-то гнал, иначе они вот так не поперли бы на автоматы, не такие уж тупые твари... Им не до нас, проскочат, а потом главное успеть понять, кто их так гонит...

Услышав, а скорее ощутив по дрожи земли, как стая кабанов проскочила чуть ниже, едва не наступив копытами мне на ноги, я перекатился на бок. В самом деле, мутанты ничуть не интересовались нашим отрядом; на тропе бились в конвульсиях трое или четверо подстреленных, да валялась пара трупов. Однако, что самое интересное, никто кабанов пока не преследовал.

Я оглянулся на спутников — все разлеглись по травянистому склону, словно поломанные манекены. Но вроде бы без потерь.

— Живые?! — окликнул я.

— Вроде недохлые, — отозвался Пауль, поднимая рожу из лопухов. — Куда это они так ломанулись? Кабаны в смысле.

Все принялись подниматься и отряхиваться. Аспирин выглядел виноватым.

— Я думал срезать малость, — признался он.

— Да не в этом дело, — махнул я рукой. — Тут непонятно, кто кабанов гнал. Пора бы ему уже появиться.

— Может, нас испугался, — предположил Соболев. — Если там, скажем, снорк...

— Снорк так не напугал бы крупную стаю. Блин, лишь бы не химера.

— Химер давно не видели, — сказал Пауль. — Был базар, что передохли они, что ли.

— Дождешься, как же...

И тут, само собой, появилась химера. Я всегда поражался, почему остальные мутанты какие-то шелудивые, неприятные с виду, изъязвленные, облезлые... Некоторые выглядят так, словно вот-вот сдохнут. Это, конечно, впечатление обманчивое, маскировка своего рода... Зато у химеры было все в порядке: мощная, хорошо сложенная тварь, напоминающая продуманный, умело собранный и тщательно отлаженный механизм. Может, так оно и обстояло на самом деле: ученые много чего лепили в своих лабораториях...

Снова вспомнился невесть чей рассказ про химеру — как она могла уделывать отрядик сталкеров, но убила здорового кровососа, совершенно незаметно прятаясь в канализации, и ушла, утащив добычу.

Но эта, кажется, не собиралась ничем порадовать встретившихся сталкеров. Взгляд посверкивающих глаз перепрыгивал с одного из нас на другого, словно чудовище выбирало, кого схватить первым.

— Залп, — еле слышно скомандовал я, поднимая автомат.

Химеру вопреки мифам Зоны завалить реально, но сделать это в одиночку практически невозможно, и даже массированный огонь чаще всего только ранил тварь, которая в итоге или уходила, или не уходила. Впрочем, в последнем случае редко оставался кто-то, чтобы рассказать об этом.

— Абанамат! Абанамат! — заполошно вскрикнули сзади, и мимо меня пронеслась по склону давешняя псевдоплоть. Сначала мне даже показалось, что это вернулся Квазиморда, который многим был на нее похож. Уж не знаю, откуда она выскочила, но присевшая уже для прыжка химера отвлеклась на нее, и это дало лишнюю секунду-две. Если имеешь дело с химерой, именно подобные вещи могут решить, кто из вас кто в пищевой цепочке. Поэтому автоматный огонь и гулко бухнувшее ружье Соболя смяли красивое глянцевитое тело, вырывая куски мутировавшей плоти. Химеру отбросило назад, но она удержалась на лапах, потом стала заваливаться, приседать на задние ноги.

— Абанамат! — воинственно завопила псевдоплоть, гарцуя чуть выше на склоне, в опасной близости от «карусели», где совсем недавно уже сгинул незадачливый кабан. Мне захотелось крикнуть ей: «Осторожно, дура!», но вместо этого я расстрелял остаток рожка в химеру. Так же поступили остальные, и чудовище, издав неприятный звук — что-то среднее между обиженным мяуканьем и обиженным хрюканьем, — бросилось назад, припадая на переднюю правую и заднюю левую лапы.

Через мгновение в лощинке остались только мы. То есть сталкеры, дохлые кабаны (один еще дергался, поскуливая) и псевдоплоть, которая притихла в бурьяне и, кажется, понимала, что ее дела плохи.

— Не стрелять! — крикнул я, вставляя полный рожок.

Соболев опустил ствол.

— Это же псевдоплоть, — сказал он.

— И что? Она нас спасла.

— Ты еще скажи, что она это специально сделала.

— Не поверишь, но я именно так думаю. А даже если не специально — она появилась очень вовремя, и мы ей должны.

— Упырь, ты правда чокнутый, — сказал Пауль, вскидывая на плечо сброшенный для боя бюеровский контейнер.

Профессор тем временем довольно храбро осматривал кабана и резво отскочил, когда помирающий урод едва не ухитрился тяпнуть его клыками за ногу.

— Сиди там и не мешай, — велел я псевдоплоти, словно она могла меня понять. Та повертела бугристой бесформенной головой с асимметрично сидящими глазками и каркнула:

— Скарлотина!

— Вот-вот, — примирительно сказал я. — Мы сейчас уйдем, а ты жри вот кабанов, тут тебе полно еды, если только псы не набегут или кто покрупнее... А мы уходим, видишь?

Псевдоплоть склонила голову набок, как это делают умные собаки, когда прислушиваются.

— Чува-ак, — осторожно позвал Аспирин. — С тобой все в порядке?

— Все, все, — отозвался я, не сводя глаз с псевдоплоти. — Давайте потихоньку вперед, я прикрою тыл, а вы там посматривайте, чтобы химера не вернулась. Хрен ее знает, вдруг только притворяется и выжидает...

Бормоча вполголоса (наверное, о том, что Упырь таки вольтанулся), моя бригада прошла мимо бесславно павших кабанов. Псевдоплоть все так же посматривала на меня, сопя и то приседая, то приподнимаясь на корявых ножках. С виду она была на редкость отвратительная, но поди ж ты, я питал к ней самые теплые чувства. Если бы она не отвлекла химеру...

И тогда я сделал то, чего не делал до меня ни один сталкер. Да что там, я знаю людей, которые бы меня за это со спокойной душой пристрелили, а другие бы им в ладоши похлопали. Я повесил автомат с полным рожком на плечо, под внимательным взглядом псевдоплоти перетянул на бок рюкзак, сунул туда руку и нашарил банку мясных консервов. Так же ощупью содрал за кольцо крышку и бросил банку поближе к разговорчивой скотине.

Псевдоплоть принялась — сейчас она напоминала лицом одну старуху с рынка, у которой я часто покупал тыквенные семечки, — и подкатила лапой банку поближе. Потом сгребла и на трех ногах заковыляла прочь, повторив на прощание:

— Скарлотина.

Глава девятая. Городок бюеров

Бюеры, как и сказал Аспирин, жили в самом настоящем поезде. Несколько облупившихся пассажирских вагонов стояли на участке железной дороги, одним концом терявшемся в лесу, другим — уходящим в большую промоину, заросшую ряской и камышами. Зачем сюда отбуксировали эти зеленые вагоны с сохранившимися табличками «Москва — Харьков» на бортах, ведал один господь, но бюерам они явно пришлись по душе.

Я издали наблюдал в бинокль, как несколько карликов грелись на солнышке, пуская слюни от блаженства, еще несколько рылись в песке — искали червяков или жуков, наверное, чтобы сожрать, — а вокруг бегали и толкались их омерзительные детишки. Из одного окна поезда торчала телевизионная антенна, из другого — труба на вид от самодельной печки, и из нее шел голубоватый дым, что меня окончательно убило. В общем, поселение практически не отличалось от самодеятельного поселения, скажем, цыган, которых я видел под Харьковом. Судя по тому, что я знал о бюерах, перед нами был какой-то особенный клан — но крайней мере дым меня насторожил. Умнее они сородичей, что ли? Если так, то дело плохо. В Зоне кто умнее, те и опаснее. Надеюсь, что хотя бы телевизор они там не смотрели, антенну просто так собезьянничали...

Рядом, пыхтя, заворочался Аспирин.

— Слушай, они всегда так жили? — спросил я шепотом.

— Хрен их знает, чува-ак... — пробормотал он. — Я тут с полгода тому был, они только объявились. Но трубы точно не видал. И антенны. И поменьше их было, кажись.

— Расплодились, падлы. Эх, шли бы мы в другое место... Да поздно.

— Чё? Нормальные такие бюреры... В другом месте по подвалам ныкаются, поди их там поймай, а эти — вон, как на курорт едут. Вот только как их ловить будем?

Я именно это и прикидывал. Мне очень нравился уходящий в лес кусок железки — неплохо бы разведать, что там имеется еще, и в случае удачи оттуда скрытно подойти. Других вариантов вроде не было. Но подойти — это даже не полдела, это четверть дела. А вот поймать двоих, да еще разнополых, да еще незаметно для остальных... Бюреры поодиночке гуляют редко, рассчитывать, что парочка отправится, скажем, по грибы, не приходится.

— Может, завалить весь их табор? — предложил Аспирин. — А чё, рванем из подствольников... Гранатами закидаем... парочка явно выживет, мы их прохвессорским прибором охоячим — и в мешок.

— Шумно. И мы же не знаем, сколько их там внутри. Сам понимаешь — бюрера вот так в лоб у него дома брать... Опять же вагон — это железка, осколки все зря пойдут, тут не гранатами надо, а чем посерьезней.

— Я ж только предложил, чува-ак... — буркнул Аспирин.

Мы лежали еще немного, посмотрели. По песку между травинок бегали какие-то жучки. Интересно, почему в Зоне нет насекомых-мутантов? Хотя они, может, и есть, просто кто на них внимание обращает... Вот, например, какой-то хрен о восьми ногах и с кривым длинным хоботком. Может, он среди своих — кровосос. А мне на него плевать.

Я щелкнул «кровососа» ногтем, от чего он улетел в травяные заросли.

— Их вроде жрут, — сказал задумчиво Аспирин, тоже созерцавший мир насекомых.

— Типа?!

— Жуков этих. Саранчу. Вьетнамцы вроде или монголы. Жарят в жиру каком-то и жрут, я сам по телевизору видал. С виду так ничё, когда жареные.

— У тебя одно на уме, — покачал я головой. — Слушай, Аспирин.

— Чего?

— Ты никому не говори, брат, что я псевдоплоть отпустил.

— Бармаглот вон тоже отпускал, и ничё. Чё тут такого, чува-ак?

— Ну, я тебя прошу. Я с другими тоже поговорю.

— Не скажу, конечно.

— Вот и хорошо. Ты знаешь... Мне правда показалось, что она нам малость подыграла. Знать бы еще, чего она за нами пёрлась.

Аспирин помолчал, теребя усы. Искоса взглянул на меня, словно желая что-то спросить, но не решался.

— Давай мочи, — сказал я. — Вижу ведь, распирает.

— Да это... чува-ак... Ты вот «жадинки» чувствуешь, «пух» тебя не берет... Я таких других не знаю, чесслово. Конечно, Болотный Доктор, Черный Сталкер... Это понятно, это да. Но среди братанов — ни одного не знаю.

— И на что намекаешь?

— Да это... говорят, чува-ак... что ты сам немножко от Зоны. Я к чему: может, и псевдоплоть на тебя как-то повелась?

— Влюбилась, — усмехнулся я.

Аспирин понял, что не сержусь, продолжал:

— Я-то ничего, мне все равно. Просто ты ничего такого не знаешь, а?

— Успокойся, чува-ак, — передразнил я Аспирина. — Я обычный человек, только негр. Может, негры все такие. Ты много сталкеров-негров знаешь?

— Тебя одного, — сказал Аспирин.

— Вот. Пстой, что-то они там оживились...

Я внимательно посмотрел на бюреров — ничего особенного, среди мелкоты произошла небольшая драчка. Возможно, в процессе кого-то пристукнули или загрызли, у них это в порядке вещей. Хотя чем они особенно отличаются от людей? Рожи по-страшнее разве что.

Профессор после атаки кабанов и истории с химерой несколько поулег. Видимо, впечатления от увиденного в Зоне превысили некий порог, за которым радость превращается в «когда ж этому конец придет». Более того, Петраков-Доброголовин прилежно чистил свой пистолет, прислонясь спиной к стволу огромного тополя. На шухере стоял Пауль, Соболев же дремал, разумно рассудив, что поспать в тишине и покое никогда не будет лишним.

Кстати, я долго не верил, что химера ушла. Вот и сейчас среагировал на шум в ветвях — но это оказалась всего лишь жирная ворона, возившаяся на суку.

— Вы наверх-то поглядывайте, — сказал я на всякий случай. — Помните прыгунчика-погонщика? Лучше перестраховаться.

Профессор тут же боязливо зыркнул в небо.

— Перекусить бы, — осторожно намекнул Аспирин.

— Вы давайте, а мне что-то не хочется. Пойду-ка я разведую, что там с другой стороны поезда.

— Так и я ж с тобой, чува-ак.

— Незачем там вертеться по двое. Заметят — у нас же больше проблем появится. Я быстро, одна нога там, другая уже тут.

— Вот так сталкер некий ходил-ходил без друзей на разведку, таким и нашли — одна нога в одном месте, другая — в другом, — произнес Соболев, не открывая глаз.

Тем не менее я всё-таки пошел на разведку один. Что-то подсказывало: на железке в лесу все будет в порядке, а лишние люди и лишний шум действительно ни к чему.

Так и получилось: разбросанные вдоль насыпи «жадинки» я обнаружил без труда, потому что видел их — словно жиденькое беловатое марево, а больше ничего и не нашел, кроме совсем старой «мясорубки», уже практически неживой. Из прочего я засек две перевернутые вагонетки, под которыми никто не прятался, и повалившийся в кусты столб линии электропередач. Место, надо полагать, было малопосещаемое. Собственно, потому и бюреры здесь прижились — они никакое соседство не любят.

Пригибаясь, я двинулся вдоль рельсов и вскоре увидел хвост поезда. Железная дорога выгибалась на повороте, и, лежа на шпалах, было очень удобно наблюдать за городком бюреров из-за рельса, практически не боясь быть замеченным. Я извлек бинокль и в этот момент почувствовал, как в левый висок чуть повыше уха уткнулось что-то холодное и железное.

Красивый баритон спросил:

— Иисус или Сатана?

Глава десятая. Смерть Джафара

В тот вечер я мило сидел в неплохом японском ресторанчике и ел жареную камбалу с острой капустой. Японская кухня мне всегда нравилась, за что меня порой дразнили сокурсники — полагали, что чернокожий человек должен поедать исключительно бананы. Одному, особенно назойливому, я пресловутый банан... э-э... впрочем, не станем говорить о всяких гадостях.

В сумке-контейнере под столиком у меня лежал довольно банальный набор артефактов, который мне слили через третьи руки по цепочке связей и который я должен был передать Джафару. И получить, само собой, приятную, но не слишком крупную сумму в денежных знаках, известных как евро.

Я отставил дощечку с пустой сковородочкой из-под камбалы, допил зеленое бамбуковое пиво и сделал знак официантке, чтобы принесла еще. Официантка была, как водится, откуда-то из Средней Азии — говорят, так повелось еще в начале века, когда все эти японские ресторанчики начали массированно открываться, и на работу за отсутствием

настоящих японцев брали более-менее похожих на них визуально корейцев и среднеазиатов и даже чуть ли не чукчей.

Джафар появился примерно к середине принесенного бокала.

— Привет, Костя! — сказал он.

Я встал, мы легонько обнялись. Мне никогда не нравился этот ритуал, скорее всего подобные Джафари его придумали, чтобы походя хлопнуть одежду обнимаемого — не припрятал ли он под ней пистолет или, в более раннем варианте, кинжал.

Мы уселись, я спросил:

— Есть будешь?

— Ти шьто, ахренел? — спросил Джафар. — Я этих каракатиц нэ могу кушат. Я сматрэт не могу, как они шюпальца шевелят... Зачем сирой риба кушат? Надо жарений мяса кушат, шашлик!

— Каждому свое, — резонно заметил я и назло ему заказал суши.

— Принес? — поинтересовался Джафар, перебирая крупные зерна аметистовых четок.

— Принес.

— Как абично?

— Как обычно.

— Слюшай, Костя, — сказал Джафар деловито. — Я тут с людьми гаварил — надо изменить нэмношка нащот дэнг.

— В смысле? — не понял я.

— В смисле, шьто цена на рынок паминялся. Много хабар несут, куда дэват? Некуда дэват... Дорого не буду покупат, дешево буду покупат.

Появилась официантка с моими суши.

— Стоп, — сказал я, размешивая шарик васаби в соевом соусе. — Договаривались, что все как обычно. И теперь — назад пятками. Не понимаю тебя, Джафар.

— А шьто тут понимает?! Ти товар давай, я — дэнг. Только цена савсэм новий.

— Я по новой цене ничего отдавать не буду, — покачал я головой, разрывая бумажную оболочку на новой паре палочек. — Я у людей брал по-старому, у меня свой интерес. Я не благотворительная организация.

— Чиво это?! — неприязненно спросил Джафар. Я думал, что он продолжает разговор о сделке, но Джафар показывал волосатым коротким пальцем на подносик с суши.

— Суши.

— Я вижю, что суши! Шьто это? Кто?

— Креветка, — объяснил я терпеливо. — Кальмар. Осьминог. Водоросли. Икра летучей рыбы...

— Зилений?! Она шьто, пратух?!

— Она такого цвета.

Джафар с омерзением покачал головой и ускоренно принялся перебирать четки.

— Ладно, ты договаривай насчет товара. Забираешь по старой цене — всегда пожалуйста. А что ты там и с какими людьми перетирал насчет новых цен — меня это не интересуе. У меня такой информации нет, Джафар. А значит, преysкyрант не меняется.

Сказав так, я занялся суши. Джафар некоторое время молча смотрел, как я ем, подергивая небритым кадыком.

— Ни магу глядет, ташнит, — произнес он наконец. — Кан-чай кушит свой дохлый жяб, давай товар, я поеду, пока бливат не стал.

— По старой цене, — уточнил я.

— Нет старий цена. Есть новий цена. Нэ будиш продават — буду говорит с Джабраилом, он сердитый будит.

— Да мне насрать на Джабраила, — промямлил я с набитым ртом и только потом понял, что этого говорить мне уж точно не следовало. Джафар вспыхнул, огляделся по сторонам (ресторанчик был не то чтобы пуст, но и не полон) и прошипел:

— Ти если так говорит про Джабраила будиш, ти не этот чирвяк кушит будиш, ти сабачий какашка кушат будиш! А патом сам сабак тебя кушат будит!

Я сосредоточенно жевал, прикидывая, что делать. Судя по всему, господа Джафар и Джабраил элементарно решили меня кинуть. Я не особенно представлял, зачем им требовалось забрать у меня товар по дешевке. Вероятнее всего, я выпадал из их обоймы по каким-то причинам, вплоть до того, что Джабраилу не нравится цвет моей кожи. Убивать меня вроде было не за что (хотя в этой компании редко задумывались о таких вещах), но и рассчитываться со мной по разумным ценам тоже смысла не имелось. Да черт с ними, с причинами, на меня тупо наезжают, по сути, и необходимо что-то решать...

Вариантов у меня было два.

Первый — отдать Джафору товар, забрать предложенные копейки и уйти.

Второй — попытаться свалить с боем, что вряд ли, потому что Джафара на улице ждала машина с минимум тремя охранниками.

Третий... Я сказал, что у меня было два варианта? Нет, я придумал и третий: попытаться свалить с миром. Я положил на стол деньги для официанта, молча взял сумку и поднялся. В ресторанчике все же сидел народ и даже, если не ошибаюсь, кто-то в форменной одежде за дальней ширмой. Я точно видел блеск каких-то шевронов или эполетов. Джафар, само собой, придурок, но вряд ли устроит свару прямо в зале. А на улице я свалю, пускай потом ищут.

Дело было не в оплате товара, там и сумма-то фигурировала довольно незначительная. Но наш бизнес не позволял, чтобы тебя вот так опускали. Все это узнается, расползется по Харькову, и никто со мной дела иметь не захочет. А это — крушение.

Попытка как-то кинуть Джафара с Джабраилом и забить на их пожелания (а я, по сути, собирался сделать именно это) тоже была своего рода крушением. Но я хотя бы тонул с честью, стоя на капитанском мостике.

Я сделал было шаг, но Джафар оказался тупее, чем я думал. — Ти куда шел?! Стаят! — заорал он, выхватывая пистолет из-под серого пиджака в мелкую клеточку.

Когда тебе в лицо тычут пистолетом, нужно либо сразу сдаваться, либо обратить внимание, что он стоит на предохранителе. Поскольку Джафар вертел пушкой прямо перед моим носом, я обнаружил, что с предохранителя пистолет и в самом деле не снят. Это заметил и Джафар, зашевелил большим пальцем, и я сделал единственное, что мог: схватил валяющиеся на столе палочки и вонзил их в глаз Джафору.

Потом, в Зоне, я очень много раз слышал, как человек вот так истошно орет. Но тогда... Визг Джафара ударил по ушам. Больно, кто бы сомневался. Еще и от васаби щиплет, наверное, палочки-то грязные, я ими только что хавал...

Из-за ширмы выскочил наконец человек в мундире, на мою беду оказавшийся машинистом метрополитена, и в ужасе бросился наутек. Понимая, что я во всем просчитался и тону уже не на капитанском мостике, а в брюхе подводной лодки, падающей в десятикилометровую бездну, я с усилием провернул палочки в глазнице забывшего о предохранителе Джафара, вызвав новый жуткий вопль, и последовал примеру машиниста. Только ломанулся я не к выходу, а через кухню, справедливо полагая, что там есть черный ход.

Он там и был.

Сшибая штабеля картонных коробок и визжащих почище Джафара псевдояпонских официанток, я выскочил во дворик и бросился к стене. Мусорный контейнер оказался хорошим подспорьем, чтобы ее преодолеть. По счастью, с другой стороны был припаркован чей-то автомобиль, и я грохнулся сначала на крышу, а затем на капот и уже оттуда скатился на асфальт.

С низкого старта я рванул по переулкам, запутывая след. Потом осознал, что зрелище негра, бегущего по вечернему Харькову с увесистой сумкой в руках, как минимум вызывает любопытство, и сначала притормозил, а потом выбросил сумку с хабаром в мусорную урну.

Поступок был на первый взгляд глуп, но со своим хабаром в Зону не ходят. А я собирался ехать именно туда.

Зона много лет принимала в себя подонков общества: скрывающихся преступников, армейских дезертиров, уклонистов от той же армии, проворовавшихся чиновников или

задолжавших жуткие суммы бизнесменов, даже злостных алиментщиков. Кто-то обретал там новую жизнь под новой фамилией, кто-то — вернее сказать, подавляющее большинство, — либо возвращался назад, предпочитая смерть от пули или тюремные нары, пусть даже возле параша, жуткой кончине в «мясорубке» или в пузе у псевдогиганта... Разумеется, занимаясь перепродажей артефактов, я знал массу выходов на Зону, но никогда не думал, что придется ими воспользоваться. Пришлось, блин...

Присев на лавочку под каштанами, я отдышался и осмотрелся. Харьковчане ходили-бродили туда-сюда, занимаясь своими делами. Их заботы и хлопоты ни в какое сравнение не шли с моими, потому что где-то уже раскручивался смертоносный маховик, в разные стороны ехали люди из диаспоры, связывались с другими людьми — а не видел ли кто Костю Пупырева? Ага, того самого, черножопого. Да ничего важного, так, срочно понадобился... Не видел? Ну позвони, если увидишь, не сочти за труд, за Джабраилом не заржавеет...

Малость успокоившись, если в такой ситуации вообще можно успокоиться, я принялся прикидывать, с чего начать свой план спасения.

На мою съемную квартиру ехать нельзя — про нее все знают, туда уже едут. Если не приехали. Милку не тронут, как приманка она не годится, все опять же знают, что я жизнь на безмозглую подстилку, пусть и очень красивую, не променяю. Все равно тем более хотел ее бросить. Черт, заначка на квартире пропадет... А, ладно.

В общагу, где я часто ночевал у друзей, ехать тоже нельзя — я там не был с месяц, зачем подставлять пацанов? Да там и вещей моих нет почти.

К маме? К маме ехать и подавно нельзя, я с ней поссорился из-за учебы, разных взглядов на жизнь и прочего, значит, и мириться не надо. Позвоню ей попозже.

Так, что дальше-то? Деньги! Я нашарил в кармане бумажник, открыл — кредитки на месте. Подойдя к банкомату, по счастью торчавшему возле магазина обуви, снял все деньги, потом достал телефон и позвонил Велоцираптору.

Велоцираптор был проводником, который жил тем, что помогал людям добраться до Зоны и пристраивал их там на месте. Я с ним знаком был довольно шапочно, но это позволяло надеяться, что он меня хотя бы не кинет и не сдаст там патрулю.

Велоцираптор ответил быстро.

— Это Костя. Пупырев.

Тогда у меня еще не было клички.

— А, Кастет... — пьяно обрадовался Велоцираптор. — Давай сюда, тут бабы, водка... бассейн тепленький... и холодненький тоже есть...

— Некогда мне, извини, — сказал я. — Слушай, мне надо срочно твоими услугами воспользоваться.

— Пряма так уж срочно? Отложить никак нельзя?

— Срочнее некуда. Поможешь?

— Да не вопрос. Ты это... может, всё-таки сюда? Водка, бабы... бассейн вот он... водичка тё-опленькая!

На заднем плане заржали девки, кто-то разбил бокал или стакан. Может, бутылку.

— Раптор, я в самом деле очень спешу.

— Ну, если в самом деле, — более-менее серьезным и трезвым тоном заговорил Велоцираптор, — то ты очень вовремя позвонил. Ты собрал уже шмоточки?

— Собрал, — соврал я, хотя, с другой стороны, мне и собирать было особенно нечего.

— Тогда пойдешь с ближайшей партией, потому что следующая сам не знаю когда. Народ ушлый стал, побаивается, начитались, блин, книжек... Целая серия... читал такую? Про Зону пишут, типа фантастика. Понапугали всех, хороняки...

— Почитаю как-нибудь, — пообещал я.

Велоцираптор еще раз предложил мне не торопиться и сменить отбытие в сомнительные края на тепленький бассейн, водку и баб, а получив отказ, назвал адреса и явки. Теперь мне оставалось надеяться лишь на то, что никто из людей Джабраила не выйдет

на Велоцираптора, а Велоцираптор не сдаст меня им. Хотя вряд ли они могли подумать, что я собираюсь в Зону.

Ведь я для всех выглядел вполне благоразумным человеком, который вовсе не спешил подыхать в страшных муках.

Поезд, попыхивая, подобрался к перрону. Проводница лениво выползла в тамбур, позевывая, спустила трап, протерла неистребимо грязные и липкие поручни и убралась обратно в свою каморку.

Одноэтажное здание вокзала отличалось исключительной нарядностью и обилием декоративной лепнины. На охристо-желтых стенах ярко выделялись белые кудрявые украшения древнерусского типа, карниз над дверями радостно сиял лепными самоварчиками. В целом вид у вокзала был претенциозный, словно у зажиточной купчихи. Даже перрон был довольно чистеньким и окурки аккуратно сметены в кучку возле урны.

В здании вокзала было пусто: несколько скамеек, составленных рядами, касса и запертый на замок газетный ларек — вот и вся обстановка. У дверей с банальной надписью: «Выход в город» (тоже, кстати, сделанной в виде цветастого барельефа) и простенько выполненной, но сюрреалистической по содержанию: «Порошок уходи», прохаживался милиционер со скучным лицом. В кассе дородная девица жевала внушительный бутерброд, а у окошка мял в руке паспорт какой-то тип в драповой кепке, не решаясь отвлечь девицу от столь важного занятия. Задерживаться в здании я не стал, вроде незачем было. Никого и ничего интересного. Поэтому я быстро пересек зал и шагнул на улицу.

После унылой прохлады вокзала и рабочей простоты перрона привокзальная площадь казалась ярмаркой красок, звуков и запахов. Она была довольно обширная, асфальтированная. Напротив вокзала, по ту сторону площади, высилось трехэтажное здание городской управы, своей пышностью не слишком далеко ушедшее от здания вокзала. Справа к зданию управы притулился ларек, рядом с ним — автобусная остановка с печальным длинным автобусом темно-синего цвета, в двигателе которого копошился водитель. Рядом его вяло ругали немногочисленные пассажиры.

Из официальных, так сказать, помещений больше ничего не просматривалось. Да и те, что были, производили впечатление унылых и неживых. Жизнь была в другом. Площадь просто-таки захлебывалась этой жизнью: прямо от входа в вокзал начинались ряды разнообразных лотков — из коробок, ящиков, складных столиков, от которых умопомрачительно пахло домашним салом, квашеной капустой и малосольными огурцами. Ко всему этому примешивался запах восхитительных жареных пирожков и медовухи. Румяных бабулек давешний милиционер, видимо, не пускал торговать на перрон, выполняя чей-то указ, а может, и по собственной инициативе. Бабульки упирали пухлые руки в бока и бойко зазывали отведать свои угощения. Время от времени они сцеплялись между собой, стараясь перехвалить свой товар. Посему над площадью воздух прямо гудел от непрерывного гомона, перемешанного с голубиным курлыканьем, воробьиным чириканьем и собачьим лаем. Лай раздавался откуда-то справа, оттуда же явственно тянуло медовухой. Я пошел на запах по перрону, вызвав естественный интерес окружающих, особенно бабок.

Медовуху продавал меланхоличный мужик с телеги. Лицо у мужика было вытянутое и очень походило на морду его же лошади, которая, выпряженная, нехотя жевала сено с телеги. Из сена торчали горлышки пластиковых бутылок, на перевернутом ящике стояли пластиковые стаканчики, из которых можно было продегустировать напиток. Телега ничуть не выглядела экзотично среди остального транспорта: автомобили, грузовики и фургончики были рабочего вида, некоторые явно намного старше той лошади. Рядышком с телегой с небольшого грузовичка, у которого колеса были сплошняком залепаны засохшей глиной, живенький мужичонка расхваливал молодую картошку. В покосившемся «уазике» было полно фляг с молоком, на крыше притулившегося к нему «запорожца» стояли лотки с яйцами. Следом, в фургоне, виднелись разноразмерные банки с деревенской сметаной. А вот и брехливый кобелек, которого я услышал издали: сейчас он сидел и яростно чесался, поднимая кучи пыли. Пес был привязан к ножке складного столика, на котором высились

горки домашнего творога в марле и бруски сливочного масла. Столик от собачьих упражнений аж трясся. Сухонький мужичонка, хозяин столика, шикнул на пса и вновь повернулся к собеседнику — краснорожему дядьке с крутыми усами. Эти съехавшиеся из окрестных сел продавцы степенно беседовали друг с другом, обсуждали последние новости из телевизора.

Ничто не говорило, что не так уж далеко отсюда — Зона...

Поглазев на продавцов, я пошарил в карманах и купил поллитровую бутылку медовухи с полусодранной этикеткой от «кока-колы». Потом прошелся обратно к бабкам. Купил пирожок. Съел.

Ко мне никто не подходил.

Велоцираптор сказал, что ко мне подойдет человек и все объяснит, а потом переправит, куда нужно. И где он, простите?

— Ё пейперз, плиз, — сказали за спиной.

Я повернулся — так и есть, мент. Я его упустил из виду, пока высматривал проводника, а мент тут как тут. И верно, по перрону шляется негр, отчего же не спросить у него документы.

— Вот, — сказал я, подавая паспорт.

— По-русски говорим, стало быть, — уточнил милиционер, не торопясь раскрыть книжицу.

— Я — русский.

— Я на всякий случай. — Милиционер мельком взглянул внутрь паспорта и вернул его мне. — Велоцираптор сказал, что встречать надо чернож... э-э... ну, тут, короче, приезжают иногда туристы, или ученые, или из администрации кто... Чтоб не спутать, в общем.

Я понимающе кивнул.

— Пошли, у меня тут за углом машина стоит, — сказал милиционер. Я вскинул на плечо спортивную сумку, милиционер посмотрел на нее и добавил:

— А медовуху выкинь. С непривычки дристать будешь, Константин.

Глава одиннадцатая. У попа была базука, он ее любил

...Итак, в левый висок чуть повыше уха уткнулось что-то холодное и железное.

Красивый баритон спросил:

— Иисус или Сатана?

— Иисус, — осторожно сказал я, потому что понял, в чем тут дело.

Сам я никогда не видел этого человека, но очень много о нем слышал. Хотя искренне полагал, что это уж точно легенда Зоны — в отличие от Болотного Доктора или Черного Сталкера.

— Медленно встань. Руки вверх. Поворачивайся, — велели мне. Истории о православном священнике, который в свое время отказался эвакуироваться и остался в Зоне проповедовать и избавлять мир от нечисти, ходили в сталкерской среде давно. Детали разнились: то святой отец проживал в районе Монолита, то — возле самого Периметра. То он приходил на помощь страждущим и жаждущим, то, напротив, со словами: «Отправляйся в ад!», умерщвлял их разными жуткими способами. Тот же Муха в свое время божился, что однажды ночью священник вышел к его костру, посидел, съел пару галет, запил чаем и ушел, поблагодарив и рассказав некую библейскую поучительную историю. Мухе верили; с другой стороны, где доказательства, что это был именно тот священник, да и вообще священник, а не какой-нибудь рехнувшийся сталкер? А то и зомби из тех, у кого в черепке кое-что осталось догнивать...

И вот доказательство стояло передо мной, когда я обернулся с поднятыми руками. Священник был бородат, одет в рясу, истрепанную внизу так, что она превратилась в сплошную бахрому. Из-под рясы торчали грязные и мозолистые босые ноги, на груди висел огромный серебряный крест, а в руках священник держал ручной автоматический

гранатомет «Валар». Им он мне в висок и тыкал. Интересно, что от меня осталось бы, стрелыны он в упор?! Да и от него тоже... Так что стрелять поп явно не собирался.

Я перевел дух.

— Отец Дормидонт, — представился священник.

— К-константин... — сказал я.

— Отчего черен, аки демон?! — подозрительно спросил отец Дормидонт.

— Уродился, — сказал я.

— Негр, стало быть, — заключил священник. — Ничего, негр — он есть божья тварь, и душа в нем тоже имеется... Не хвали человека за красоту его и не имей отвращения к человеку за наружность его. Опускай руки, Константин.

Я опустил.

— Отец Дормидонт, может, уйдем с рельсов-то, — предложил я осторожно. — Увидят же.

— Карлы-то богомерзкие? Не увидят. Молитва у них, — добродушно сказал священник, вешая на плечо «Валар».

— Молитва?!

— Хотя отойдем, в самом деле... Видишь ли, Константин, — начал отец Дормидонт, спускаясь впереди меня с насыпи, — ты в бога-то веруешь?

— Относительно, — соврал я, потому что в бога не верил.

— Относительно... Но молишься ведь, поди? Когда припрет?

— Молюсь, — признался я и на сей раз не врал. Да и кто не молится, когда припрет? Это потом, когда все миновало, думаешь: да ну, до меня ли господу? Занят небось. Так, само получилось. Повезло, короче.

— Потому как душа в тебе есть. А у них, карлов богомерзких, — нету. Так что молись, не молись — смысла никакого, отвратил от них господь лицо свое, потому что — порождение они нечистого.

— Так они по-настоящему, что ли, молятся?

— Куда им. Бормочут, рыла, не пойми что... Издевательство, глумление бесовское... Я как-то подкрался, долго слушал — не по-людски оно. Однако образов святых навешали, и даже батюшка у них вроде как есть, наподобие служит... тьфу, пакость какая, прости, господи...

Отец Дормидонт звучно сплюнул в папоротники. Он шел ко мне спиной, очевидно, полностью доверяя. Что ж, раз столько в Зоне прожил... А с бюроерами хоть что-то прояснялось. Эти твари испытывали чувства сродни религиозным ко всему, что создали человеческие руки. В логовищах бюроеров были и телевизоры, и бытовые приборы, и книги, и кухонная рухлядь... Всем этим они пользовались в основном как предметами поклонения, а еще они носили одежду. Старую, драную, подобранную в руинах, но — одежду.

Что касается вагонного табора, то там, выходит, кто-то попал в церковь. Каким образом злобные карлики сообразили, для чего нужна церковная утварь, — загадка, но у них образовалось что-то вроде религиозной секты. И тут в лице священника мы обрели весьма выгодного союзника.

— Уж не разорить ли капище их поганое задумал? — спросил, не оборачиваясь, отец Дормидонт, как будто читал мои мысли.

— А можно? — глупо спросил я.

— Отчего же нельзя... Сказано: боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою... Давай-ка ты сейчас ко мне в гости, там и потолкуем, как такое озеро обустроить с божьей помощью.

В гости к попу мы пришли довольно быстро. Святой отец жил в автобусе, поставленном на здоровенные чурбаки за полным отсутствием колес. Верно, в этих местах существовала такая мода на обживание руин общественного транспорта: бюроеры гнездились в поезде, священник — в огромном, некогда красном «Икарусе». Именно так было написано на широкой автобусной морде латинскими буквами. Черт его знает, что за автобус —

древность ведь... Как сюда попал здоровенный неповоротливый агрегат, учитывая, что стоял он на обочине узенькой лесной дороги, уже почти не видной среди травы, — мне было непонятно, ну да я и не стал задумываться.

Отец Дормидонт с грохотом отвалил в сторону стальной лист, за которым обнаружился еще один — с хитрыми запорами, которые он открыл большими ключами, висящими на шее под рясой.

— Проходи, Константин, — велел он добродушно. Я с опаской взобрался по обрешеченным ступенькам в салон. Оказалось, что священник устроился довольно уютно. Окна он наглухо заделал кусками жести, пластика и деревянными щитами, оставив подобие форточек для света. Дополнительный свет попадал и через открываемые потолочные лючки. Ближе к водительскому месту висела на шнуре большая электрическая лампа, из чего я сделал вывод, что Зона по-прежнему подпитывает автобусные аккумуляторы и в темноте святой отец не сидит даже в темное время суток.

Часть сидений поп снял, устроив из них нечто вроде огромного лежака в задней части автобуса. Имелись также пластиковый стол, пара табуреток, подобие оружейного шкафа, а еще книжные полки.

— Садись, Константин. — Святой отец ногой подвинул ко мне табурет. Я сел.

— Меня искать могут, — предупредил на всякий случай,

— Твои, что ли? А ПДА на что? Вызовут. Им же видно, что ты живой.

Однако... Поп соображал в наших делах. Он только не знал, что ПДА не работают... Ну и не нужно ему в таком случае знать. Совершенно лишняя информация для служителя культа.

Позвольте, а это что? На стенке, на шнурочке, висел как раз ПДА. Священник перехватил мой взгляд и пояснил:

— С покойника снял. Отпел, как положено, похоронил... Хочешь — посмотри. Ваш покойник был вроде бы, пакость разную в мешке своем нес. Да вот не сподобил господь грешного — не донес-таки.

Я взял ПДА, повертел в руках. Он не включился, а покойного владельца я не знал — некий Метакса, как было нацарапано на корпусе.

— Надо — забирай, — сказал отец Дормидонт, возясь в большом коричневом чемодане. Я повесил ПДА на место. На кой он мне... Тут свой, может, впору выбрасывать к бениной матери...

Священник тем временем поставил на стол литровую бутылку с жидкостью бордового цвета, плотно закрытый пластмассовый контейнер, бросил пачку галет в стандартной натовской упаковке.

— Вино, — пояснил он. — Из бузины сам делаю, полно ее здесь. А тут — грибы соленые, рыжики, груздочки, белые тоже попадают. Мала пчела между летающими, но плод ее — лучший из сладостей. Берите, едите... Ибо сказано: «Давай алчущему от хлеба твоего и нагим от одежд твоих; от всего, в чем у тебя избыток, твори милостыни, и да не жалеет глаз твой, когда будешь творить милостыню». И еще сказано: «Раздавай хлеба твои при гробе праведных, но не давай грешникам».

Он с чуть слышным хлопком откупорил контейнер. Грибы на вид оказались весьма симпатичные, но я прикинул, сколько они накопили радиации, и покачал головой. Только сейчас до меня дошло, что отец Дормидонт обитает в Зоне без какой-либо защитной одежды и обуви, да и антирадиатины вряд ли принимает... Неужто тоже вроде Болотного Доктора и прочих?! Уж не к Монолиту ли попище ходил?...

Спрашивать об этом священника я, конечно же, не стал. Благословясь, отхлебнул налитого в эмалированную кружку бузинного вина — оказалось вполне ничего на вкус и крепость, если опять же не думать о радиации. Ладно, это хотя бы не грибы.

Отец Дормидонт перекрестил свою кружку и опорожнил ее одним большим глотком.

— Хорошо пошло, истинно как апостол Павел вразумил: впредь пей не воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов, — сообщил он. — Да и вода тут кругом опоганенная зело...

И аппетитно закусил грибком. Я поборол желание последовать примеру попа и захрустел галетой.

— Значит, говоришь, порушить капище умыслил... — задумчиво сказал священник, наливая еще вина. — Хорошо сие: нечестивые же да посрамятся, да умолкнут в аде. Но ведь не только разрушения ради затеял, а? Какая такая у тебя корысть имеется, Константин?

— Я же сталкер, — развел я руками. — Работа такая... Надо кое-что оттуда забрать.

— Ходите, носите в мир дерьмо бесовское... — буркнул отец Дормидонт. — А всякую мерзость господь ненавидит, и неприятна она боящимся Его. Ну да ладно, все по делам своим судимы будут, а ты, я вижу, человек не совсем еще заблудший, хотя и чернорылый... Помощь моя надобна? Ибо в Библии сказано: «У всякого благоразумного проси совета, и не пренебрегай советом полезным».

— Да, собственно, никакой особой помощи от вас не требуется. Разведданные, так сказать: сколько их там, как лучше подобраться. А там уж мы сами — заберем, чего надо, и потихоньку уйдем. Предварительно порушив капище, ясное дело.

— Ты вот что, сталкер, — сурово сказал священник уже совершенно по-человечески. — Ты мне не ври. «Надо кое-что оттуда забрать...». Колись, что именно забрать? Зачем? Сам понимаешь, если захочу — помогу. Не захочу — наврежу. Потому что не берись за множество дел: при множестве дел не останешься без вины. И если будешь гнаться за ними, не достигнешь и, убегая, не уйдешь. Иной трудится, напрягает силы, поспешает и тем более отстает. Иной вял, нуждается в помощи, слабосилен и изобилует нищетою; но очи господа призрели на него во благо ему, и он восставил его из унижения его и вознес голову его, и многие изумлялись, смотря на него. Доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство — от господа. Даяние господа предоставлено благочестивым, и благоволение его будет благопоспешно для них вовек.

— Вот мне бы тоже... благопоспешно, — пробормотал я, откусывая от галеты.

— Благопоспешно ему... — проворчал отец Дормидонт, наливая себе еще вина. — На рожу свою поглядел бы в зеркало попервоначалу... — Потом он малость подумал и налил мне. На сей раз кружку он крестить не стал, а отхлебнул и прополоскал рот, словно проверяя букет. — Да, плесенью малость отдает... Не «Шардонне», конечно, и не портвешок даже. Но ничего, ничего... Так вот, Константин. Ты давай рассказывай мне детально, что вам надо от сих карлов. А я подумаю и решу, помогать вам или же гнать посохами железными.

— Вы же сами сказали — капище разорить... озеро, горящее огнем и серою, — напомнил я смиренно.

— Когда?! — искренне удивился поп. — Наблюдай, чтобы тебе не быть обманутым и не быть униженным в твоём веселье.

Судя по всему, святой отец надо мной издевался. Я такое отношение всегда недолюбливал, но помнил и про «Валар», и про то, что священник был в здешних местах старожилом, а я даже толком не сориентировался еще на местности.

— Послушайте, — сказал я, со стуком отставляя полную кружку. — Я ничего скрывать не стану: нам нужны бюреры. Есть заказчик, мы ему обещали доставить живых бюреров, что он с ними будет делать — черт его знает, я не спрашивал, да и знать не хочу, если честно. Судите сами: хорошо это или плохо.

Я подумал и добавил:

— Капище, если надо, разрушим.

Еще подумал и еще добавил:

— Во славу Господню, понятное дело.

Священник поскреб неопрятную бороду.

— Когда сильный будет приглашать тебя, уклоняйся, и тем более он будет приглашать тебя, — наставительно сказал он. — Не будь навязчив, чтобы не оттолкнули тебя, и не слишком удаляйся, чтобы не забыли о тебе. Не позволяй себе говорить с ним, как с равным тебе, и не верь слишком многим словам его; ибо долгим разговором он будет искушать тебя и как бы шутя изведывать тебя. Немилостив к себе, кто не удерживает себя в словах своих, и он не убережет себя от оскорбления и от уз.

— Батюшка, давайте по-нормальному разговаривать, — попросил я. — Вы же умеете, я видел. А то я как-то с трудом соображаю, что вы сказать хотите. Я семинарий не кончал.

— Я тоже, — сказал неожиданно священник. Подергал себя за бороду, тяжело вздохнул. — Тяжело без практики, — признался он, осушил кружку и вопросительно посмотрел на меня. Я покачал головой. — Служить некому, окормлять некого... А Писание негоже забывать.

Он вздохнул и заключил:

— А про бюреров ты или брешешь, или недоговариваешь: как же вы их из Зоны попрете? Так что давай, милый, тарихти всю правду. Я внимательно тебя слушаю.

Появление священника в нашем лагере произвело фурор. Соболь как довольно религиозная личность перекрестился. Проснувшийся Пауль решил, видать, что это продолжение сна, и моргал, сидя на куче наломанного лапника. Профессор Петраков-Доброголовин довольно мрачно поглядывал на меня, явно недовольный тем, что в его суперсекретном проекте постоянно появляются новые неучтенные лица, теперь даже духовного сана. Аспирин действовал наиболее ожидаемо — предложил выпить за знакомство и уже свинчивал пробку с фляжки.

— Работник, склонный к пьянству, не обогатится, и ни во что ставящий малое малопомалу придет в упадок. Вино и женщины развратят разумных, а связывающийся с блудницами сделается еще наглее; гниль и черви наследуют его, и дерзкая душа истребится, — с огнем в очах сказал отец Дормидонт. — А впрочем, наливай. К тому же с блудницами тут совсем хреново, мужики.

И достал из кармана рясы складной металлический стаканчик.

Когда все выпили, я рассказал вкратце о том, что отец Дормидонт — местный житель, который не против нам помочь. Профессор тут же попытался выяснить, каким образом священник выжил в Зоне и кто он вообще такой, но получил в ответ длиннейшую библейскую отповедь, сопровождаемую опасными движениями «Валара». Я забыл сказать, что святой отец перед уходом поверх рясы навязал кусок кабеля в резиновой оплетке (вервие, как сказал он сам), а к нему прицепил кобуру с новеньким «глоком», о происхождении которого я разумно не стал спрашивать. Может, с того самого Метаксы и снял вместе с ПДА. Трофей, все по-честному. Зона.

— ...Обуздывающий язык будет жить мирно, и ненавидящий болтливость уменьшит зло. Никогда не повторяй слова, и ничего у тебя не убудет. Ни другу, ни недругу не рассказывай и, если это тебе не грех, не открывай; ибо он выслушает тебя, и будет остерегаться тебя, и по времени возненавидит тебя. Выслушал ты слово, пусть умрет оно с тобою: не бойся, не расторгнет оно тебя, — завершил отец Дормидонт свою отповедь и с намеком показал Аспирину свой складной стаканчик. Профессор остался недоволен и, вероятно, утвердился во мнении, что священник — чокнутый. Видимо, еще не заметил, что с нормальными тут вообще большая проблема, примерно как и с упомянутыми попом блудницами.

Прерывая нехитрую трапезу и изредка вступая в мелочный спор, мы с Аспирином нарисовали на глинистой проплешине план бюреровского городка. Священник внес пару коррективов, после чего предложил стать отвлекающим фактором, чем тут же напомнил мне говорливую псевдоплоть.

— Они в вас будут всяким калом кидаться, батюшка, — предостерег Соболь.

— Ништо! — махнул рукой Дормидонт. — Да восстанет бог, и расточатся враги его, и да бегут от лица его ненавидящие его.

Соболь снова перекрестился, а я заметил:

— На самом деле мысль хорошая. А мы зайдем сзади и влезем в вагон. Не в одном, так в другом отловим.

— Стоп, — сказал Пауль. — А прибор профессорский нам ни как не поможет? Его включим, бюреры и отрубятся. Ну, то есть не отрубятся, а телекинез их отрубится, они дерьмом швыряться-то и не смогут. Подходи и клади в мешок, сколько надо, а остальных можно хоть прикладами перебить.

— Прибор, к величайшему сожалению, не такой мощный, — покачал головой Петраков-Доброголовин. — Двух, трех, четырех он еще нейтрализует. Я же вас инструктировал, разве не помните? А там, вы говорите, их целое поселение...

— Слишком ты, Аспид, легко хочешь все проверить, — ворчливо сказал Соболев. — Вот говорит же батюшка: он будет наш отвлекающий маневр, а мы сзади полезем.

— Не все, — остановил я Соболя. — Двое. Нет, трое — Пауль с клеткой для бюреров нам тоже необходим. А вы с профессором будете помогать батюшке, потому что его гранатомет — штука полезная, но бюреры есть бюреры.

— Я не против, — пожал плечами Соболев.

— Что ж, давайте тогда доедим, что осталось, и будем готовиться. Притом нам, вполне возможно, придется быстро-быстро отсюда удирать... А вам, святой отец, спасибо.

— Помни, что смерть не медлит, и завет ада не открыт тебе: прежде, нежели умрешь, делай добро другу и по силе твоей простирай твою руку и давай ему. Не лишай себя доброго дня, и часть доброго желания да не пройдет мимо тебя. Не другим ли оставишь ты стяжания твои и плоды усилий твоих для раздела по жребию? Давай и принимай и утешай душу твою, ибо в аде нельзя найти утех, — величественно произнес отец Дормидонт и поправил на плече ремень гранатомета.

— Мы-то ладно, мы убежим, — сказал Пауль. — А вы-то куда потом?

— А вы бегите, — отвечал священник, — а я останусь. Куда мне с вами? Мне и тут дел полно. Уж не пропаду божьим сбережением и разумением.

Мы подобрали остатки импровизированного пиршества, собрали амуницию.

Петраков-Доброголовин мялся, явно желая что-то сказать.

— Говорите, профессор, — разрешил я.

— Я думаю, что я пригожусь вам в городке бюреров, как вы это называете, — безапелляционно заявил Петраков-Доброголовин. — В конце концов, у меня аппарат.

— У нас у всех аппараты, чува-ак! — заржал Аспирин.

— Вот ты аппарат и возмешь, — сказал я.

— Я понимаю, что пользоваться им несложно, но... — начал профессор, но Аспирин тут же окрысился, встопорщив усы:

— Я чё, тупой, чува-ак?!

— Нет-нет, Юра, что вы, — замахал руками Петраков-Доброголовин. — Но вдруг что-то непредвиденно откажет? Техника сложная, сами понимаете...

— Я знаешь как технику чиню, чува-ак? — спросил Аспирин. — Ногой пну. Ну или рукой, если маленькая. Не чинится — значит совсем поломалась. Так и твой прибор: не сработает, я его об стенку, бюреров валим, сколько получится, и деру. Тебе, профессор, там с отверточкой некогда ковыряться будет, врубился?

— Врубился, — покивал Петраков-Доброголовин.

— А раз так, давай цацку.

Получив цацку, Аспирин стал выглядеть еще более воинственно, хотя для меня прибор Петракова-Доброголовина по-прежнему напоминал кофеварку, Аспирин же с ним в руках смахивал на сумасшедшего кондитера-убийцу. Колпак ему еще белый — и все.

— Вы, пожалуйста, осторожнее, — попросил Петраков-Доброголовин безнадежным тоном.

— Не ссы, — отвечал Аспирин словами легендарного сталкера Матюхи, давно уже ставшими крылатыми.

Глава двенадцатая. Акафист Всемогущему Богу в нашествии печали

Пробравшись непосредственно к городку, мы остановились и залегли в кустах, пахнущих баннным венником.

— Мы обходим поезд, ждем там, — сказал я. — Вы начинаете представление, мы начинаем проникновение.

Слово «проникновение» почему-то насмешило Аспирина; я подождал, пока он успокоится, и продолжил:

— Пятнадцати минут нам будет вполне достаточно. Сверим часы.

Сверили. У всех шли по-разному, что для Зоны в общем-то не такая уж и редкость. Перевели.

— Але, — вспомнил вдруг Аспирин, — а мы главного-то и не спросили. Профессор, чува-ак! Как бюреров различать-то? Ну, где баба, а где наоборот?

Петраков-Доброголовин слегка покраснел.

— Вообще-то наружные половые органы бюреров ничем не отличаются от человеческих. Потому, я полагаю, сложностей с определением пола у вас не должно возникнуть. В крайнем случае, если вы не слишком сведущи в вопросе, расстегните свои штаны и сравните.

Шутка была удачная, и мы все тихонько посмеялись, включая Аспирина, который хороший юмор всегда ценил.

— Круто, чува-ак! — кивнул он. — Тока как мы будем им штаны снимать в суматохе? Да и за пальцы укусит, гадина.

Профессор вздохнул — мол, ну что поделать, если работаешь с умственно отсталыми сталкерами?! — и коротко ответил:

— Сиськи!

Аспирин опять захихикал.

— ...Два сосца твои — как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями... — пробормотал отец Дормидонт.

Все воззрились на него в крайнем недоумении, надеясь, что речь не о красотках из компании бюреров. Или он тут совсем одичал?

— Как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими; шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных... — в задумчивости продолжал священник.

— Ланиты, ишь... Не, я-то понял, что это за половинки, но чего они под кудрями, чува-ак? — уточнил деловитый Аспирин.

Священник словно очнулся, кашлянул и сказал совсем другим тоном:

— Что вытаращились, ангелы?! Соломон, Песнь Песней. Да вам и не понять. Ланиты ему... Тьфу! Ладно, хватит разговоров, братие. Поехали!

И махнул рукой.

Оставив нашу цирковую труппу, мы с Аспирином, Паулем и волшебной кофеваркой двинулись в обход поезда. Особенных трудностей у нас это не вызвало, и на заданный рубеж мы выбрались даже быстрее, чем за пятнадцать минут. С тыла городок бюреров выглядел еще хуже, чем с парадной части, — все запакощено, везде валяется мусор, но, слава богу, никого нет.

Стоп. Я сказал никого? Почти никого — на куче песка сидел карлик в лохмотьях и что-то жрал, запихивая в рот пригоршней. Хотя пасть была здоровенная, влезало плохо, и бюрер иногда помогал другой рукой. Ладно, сиди, сволочь. Пойдешь в клетку, если не успеешь смыться посмотреть поповское представление: ты ведь или мужик, или баба, третьего не дано, а нам в любом случае оба нужны.

— Ничё так живут, — сказал Пауль. Я у него в гостях ни разу не был, но, по слухам, особой аккуратностью в жилье товарищ не отличался, и я подозревал, что городок бюреров ему понравился неспроста. — Хорошо устроились.

— Жрет, мудила, — сказал Аспирин. — Помню, был я в Тамани, так зашли в одно место...

— ...И вышли с во-от такими пузами, — закончил я за него. — Потом расскажешь. Бюрерам вон, если добудем. Они оценят.

Аспирин сердито зашевелил усами и засопел, завозился с автоматом.

Я прикинул по часам — осталось две минуты.

Лишь бы там не произошло ничего непредвиденного... Выскочит, скажем, химера. Или кровосос. Может, они сюда ходят свежего бюрера отведать. Хотя почему-то я не слишком заморачивался — надеялся на попа, который, кажется, не боялся здесь никого и ничего.

Над головой тихо шумели деревья, было тепло и спокойно. Бюреры в своем поседении притихли — спали, может, или молитва у них как раз случилась...

— Телик небось смотрят, — предположил Пауль. Антенну увидел, наверное.

Я проверил автомат. Аспирин щелкнул кнопкой на приборе, включил-выключил.

— Работает, — сказал он. — Хотя, может, и не работает, а просто лампочка светится.

— Офигеть, — сказал Пауль. — Время!!!

И тут я, делая первые шаги в сторону поезда, услышал громогласный голос... нет, глас, иначе не скажешь... отца Дормидонта:

— Возбранный воеводо и господи, радости и веселие рабом твоим, идеже ты, тамо потребляется всякая печаль, идеже несть тебе, тамо всякая радость суетна. Призри на мя грешного, погибающего в беде сей, и явлением спасения твоего посети мя, зовуща: господи мой, господи, радости моя, даруй ми, да возрадуюся о милости твоей!!!

Карлик на песке оживился, бросил недоеденную жратву и резво нырнул под вагон. Только задница мелькнула между колесными буксами. Заинтересовался, падаль мелкая. Ладно, считай, ушел. Повезло. Фигня, других наловим.

В несколько прыжков мы оказались у вагона. Вскрабкавшись по ступенькам, я подергал рукоять двери — закрыто.

Треснул прикладом в стекло, кубиками посыпавшееся вниз, и кулем полез через окно внутрь. Мне помог Аспирин, а через мгновение и сам свалился на загаженный пол тамбура рядом со мной.

— Ангелов творче и господи сил, спасения ради падшаго человека не возгнушался еси девического чрева, последи же заклевания, поношения и поносную смерть претерпел еси, слове божий, благ бо еси и человеколюбец!!! — грозно рокотал священник. Судя по отсутствию выстрелов с той стороны, бюреры охренели и внимали. Насколько я помнил, они малость даже кумекали по-человечески, но вряд ли особенно понимали старославянский, или на каком там языке сейчас глаголил старина Дормидонт.

Пока Пауль со своими габаритами и складной клеткой для добычи шумно влезал в тамбур, я осторожно выглянул из-за угла в коридор вагона. Это был купейный; кое-где даже сохранились грязные занавески, под потолком висели выцветшие искусственные цветы. В рамочке — расписание остановок. На проводах болтается вырванная розетка для электробритвы.

Некогда красная ковровая дорожка была покрыта слоем бюреровского дерьма, и я подумал, что падать нельзя ни в коем случае. Потом глянул на пол тамбура, на котором сидел, и понял, что с этой здравой мыслью я опоздал.

Воняло все это так же гадостно, как и выглядело. Видимо, религиозные взгляды здешних бюреров никаких особенных идей о физической чистоте не содержали.

— Этот поезд в дерьме, и мне не на что больше жать... Это поезд в дерьме, и мне некуда больше бежать, — тихонько спел Аспирин у меня за плечом старую бардовскую песню.

— Бежать вон куда, — показал я. — Зырим в купе, хватаем, кого есть, и в клетку! Аспирин, ты включи-ка адскую машину заранее. Пускай гасит, все польза.

Аспирин включил свою кофемолку, а Пауль сказал:

— Надо было ее к клетке изолентой примотать.

— Поздно придумал, — буркнул я.

— Да вот она, — возразил Пауль и шустро примотал.

— Видевый многий образы человеколюбия твоего, явленные на бывших прежде мене грешниках, дерзнух и аз возвести к тебе очи мои, живущему на небеси: помилуй мя, господи, яко немощен есмь, избави мя горкия сея печали и сподоби радостию и веселием пети тебе:

аллилуйя!!! — вел священник, и по-прежнему никто не стрелял. Любопытство взяло свое — я приподнялся и выглянул через окно на противоположную сторону, рискуя быть замеченным.

Картина того стоила.

Отец Дормидонт стоял на глинистом холмике рядом с поверженным столбом электролинии и вещал, подняв в руках над головою большой крест. Интересно, где это он его взял? С собой из автобуса вроде бы не прихватывал...

— Сильный во бранех, господи, прииди в помощь изнемогающей души моей и буди ми заступник от враг видимых и невидимых, яко отец мой и мати моя остависта мя, друзи мои и искренний мои далече от мене сташа. Но ты, отче сирых и судию вдовиц, буди ми беспомощному помощник, поющему тебе: аллилуйя!!!

Своих соратников я не видел — они укрывались в кустарнике и подлеске где-то позади священника. Зато бюреры были все как на ладони — стояли на гравии возле поезда, молчаливо внимая Дормидонту. Нет, не совсем молчаливо: кое-кто повизгивал — от восторга, что ли... Я из своего окошка видел штук двадцать тварей. Пригляделся — да, есть с «вторичными половыми признаками», если верить терминологии профессора. Ну и мерзкие же они...

— Чё там? Дай позирить, чува-ак! — запыхтел за плечом Аспирин.

— Нормально все, — сказал я. — Пока они отвлеклись, давайте-ка по вагону прошаримся... Там с того конца должен быть выход, кидаемся сзади, хватаем, пихаем в клетку — кстати, Пауль, собери-ка ее — и рвем вперед, пока нас прикрывают братаны со святым отцом.

Пауль резво собрал клетку, и мы осторожно двинулись по вагону, заглядывая в купе. Свинарник там был жуткий, и не свинарник даже — ни одна уважающая себя свинья не поселилась бы в такой грязи. Однако в самом деле там и тут попадались изгвазданные иконы и всяческие предметы, явно принадлежащие к церковной утвари.

Ч-чёрт... В очередном купе, примотанный за руки к верхним полкам, перед окном висел человеческий скелет. Судя по связанным ногам и венку из пластиковых цветов на голом черепе, он подразумевал собой распятие. И сомневаюсь, что его тут подвесили уже мертвым...

— Вот пидоры, — буркнул Аспирин. — Секундочку, чува-ак.

Он прикрыл дверь и шустро принялся устанавливать примитивную растяжку.

— Подарочек, — заключил он, поправляя привешенную осколочную гранату.

— Бурею многоятежнаго сего жития потопляем, к тебе руце мои простираю, словесе божий: я ко же Петра утопающаго спаси еси, тако и мне прости крепкую руку твою и избави мя беды сея, да с радостию благодарным сердцем вопию тебе: аллилуйя! — исправно грохотал священник. Судя по визгливым воплям, карлики пытались ему подпевать, по крайней мере «Аллилуйя» прозвучало довольно похоже и весьма многоголосно.

Я подумал, что при надлежащем подходе отец Дормидонт того и гляди мог бы бюреров и обратить в истинную веру... Впрочем, такую идею я подавать ему не собирался, к тому же обещал разорить капище.

Выход из следующего вагонного тамбура был открыт. Через дверь я видел стоявших спинами к нам бюреров, некоторые в экстазе махали руками над головой.

— Боготочною кровию возлюбленнаго сына твоего Иисуса Христа примирихся тебе, отче небесный, но се паки якоже пес на свою блевотину ко греху возвратихся, сего ради праведно сею лютою бедою наказуеши мя. Но услыши мя, господи боже мой, в день печали сея, яви мне милость и спасение твое и даждь ми в наказании присно взывати тебе: аллилуйя!!!

— Пошли! — скомандовал я и стал осторожно спускаться по ступенькам, стараясь не касаться измазанного какой-то белесой дрянью поручня.

Странно, но на нас ровным счетом никто не обращал внимания. Аспирин выставил перед собою профессорский чудо-агрегат, а я осторожно протянул руку и взял за шиворот

грязной хламиды ближайшего карлика с «вторичными признаками». Тот слабо подергивался в такт излияниям святого отца и, казалось, даже не замечал, что его схватили.

Пауль быстро подсунул клетку, и я уронил бюрершу в раскрытую дверцу. Тут-то она и заверещала, заметалась.

— Господи мой, господи, утешение мое, утеси мя в печали сущаго; господи мой, господи, заступниче мой, заступи мя от возстающих на мя! — возвысил голос священник, который тоже услышал, надо полагать, пронзительный визг. Но было поздно — сотни глаз обернувшихся бюреров уже вытаращились на нас, и мне не оставалось ничего другого, как схватить двух ближних и запихать в клетку к подружке. Рассматривать, кто они такие по половой принадлежности, времени у меня не имелось, и я понадеялся на удачу. В конце концов, если все пойманные — бабы, с горя попытаемся отловить мужика. Или толкнем баб оптом.

С той стороны заметили, что объект внимания обитателей городка на колесах сменился. Затарактел автомат, дальние от нас богомольцы заполошно покатались под вагоны с истошным визгом. В воздух начали подниматься куски гравия; к чести профессора, в радиусе метров трех вокруг нас все было в порядке, значит, прибор работал, и мы бросились к кустам.

Аспирин напоследок швырнул в тамбур пару гранат, то же сделал Пауль, удерживая одной рукой клетку. Капище мы, может, и не разрушили, но попортили изрядно, отец Дормидонт должен быть доволен.

Но плечам и спине тут же застучал гравий, но мы ломились так, что с ходу с хрустом проскочили кустарник и, не останавливаясь, по инерции пронеслись дальше. Я притормозил, крикнув:

— Давайте вперед, метров сто, и ждите!

Два вагона горели. Бюреры метались взад и вперед, не зная, гнаться за похитителями или спасать пожитки, которыми, наверное, весьма дорожили. В воздухе довольно сумбурно вился целый рой гравия, стрекоча по листве, словно пулеметные очереди, и тучно врезаясь в стволы деревьев.

— Отступаем! — закричал я, подбегая и тормоша за плечо Петракова-Доброголовина. Профессор увлеченно стрелял из своего «стечкина», и я дернул его посильнее.

— Ага, ага! — закивал Петраков-Доброголовин.

Соболь тоже заметил меня, в последний раз выстрелил из ружья — крупный бюрер в некоем подобии церковного одеяния чучелом свалился с крыши вагона, куда успел забраться для руководства операцией. Видать, это и был поганый ихний «батюшка», личный враг Дормидонта.

— Господи мой, господи, агне божий, вземляй грехи мира, возьми от мене бремя тяжкое грехов моих; господи мой, господи, я ко агнец безгласен, на заклание веденный, научи мя терпети находящая мне злая без роптания. Господи мой, господи, Адамово рукописание раздравый, раздери рукописание безчисленных грехов моих; господи мой, господи, разбойниче покаяние приемый, приими и мое грешнаго покаяние. Господи мой, господи, мертвых воскресивый, воскреси душу мою, умерщвленную грехми! — вопил священник наподобие сирены. Зрелище было апокалиптическое: пылающие и дымящиеся вагоны, мечущиеся бюреры, каменный град... Твою мать!

Крупный кусок гравия вцепился мне в скулу, отрезвив и заставив еще раз дернуть впавшего в боевой экстаз профессора.

— Товар взят! — крикнул я ему в ухо, смахивая струйку крови, щекотно побежавшую по щеке и за воротник. — Уходим!!

Петраков-Доброголовин снова закивал. Соболь уже продирался сквозь густой крушинник, и мы последовали за ним.

— Господи, спаси мя погибающаго! — вопил священник, сноровисто перезаряжая гранатомет и стреляя в обитель бюреров. — Се, кораблец мой бедствует от искушения волн житейских и близ потопления есть! Но ты, яко бог милосердный и сострадательный немощем нашим, властию твоею всесильно запрети волнению бедствия, хотящих погрузити

меня и низвести во глубину зол! И да будет тишина, — крикнув это, священник вскинул на плечо опустевший гранатомет и достал пистолет, — яко ветры и море послушают тебе! Аминь!

Это было последнее, что я видел, потому что мы скрылись в лесу и бросились бежать сквозь ельник, хлещущий по лицу своими колючими жесткими лапами.

Глава тринадцатая. Дело — труба

Тяжелый болотный дух пропитал все вокруг. Даже привычное в лесу потрескивание веток превратилось в какое-то почавкивание, всхлипывание. И дождь, который лил сплошной стеной, теперь как-то измельчился, перешел сначала в морось, а потом и вовсе в какую-то взвесь в воздухе. И непонятно — то ли идет, то ли испаряется. Наверное, в тропических джунглях такое в порядке вещей, а здесь... Липкий он какой-то был, дождик, и проникал, кажется, аж в мозг. Тянуло поминутно протирать глаза, но это не помогало — туман словно был внутри, а не снаружи. Внутри черепной коробки.

Мы ковыляли по прогибающейся под ногами упругой поверхности, хватаясь за стволы деревьев. В укрытой чехлом клетке с примотанным прибором Петракова-Доброголова, которую волок Пауль, злобно бормотали бюеры, но на них мне в данный момент было наплевать. Тем более что скоро видимость снизилась до того, что я начал ощущать себя примерно как семидесятилетняя подслеповатая старуха, которая где-то посеяла свои очки. Ни черта не видать, в глазах словно мелкий песочек, вокруг — какие-то тени. И слух не обострился вопреки распространенному мифу, а как-то наоборот — словно в уши ваты натолкали. Мне эти фокусы совсем не нравились, напоминая давешнюю бетонку. Я скомандовал всем стоп и лечь. Похоже, этому предложению обрадовался только Аспирин, который сразу же вспомнил о том, что не сидел шесть дней, аки тот Киса из старинной книжки (Киса — не сталкер, и книжка не про Зону, я и такие читаю иногда). Остальные с опаской опускались на корточки. Но, оказалось, не зря: там обнаружился сюрприз: по низу, примерно до колен, никакого тумана не было вообще, он полз над головами какими-то неровными сгустками, цеплялся за стволы деревьев, поглощая не только видимость, но и звуки. Внизу слух тут же восстановился. Я подумал, что, будь я сейчас в любой другой точке Земли, сроду бы меня не удивил этот туман — обычное природное явление. Эта мысль мне никак не давала успокоиться, потому что я не в любой точке Земли. А в этой, конкретной. И здесь, в этой точке, может быть нее что угодно — заснешь в таком тумане, а проснешься... ну, не знаю. Может, и вовсе на Сириусе проснешься. Однако все были спокойны, уставшие, раздраженные, но насчет тумана — спокойные. Я прислушался к своим ощущениям — нет... ничего. Да и остальные, чай, не первый день в зоне. В общем, я тоже успокоился и на всякий случай поинтересовался мнением остальных. Хотя ничего такого в самом тумане не было, мы решили переждать. Не ползти же на четвереньках, в самом деле...

Как раз случился небольшой островок, песчаный и твердый, поросший редкой жесткой травой, напоминающей лезвия ножей. Мы развалились на нескольких квадратных метрах, и я с трудом удерживался от того, чтобы не задремать.

Бегство из городка бюеров вымотало из нас все, что сохранилось после довольно комфортного пути к нему. Отец Дормидонт прикрывал нас до последнего, я слышал на бегу неразборчивые куски его проповеди и расчетливые пистолетные выстрелы.

— Интересно, батюшка жив? — спросил Соболев, вытряхивая хвою из ружейных стволов.

— Что ему сделается! — оптимистично сказал Аспирин. — У меня такое подозрение есть, что поп этот — не совсем и поп.

— Как это? — заинтересовался профессор.

— Ну, как-как. Вот про Болотного Доктора слыхал, чува-ак?

— Разумеется.

— Вот. Болотный Доктор — он же тоже вроде доктор, но не совсем доктор. Или Черный Сталкер — он вроде бы и сталкер, и в то же время не совсем сталкер. Полный офсайт, короче. То же и поп.

— Про него много всякого рассказывали, про попа нашего, — сказал я. — Но мне кажется, что он самый обыкновенный человек. Свихнулся малость на православии, с кем не бывает... Но он обычный мужик. Скорее всего и не поп даже. В смысле, семинарий не оканчивал, или где они там учатся на священников.

— Потому и волнуюсь за него, — вздохнул Соболев. — Душевный человек. И молитвы знает. Не то что в нашем храме городском батюшка — пьяница и дебошир.

— Я запомнил, где он живет, — успокоил я Соболева. — Будет время — сходишь в гости. Можешь и бюреров заодно навестить, если к тому времени не переедут.

— Сходишь тут в гости, — мрачно сказал Пауль. — У меня ноги не двигаются уже. Может, нормальный привал сделаем? Все равно туман кругом. Я вот твои уши не вижу вообще.

— Брат, ну что ты несешь? — сказал я. — Именно, что туман кругом. Ни хрена не видно, и кто там в тумане — тоже не видно. Сидим на этой залупе песчаной, а нас, может, окружают уже.

— Тёмные?! — предположил Аспирин, резво подхватив свой автомат.

— Может, Тёмные. А может, мутанты. Давайте-ка еще на пять минут расслабимся, и вперед.

Расслабились, как тут не расслабиться. Ноги в самом деле гудели, Пауль не врал... Я потянулся, мышцы спины отдались тупой болью.

Внезапно почти рядом раздалось отчетливое «ку-ку». Не человеческое «ку-ку», а настоящее, птичье. Высоко, где-то в кронах деревьев. Мы лежали не шевелясь. А кукушка, или кто бы то ни был, вдруг разошлась и давай куковать вовсю. Рядом профессор Петраков-Доброголовин шевелил губами, считая, сколько ему осталось. Сбоку ему прошипел Пауль:

— Заткнись, придурок! В Зоне год за десять идет, недосчитаешься!

Придурок профессор в ужасе заткнулся и округлил от ужаса глаза — забыл, где находится...

Зловещее «ку-ку» раздавалось все ближе, но шороха крыльев или листьев не было. «Ку-ку» звучало все громче, словно резонирующее эхо. Кукушки мы так и не увидели. Да и не было никакой кукушки. Слуховой мираж это был. Про него как-то рассказывал Патогеныч. Говорил, что обычное явление в Зоне, особенно ближе к северной границе. И утверждал, что это именно мираж — как в пустыне, только не зрительный, а слуховой. Мол, иногда было слышно не только дятлов и кукушек, но и как мужики из соседней деревни спорили — поллитру покупать или две. Говорит, он специально с прибором ночного видения таскался в те места — никаких птиц и мужиков, понятно, там и в помине не было. Никто не верил, конечно, — Патогеныча с его синькой внутрь мало ли какие галлюцинации могли накрыть, поди проверь, если он один, скажем, шел. Но нас-то было несколько, и у всех один и тот же звук в ушах.

— Кукушка же... — прошептал профессор недоуменно.

— Нет в Зоне кукушек, — шепнул я в ответ. — Вороны одни. Другие птицы здесь не живут. Слуховой мираж, говорят.

— Это опасно?

— Хрен его знает, профессор. В Зоне все опасно...

«Кукушка» продолжала куковать, и мне вспомнилось, как мы с мамой ходили в детстве в лес собирать грибы. Среди опавшей разноцветной листвы я находил пушистые волнушки, крупные белые грузди и неопрятные чернушки, а над головой вот так же отсчитывала чьи-то года кукушка, а по лесу — обычному, мирному и безопасному — разносилось эхо. Внезапно «кукушка» замолчала.

— Все, что ли? — спросил Пауль.

— Вроде ничего особенного, а страшно... — поежился Аспирин. — Валим-ка мы отсюда, чуваки, тем более туман вроде рассеялся чуток.

— Не морози, — неуверенно посоветовал Пауль.

И действительно, теперь я видел уже как старуха, нашедшая свои очки в пыли и паутине за комодом, но забывшая их хорошенько протереть. Бюеры коротко вякнули, когда Пауль вскинул на плечо клетку.

— Тихо, суки! — наставительно буркнул он. Бюеры в самом деле притихли.

Болото не кончалось еще метров сто — сто пятьдесят, а потом неожиданно пружинящая почва стала полого уходить под воду. Лезть в воду в Зоне — дело крайне бесперспективное, о тех, кто в ней живет, известно куда меньше, чем о тех, кто живет на суше... А главное — их не видно.

— Обойдем? — спросил я у спутников, оглядывая их перепачканные болотной зеленью морды.

— Давай тут попробуем, Упырь, — махнул рукой Соболев. — Сил уже нет. Может, мелко.

И он оказался прав. Вода была очень холодной, будто в ней только что растаял снег или лед, но, видимо, перед нами оказалась какая-то размытая мелиорационная канава, потому что спустя несколько шагов по колено в воде мы выбрались на практически сухой берег. Более того, он заметно поднимался, и болотную растительность сменял мелкий кустарник и вполне сухопутные на мой неискушенный взгляд травы.

— Интересно, где мы сейчас, — ни к кому конкретно не обращаясь, пробормотал Соболев.

Я промолчал. Быстро привыкаешь к хорошему, что тут поделывать. А ведь ходили же раньше люди без ПДА! Ходили, хабар носили, вся карта, что называется, в башке хранилась... А здесь — сначала рванули, потом чуток заплутали в тумане этом чертовом, и вот результат.

— А вы слышали что-нибудь про параллельные пространства на территории Зоны? — спросил профессор. Чертов ученый умел и неподходящий момент сказать неподходящую вещь.

— Слышали, — сказал я, потому что Петраков-Доброголовин ждал ответа, а в случае его отсутствия мог нагородить вообще хрен знает чего. — Только это все неправда.

— Почему же? — вскинулся профессор. — Есть весьма любопытные труды академика Волошина, который...

— ...который в окружении полка военных сидел на базе в Агропроме и даже ночью так боялся, что экзоскелета не снимал, — отрубил Соболев. — Видел я того Волошина, пришлось. Нахвтался страшных историй, и даже не от нормальных сталкеров, а от барахла разного. Есть такой тип людей: раз в Зону сходят, за полкилометра кабана или пса увидят, больше туда ни-ни, а сами шьются по кабакам и разным шляпам вроде этого Волошина ужастики рассказывают.

— Но вы же не станете возражать, что... — начал было профессор, но тут перебил я.

— Слушайте, мистер Петраков-Доброголовин. В Зоне сказок хватает. Их хорошо рассказывать дома у камина, еще лучше — в «Штях» за бутылкой перцовки с бифштексами. Вернемся — устройю вам курс лекций, а там уж хотите — верьте, хотите — не очень, мне без разницы. Но в самой Зоне лишний раз лучше ничего не выдумывать. Если не успокоились, я вам кратенько отвечу: про параллельные пространства ходят самые разные слухи, но я лично ничего такого не видел. И внушающих доверие людей, которые видели, тоже не знаю. Остановимся на том, что мы просто немножко заблудились, и когда выйдем к некоему ориентиру, все сразу станет ясно.

— Простите, — сказал профессор виновато. — Вы меня как-то одергивайте, если я нарушаю правила.

Вот ведь как заговорил, собака!

Кривая глинистая дорога пошла вниз, а потом — круто вверх. Раскисшая глина была что твой каток, вниз мы съезжали, словно сноубордисты, еле держа равновесие. Вверх же подняться получилось только по краю дороги, цепляясь за редкие пучки скользкой травы. Наверху дорога внезапно заканчивалась. Перед нами был овраг, тянувшийся куда-то далеко вперед и в стороны. А чуть пониже дороги, из обрыва, выходили две толстые трубы,

обтянутые серебристой теплоизоляцией, которые уходили куда-то далеко вперед. Овраг был глубокий — местами метров десять, поди, не меньше. Трубы нависали над ним, опираясь на железные сваи. Машина бы, конечно, по ним не прошла, а вот человек — запросто, даже два человека, каждая труба — с полметра в диаметре. Очень удобно. Поэтому и не хотелось по ним идти.

— На горе стоит пивная, да затейница какая, — пробормотал Пауль, вспомнив детский неприличный стишок. — Вместо свечки хрен горит, алкоголиков манит...

Все мы предпочли бы сейчас увидеть перед собой пивную, да. И нерешительно топтались на месте. По-другому овраг не обойти — справа и слева слишком плотный частокол деревьев. Разве что спуститься вниз и по низу, потихонечку... Правда, там все заросло высоченным разлапистым борщевиком и густой крапивой, а среди зелени просматривался какой-то мусор. Чуть правее труб вроде было что-то, похожее на спуск.

— Давайте я попробую спуститься, — предложил наш храбрый профессор. — Посмотрю, что там на дне.

Аспирин сомнительно захихикал, но я молча достал веревку, которой мы обвязали Петракова-Доброголовина, и начали потихоньку стравливать ее по мере того, как он спускался все ниже. Не успев добраться до дна оврага, профессор истерично задергал веревку, сигналив, чтоб мы тащили его обратно. Как только над обрывом появилось перекошенное лицо Петракова-Доброголовина, уже стало ясно, что вниз мы не полезем.

— Там кости, кости! — забормотал он, задыхаясь. — Много костей, очень много!

— Ну и чё, костей мы не видали, что ли, чува-ак? — недовольно оборвал его Аспирин. Профессор смерил его убийственным взглядом и закончил:

— Это кости сталкеров. Там, на костях, остатки снаряжения. Оружие валяется. Ржавое.

— И много их?

— Не знаю, может, пять, может, восемь... Может, даже больше. Я не считал...

— Ни фиги себе... Группировка какая-то, что ли? — предположил Соболев.

— Нет, они в разное время там — у некоторых поновее выглядит одежда. Они все там прямо на тропе погибли... Или не там, может, кто-то их сволок туда.

— Прямо под обрывом?

— Не, подальше... вам их просто из-за труб и кустарника не очень хорошо видно.

Теперь я понял, что мусор под крапивой и борщевиком был как раз останками незадачливых сталкеров, пошедших по дну оврага.

— Может, пошарить? — нерешительно предположил Аспирин. — Найдем чего...

Предложение осталось без ответа. Мародерничать в Зоне не грешно, мертвому не надо — живому пригодится, и никакой там этики-эстетики... Но лезть в эту братскую могилу никто не решился бы, Аспирин так, для порядка, высказался.

Я смотрел на блестящие трубы, и мне совсем не хотелось по ним идти. Очень не хотелось. Или мне не хотелось идти вниз? Я сделал шаг к спуску, откуда недавно вытащили профессора. Еще один — и меня аж всего передернуло. Я отпрыгнул назад и спросил у Аспирина:

— Ничего не чувствуешь?

Аспирин все понял и тоже сделал шаг туда. Отскочил он еще быстрее меня и замотал башкой, как лошадь, которая мордой ткнулась в паутину.

— Не-не-не, — Аспирин ошалело смотрел в овраг, — не-не, туда никак нельзя, чува-ак!

— Не хочешь пошарить?

— Пошел ты... — буркнул Аспирин вяло.

Пауль достал из кармана пригоршню ржавых гаек.

— Ну что, пробуем? — спросил у меня. Я молча кивнул.

Первые две гайки легли без затей. Мы стали осторожно пробираться по трубам. Продвинулись метров на пять вперед, Пауль снова бросил гайки, которые спокойно легли на трубы. И тут мы увидели мертвецов там, внизу.

Мы замерли, разглядывая картинку на дне оврага. Сталкерских трупов там было семь.

— Идиот! — прошипел профессор. Видимо, это он сказал себе, но вполне мог адресовать и мне. Причем заслуженно.

Мертвые сталкеры валялись в таких позах, что не оставалось сомнений — все они навернулись на дно оврага с высоты. С высоты труб, на которых мы сейчас стояли. Живыми они падали или же нет, не понять, ну да оно и не столь важно... Причем братва не просто навернулась, а попала при этом в хорошенечкую переделку — одежда была практически целой, разве что степень обветшалости от лежания на свежем воздухе разная. А вот на костях ничего не осталось. Такие чистенькие скелеты, наряженные в сталкерское обмундирование.

Мы стояли, замерев, и осознавали, какие мы идиоты, до тех пор, пока шедший последним Аспирин не выматерился, не нашел в кармане гайку и не бросил назад. И точно — обратная дорога была нам заказана. Гайка отскочила от воздуха, словно от стеклянной стенки. Нас словно пропустили на трубы и закрыли ворота.

Впереди была такая же фигня, в чем мы убедились, когда Пауль бросил еще одну гайку. И здесь закрылось. Гайки, которые бросил Пауль раньше, остались по ту сторону «стены». Нам на все про все отпущен был отрезок труб длиной метров шесть.

Вариантов никаких не было. В принципе, даже если бы мы поперлись по дну оврага, не гарантировано, что эта дрянь не поймала бы нас там... Понятно же, что не все сталкеры такие тупые, чтоб как в том анекдоте: «Летит стая воробьев, впереди — скала. Бум, бум, бум, бум, бум...». Нет, наверняка кто-то пытался и по дну пролезть. И лежит там. А кто-то, может, просидел здесь черт знает сколько, да и сам сбросился, чтоб не подохнуть от голода и жажды между двумя страшными аномалиями... Хотя вряд ли. Сталкеры не из таких. Спрыгнул, может, чтобы попробовать пройти по дну — вдруг там не перекрыто?

А может, эта хрень ночью движется? Сойдутся на нас с двух сторон... Тьфу ты, жуть какая в башку лезет... И, похоже, не мне одному — лица были унылые, Соболев корябал что-то на листочке, я заглянул через плечо — во дела, он сам с собой в крестики-нолики рубился. Профессор потянул меня за рукав.

— Оно... Оно может исчезнуть? — спросил он дрожащим голосом.

— Я не знаю, что это такое, — ответил я. — Пока нам остается только сидеть и ждать.

Мы и сидели. Сидели на трубах уже часа четыре, изредка меняя положение — задница болела, теплоизоляция — это все ж не поролон. Аспирин пару раз предлагал пожрать: раз уж мы все равно пропадем, зачем и жратве пропадать? Но никто не захотел, да и сам Аспирин спрашивал скорее для проформы. А вот флягу с горючим мы передали по кругу несколько раз, пока она не опустела. Теперь я волновался, как бы кто не свалился, хотя не один ли хрен, каким именно образом сдохнуть. Пауль сидел спиной к нам, как шел первым, так и сел, и тупо кидал гайки в аномалию. Я даже говорить ничего не стал — на кой нам эти гайки теперь, недолго нам осталось. Даже тоже спиной к нему повернулся демонстративно — мол, дело твое, каждый развлекается как хочет...

Профессор выглядел совершенно убитым. Еще бы: драгоценный приборчик сработал как надо, в клетке сидели вожаемые бюреры (они тоже утихли, видать, поняли, что дело плохо и нас лучше не злить), и на финишном, можно сказать, этапе угодить в такую задницу! Я его понимал, но не жалел. Зона есть Зона. Влез — отвечай за такую смелость.

Передо мной вовсе не проносилась вся моя жизнь, как о том пишут в книгах. Я почему-то вспоминал, кто мне сколько должен и кому сколько должен я, горевал, что маме так и не написал, хотя собирался... И тут Пауль вдруг радостно завопил:

— Есть! Ура, есть! Мы в шоколаде, парни!

Мы повернули к Паулю все те же унылые лица. Вяло поинтересовались: — Чё?

— Она пропадает!

— В смысле?!

— Она пропадает на несколько секунд через равные промежутки времени!

Мы недоверчиво уставились на Пауля, который пытался нам втолковать, что количество трупов внизу не обязательно увеличится за наш счет...

— Гайки еще остались? — спросил я.

— Есть чуток.

— Так. Кидай, раз ты уже прикинул малость промежутки, а я буду фиксировать время.

Пауль снова принялся кидать, я засекал по часам. Получалось, что через каждые одиннадцать минут с мелочью преграда пропадала на семь-восемь секунд. На определение размеров окна ушли почти все наличные болты и гайки, но в итоге вышло, что по трубе можно пройти свободно. Не хотелось думать, что случится, если окно закроется в тот момент, когда кто-то будет через него проходить.

— Кто первый? — поинтересовался Соболев, когда мы окончательно все рассчитали и пошла очередная одиннадцатиминутка.

— Кинем жребий? — предложил я.

— Хрен с ним, пусть идет вон прохвессор, — сказал Аспирин. Петраков-Доброголовин востепенулся.

— Вы... Вы проверить на мне хотите, да?!

— Ты чё, чува-ак?! — обиделся Аспирин. — Какой, на хрен, проверить?! Вот же гад, а. Я его, значит, вперед пропускаю...

— А не надо меня пропускать! Не надо! — взвился профессор. — Сами идите! Гайка — это гайка, а человек — это человек! Эти вон, — он ткнул пальцем в овраг, — они что, дураки? Они тоже, наверно, тут сидели и кидали!

— Я не понял, ты чё, не идешь, короче? — спросил Аспирин. — Ну ладно. Вы не против, чуваки?

— Давай, брат, — сказал Соболев.

Аспирин поправил амуницию и бодро пошел к преграде. Он остановился в полуметре от места, где она начиналась, и крикнул, не оборачиваясь:

— Командуйте, когда идти!

Я смотрел на часы. Черт, а если я ошибся? А если всё-таки не через равные промежутки? И в самом деле, неужели это одни мы такие умные, а перед нами никто не догадался простучать стенку?

— Марш! — заорал я, когда стрелка подбежала к нужной циферке. Аспирин качнулся вперед и... спокойно прошел дальше. Он сделал несколько шагов, поскользнулся на трубе, едва не навернулся вниз, но удержался и радостно завопил:

— Ура! Сработало!

— Давай на тот край и сиди там тихо! — крикнул я в ответ.

Пошла вторая одиннадцатиминутка. Проскакивать по двое мы не решились, стало быть, сидеть тут на трубах — особенно последнему — придется еще довольно долго. Аспирин тем временем уже освоился на той стороне оврага, выбрал место посуше и что-то жрал из пакетика, иногда делая нам подбадривающие знаки.

Вторым пошел Соболев. Он прошел через открывшуюся дыру спокойно, так же спокойно прошел до конца, сел рядом с Аспирином и закурил.

— Давай-ка теперь ты с грузом, — сказал я Паулю, когда стала приближаться очередная менопауза. Тот поднял клетку с похрюкивающими бюрерами, подошел поближе.

— Нормал?! — спросил он.

— Еще чуток давай, сантиметров двадцать.

Пауль мелкими шажками продвинулся.

— О'кей. Та-ак... Марш!!!

И тут случилось непредвиденное. Развязавшийся шнурок с Паулева ботинка зацепился за кусок проволоки, торчавший из утеплителя, и Пауль застрял. Он дрыгал ногой, не понимая, видимо, что его держит, а с обеих сторон на него орали вразнобой:

— Назад! Назад! Дергай сильнее! Клетку брось!

Пауль клетку не бросал, дергался, потом рванулся изо всех сил и, оборвав шнурок, проскочил вперед. На моих глазах холодно вспыхнувшая пустота отсекла, словно скальпелем, резиновую рукоять клетки и кусок приклада Паулева «Калашникова», с глухим стуком упавшие на утеплитель, отскочившие и полетевшие вниз, к трупам.

Пауль добежал до противоположного конца, опасно балансируя, и повалился ничком, буквально врезавшись в землю. Клетка отлетела в сторону, бюеры мерзко заверещали.

— Боже... — просипел профессор.

Рожа у Петракова-Доброголовина была синяя, словно у полежавшего мертвеца, и я прикинул, что, если его хватит удар, придется его попросту оставить здесь. Но профессор успокоился. Он потер ладонями пухлые щеки и сказал слегка дрожащим голосом:

— Сейчас, конечно, пойдете вы?

— Почему?

— У меня нет часов. Вы можете оставить меня здесь, и я даже не буду знать, когда откроется проход.

— Вы параноик, профессор. Зачем мне это? — удивился я.

— Не знаю... Просто... удобный случай.

— Нет, вы не параноик. Вы опасный злодей, человеконенавистник, — сказал я, улыбаясь. — Потому идите первым, а я уж подожду. К тому же вы мне должны заплатить по возвращении, с какой стати мне вас умерщвлять?

— Действительно, — замигал профессор. — Об этом я как-то забыл.

— Зато я как-то помню, — уверил я, посмотрел на часы и отправил профессора по трубе.

Когда все оказались в безопасности, если это слово вообще хоть как-то применимо к условиям Зоны, Аспирин предложил выпить за чудесное спасение:

— Как там батюшка говорил? Принимай и утешай душу твою, ибо в аде нельзя найти утех. Вот и примем по соточке.

— Он не то имел в виду, — вяло возразил я, но по соточке мы всё-таки приняли, и не могу не сказать, что Аспирин выдвинул идею весьма к месту. Огорчало лишь то, что полезный напиток заканчивался: что-то слишком уж частенько мы утешали душу свою.

Потом я осмотрелся. Овраг уже не пугал, даже мертвые трупы на дне, трубы снова уходили в землю, а глинистая дорога продолжалась, как ни в чем не бывало. Недалеко впереди, над деревьями, маячила ржавая верхушка старой водонапорной башни.

Это был тот самый ориентир, о котором я говорил в прошлый раз Петракову-Доброголовину. Знал я эту башню — унылую, всю в коррозионных потеках, похожую на противотанковую гранату. Вот только не мог понять, как мы сюда вышли.

Может, эта пропускалка на трубе кусок пространства в самом деле съедает?

Я помотал головой — ладно, об этом на досуге можно порассуждать, когда и если вернемся. А водонапорная башня — вот она, никуда не делась, и пусть вокруг нее малоприятные места, зато более-менее знакомые. И мы, в конце концов, идем домой.

Я повернулся, еще раз посмотрел на башню и увидел самолет.

Глава четырнадцатая. Гребаный «Ильюшин»

Лейтенант Альтобелли проснулся, потому что ожил вживленный в один из клыков зуммер. Зная, что это слишком жестокий способ пробуждения, Альтобелли понял, что произошло нечто экстраординарное, и сразу же позвонил в комендатуру.

— Альтобелли?

Вместо симпатичного контральто секретарши Марийки в мембране захрюкал капитан Кассий Колхаун.

— Так точно, лейтенант Альтобелли.

— Капитан Колхаун на связи.

— Рад вас слышать, капитан, — сказал Альтобелли. — Как ваша пуля?

— Идите к черту, лейтенант! — привычно взорвалось начальство. — Вы всегда тупо шутите спросонья?

— Я всегда остро шучу, — сказал лейтенант. — Я спал после дежурства. Что произошло?

— То, чего вы ни за что не захотели бы услышать. В Зоне упал пассажирский самолет. Лейтенант Альтобелли вздохнул и потянулся к передней ножке кровати. Там всегда стояла пластиковая бутылка с водой. Он сделал пару глотков, не слушая беснующегося в трубке капитана Колхауна, и спросил:

— Что за самолет?

— Чем вы там булькаете?! Виски?! Самолет — пассажирский авиалайнер, гребанный «Ильюшин». Какая-то местная авиакомпания. Чартерный рейс, что ли. Носят же их черти...

— Число пассажиров?

— Согласно регистрации — сто двадцать три, среди них двенадцать детей.

Лейтенант Альтобелли сделал еще несколько глотков из пластиковой бутылки.

— Точка падения?

— Лейтенант, вы с ума сошли? Это — Зона. Радары врут. Все врет. Где-то внутри, может быть, наши определяют место с точностью плюс-минус десяток километров. Может быть. Но не факт. Даже информация со спутника в случае Зоны может поступить искаженной. Если бы все было так просто, мы бы с вами тут на Периметре не маялись.

Уж ты намаялся, сердито подумал лейтенант и поинтересовался:

— Но как их туда занесло? Полеты же запрещены!

— Это могут рассказать только пилоты, если они живы. И если мы их увидим. Возможно, черные ящики. Если мы их найдем. На самом деле я надеюсь, что найдем, потому что они успели доложить о вынужденной посадке. То бишь самолет как минимум не взорвался прямо в воздухе.

— А после посадки на связь они выходили? — уточнил Альтобелли.

— Нет, — признал Колхаун.

— Тогда самолет мог взорваться прямо на земле.

Оба помолчали, за это время лейтенант Альтобелли допил свои гидрозапасы.

— И что теперь делать? — спросил лейтенант у тишины в трубке.

— Экстренно выводить в Зону розыскную группу. Вы — старший, — сказал капитан Колхаун с неожиданным сочувствием в голосе. — Сами понимаете, иных вариантов нет. У вас буквально минуты на сборы. Затем и вызывали.

— Капитан... Вы понимаете, что это означает?

— Понимаю. Вас высадут как можно ближе к месту, дальше придется двигаться пешком. Теоретически можете взять транспортеры на воздушной подушке...

— Нет, — мрачно сказал лейтенант. — Я помню, как погиб взвод Сигурдссона.

Взвод Сигурдссона, в порядке эксперимента выдвинувшийся в Зону на пресловутых транспортерах, погиб очень неприятно, поэтому капитан Колхаун помолчал.

— Вот, вы сами все понимаете, лейтенант, — сказал он. — Значит, пешая группа идет в Зону, ищет точку падения аэробуса, после чего ведет уцелевших пассажиров обратно к Периметру.

— Именно так, — сказал Альтобелли. — Плюс — снятие всех превентивных программ по закрытию Зоны.

— Видите ли, лейтенант, — осторожно начал Колхаун, — такие вещи контролируются международным сообществом, и я не имею полномочий...

— То есть мы идем под ковровые бомбардировки?! — прямо спросил лейтенант Альтобелли.

— Я сделаю все, что в моих силах. Но в моих силах не столь уж много, — помолчав, сказал капитан. — Паузу — сделаю. Но это если вы собираетесь выдвинуться экстренно. Можно все отложить, я похлопочу... В любом случае откроем окно. Дадим вам график.

— А люди в Зоне? Обычные люди, которые смотрели о ней лишь фильмы ужасов по телевидению?!

Колхаун молчал так долго, что Альтобелли подумал о разрыве связи.

— Есть же окна, — повторил наконец капитан. — Это секретная информация, но окна есть. Вы сами в курсе, лейтенант. А к вашему возвращению, вполне возможно, превентивные

меры вообще временно прекратим. Хотя, по секрету, кое-кто наверху настаивает на их усилении.

— Еще один вопрос, господин капитан... Могу ли я привлекать к сотрудничеству сталкеров?

— Их же в любом случае нет сейчас в Зоне. Иначе зачем вообще было затевать эту операцию с перекрытием Периметра? А искать кого-то экстренным образом нет времени, да и незачем. Опять же попросят денег, а у нас в бюджете такой графы не предусмотрено. К тому же с вами полетят военные сталкеры. Вы знаете, что думают наверху о контактах с незаконными группировками.

— Они всегда там есть, сталкеры, — сказал Альтобелли, покачивая головой, словно капитан мог его увидеть. — В Зоне, я имею в виду. А операцию по перекрытию Периметра я всегда считал бредом и никогда этого не скрывал. Что до военных сталкеров, то вы же знаете — туда чаще всего идут те, кто не состоялся как сталкер обычный... Или кого обычные сталкеры из своих рядов по различным причинам изгнали.

— Послушайте, Альтобелли, — капитан говорил примирительным тоном, но Альтобелли очень ярко представлял себе, как Колхаун подскакивает в кресле за своим столом, — давайте оставим обсуждение решений, на принятие которых мы в любом случае не можем влиять. Я сам не восторге от всего этого, но... — Колхаун помолчал. — Но давайте займемся упавшим самолетом.

— Я уже собираюсь.

— Отлично. Машина зайдет за вами через... — видимо, Колхаун сверился с часами, — через восемь-десять минут.

Альтобелли поторчал в тесной ванной, пытаясь выдавить из себя хоть каплю мочи, но у него не получилось. Организм отказывался исполнять свои функции в экстренном порядке. Очень плохо для военного, подумал лейтенант, хотя какой я военный? Полицейский, в чем-то даже каратель...

На минуту ему представился самолет, упавший в сердце Зоны. Скорее всего никого мы не спасем, с тоской подумал Альтобелли, даже если доберемся до места падения. Это же гражданские, даже если выживут после аварии — что они смогут среди мутантов, среди аномалий, да просто без арадиатина и защитной амуниции? Прятаться в самолете, если фюзеляж худо-бедно уцелеет, смысла нет — придет кто-нибудь из тварей покрупнее и раздерет его на части. Выходить — и подавно, вокруг совершенно непривычный мир, убивающий на каждом шагу и каждую секунду.

Лейтенант открыл кран, начавший остервенело плевать коричневой ржавой водой.

Какого черта мы тут делаем?

Город умирает. Миллионы тратим на боеприпасы, а водопровод еще со времен Советского Союза. Сама идея оцепления Зоны и охраны от нее внешнего мира (или ее от него?!) тоже умирает. Все эти судорожные подергивания типа никчемных обстрелов, рейдов... Отмывание денег в международных масштабах. Открыть к чертовой матери Периметр, поставить официальные посты — тащите, что хотите, все равно ведь тащите. Платите налоги и подати — все равно ведь платите тем же военным. По крайней мере не нужно будет стрелять друг в друга.

Нет, никогда это не кончится. Словно черви в дерьме, подумал лейтенант и завинтил кран, побрызгав в лицо так и не очистившейся водой. Бриться он не стал, быстро оделся, прямо из горлышка хлебнул коньяка — какой-то местный сорт, отдающий перегоревшими опилками, скорее всего поддельный.

В коридоре встретился лейтенант Голованов, собиравшийся в патруль. Хороший русский парень, очень добросердечный и непонятно как сюда попавший. Хороших людей в комендатуре можно было пересчитать по пальцам. Причем по пальцам одной руки.

— Что случилось? — спросил он.

— Выдернули... — неопределенно ответил Альтобелли.

— Удачи, — пожелал Голованов. — Может, завтра в боулинг? Свежее пиво обещали привезти к тому же.

— Посмотрим, — пожал плечами Альтобелли. — Смотря как вернусь.

Автомобиль уже подъехал — не «хаммер», а грузовичок местной сборки. Правильно, до аэродрома ехать с четверть часа максимум, любой транспорт сгодится. В кузове уже сидели серые фигуры солдат. Альтобелли запрыгнул к ним, уперевшись ногой в полусдутый баллон, и утвердился на скамье, сразу завалившись на соседа, когда грузовичок резво тронулся с места.

— Что там случилось? — спросил Грязнов. Лейтенант пригляделся — да, в его распоряжение дали местных. Что в принципе и к лучшему: через одного были в глубине Зоны, люди непростые, но достаточно надежные.

— Пассажирский самолет упал в Зоне, — сказал лейтенант. Кто-то присвистнул, другой голос матюкнулся.

— А от нас-то что надо? Кишки смотать с кустов?

— Вывести уцелевших, вынести черные ящики.

— Они там совсем охренели? Это же спецоперацию надо устраивать, а не вот так посылать взвод... — пробормотал пыхтящий вонючим папиросным дымом солдат, в котором Альтобелли узнал Сушинского, завсегдатая гауптвахты при комендатуре. — Да и не взвод тут даже.

— Вот что, — сказал Альтобелли. — Я полагаю, никто к такому не был готов. То есть в комендатуре попросту нет плана действий на случай падения самолета на территории Зоны. Много чего есть, а этого — нет. Потому что пролеты над Зоной закрыты, и не предполагалось, что туда упадет гражданская машина.

— Кто бы сомневался. — Сушинский с треском затянулся своей папиросой.

— Бросить туда, например, вертолеты — сами понимаете, никто на это не решится. Мне предлагали транспортеры на воздушных подушках.

— Пусть они на них срать ездят, — резюмировал Грязнов.

— Потому мы пойдем пешком, — как бы подтверждая слова Грязнова, закончил Альтобелли. — Ненадолго открыв проход.

— Ладно, может, золотишка с трупов наберем, — не стесняясь лейтенанта, произнес кто-то из солдат. Альтобелли стиснул зубы и закрыл глаза.

Вертолеты уже ждали, уныло повесив длинные лопасти винтов. Завидев подъехавшие машины, вертолетчики начали заводить двигатели. Два вертолета. Человек двадцать, стало быть... Альтобелли отметил, что во вторую машину грузятся военные медики — капитан Блайд по кличке Капитан Блад и пара фельдшеров. Интересно, на что они надеются?

Инстинктивно пригнувшись, чтобы свистящие лопасти не снесли голову, Альтобелли залез в воняющее маслом и резиной нутро вертолета, сел на скамью и прикинул, куда их выбросят.

Только сейчас он вспомнил о том, как загадочно выглядел во время их последней встречи черномазый Упырь.

Нужно было проверить, куда он делся.

А если он в Зоне?!

Но тут запищала рация, и Альтобелли услышал голос капитана Колхауна:

— Скоро открываем окно. Постарайтесь успеть, лейтенант. Слушайте время прохода и приблизительные координаты падения самолета...

Глава пятнадцатая. Точка падения

Это был огромный аэробус — старая машина, которые давно уже не использовались серьезными европейскими авиакомпаниями, но всю — украинскими. Откуда он тут взялся? Самолеты над Зоной не летали вообще — себе дороже, иная аномалия стукнет и на десяти километрах, никогда не знаешь, чего от них ожидать... Поэтому все воздушные трассы над территорией Зоны упразднили. И вот — пассажирский самолет...

Хотя было видно, что летит он как-то дергано, нелепо, оставляя за собой хвост черного дыма. Видимо, в воздушное пространство Зоны аэробус вошел поневоле — что-то с управлением, к примеру...

— Смотрите — самолет! — сказал Аспирин.

Мы стояли и таращились в небо, пока огромная машина не легла на вершины деревьев и со страшным треском не обрушилась в лес. Взрыва не было, садился аэробус полого, а значит, там вполне мог кто-нибудь выжить.

— Быстро туда! — заорал я.

— А как же... — вякнул профессор, но я не стал его слушать, да и никто не стал. Самолет в Зоне — это ЧП. Это люди. Возможно, пять сотен людей. Это женщины и дети, черт бы их побрал. И на моем месте любой, даже многие из Тёмных, бросились бы их спасать. Есть вещи, которые неподконтрольны даже нашим внутренним законам и правилам. У пассажиров нет спецодежды, обуви, оружия. У них ничего нет, даже надежды. А если авиалайнер шлепнулся в мощный гравиконцентрат. У них вообще ничего нет. Их самих и то нет... Но это можно узнать только на месте.

Поэтому мы все пошли в направлении падения аэробуса — курс на ладонь правее водонапорной башни. И вышли к нему довольно скоро, через часок-полтора, миновав парочку довольно банальных ловушек вроде хищно потрескивающей «мясорубки», которую первым заметил, как ни странно, профессор Петраков-Доброголовин.

— Но наше задание... Как же мы... — бормотал он, топая вслед за мной. Многому научился жиртрест — шел исправно, след в след. Но ума не прибавил. Он мне снова перестал нравиться.

— Закрой рот, — сказал я ему.

— Зачем нам эти люди?! Мы ведь усложняем... — успел брякнуть он, и я ударил прикладом назад. Попал в грудину. Петраков-Доброголовин заперхал, задохнулся и быстро понял, что спорит с Упырем в таких ситуациях не стоит. Хемуль его совсем пристрелил бы, но Хемуль — он сумасшедший, а я пока нормальный. Пока. Или мне так кажется.

Самолет величаво лежал среди исковерканных деревьев. Что то в нем искрило, что-то — горело, но в целом нельзя было сказать, что машина так уж сильно пострадала. Я однажды был на месте падения армейского транспортного самолета, так там мясо лопатами выскребали из погнутых кусков фюзеляжа.

Где же люди? Мне, если честно, лезть внутрь совсем не светило, и похоже, мои товарищи были того же мнения. Мы осторожно обогнули корпус и увидели, что дверь открыта и из неё свисает полусдувшийся аварийный трап веселенькой жевто-блакитной расцветки.

Рядом с трапом никого не было. Мы замерли и прислушались. Неподалеку за деревьями явственно слышался какой шум. Я решительно двинулся в ту сторону, остальные молча по тянулись за мной.

Пассажиры аэробуса толклись на полянке, нас пока не замечая. Кто-то сидел на корточках, обхватив голову, и легонько раскачивался. Кто-то просто сидел на земле, прислонившись к дереву. Два или три человека лежали, над ними сутились женщины, одна из которых была в летной форме. Видать, стюардесса. Какая-то девица лет двадцати пяти, с пышной гривой золотистых волос, истерично рыдая, рвалась обратно в самолет. Её еле удерживала вторая стюардесса. На стюардессе и на самой лица не было, но она пыталась вразумить истеричку:

— Туда нельзя, понимаете? В любой момент баки с горючим могут взорваться. Да поймите же вы наконец, туда нельзя!

Девица явно не слышала ни слова, она молотила по плечу стюардессы одной рукой, а второй тащила за собой ребенка — маленькую девочку лет пяти-семи. Девочка отчаянно редела.

Навскидку здесь было человек двадцать пять-тридцать. Немного для такого крупного самолета. Но и немало, если учесть обстоятельства. Ох как немало. Я даже слегка опешил. Трупы, очевидно, остались внутри лайнера. И верно: кому нужно возиться с мертвыми

телами, если вокруг полно еще живых тел. До меня снова донесся голос стюардессы, которая, уже срываясь, крикнула:

— Да нет там никого живого, поймите же!

В этот момент Соболев широким шагом пересек поляну и влепил истеричке пощечину. Та сразу заткнулась и уставилась на него ошалевшими глазами.

— Ложись, дура. Сейчас будет взрыв, — спокойно сказал Соболев, — и ребенка своим телом прикрой. Или ты не мать ей?

— Мать... — просипела девица, — а вы... вы кто такой?!

И отступила, притянув к себе девочку, которая уже не в силах была реветь, а только непрерывно всхлипывала, вздрагивая всем телом.

Тут-то только на нас и обратили внимание. Кто-то радостно завопил, женщины заплакали, не иначе как от счастья. Еще бы — люди в спецкостюмах, с оружием. Кто, как не долгожданные спасатели?!

— Американцы! Американцы! — закричал кто-то. Понятное дело, негр с автоматом — кто ж еще, как не американец. Тем более на территории Украины.

Я их сразу обломал, сказавши:

— Господа и товарищи, не радуйтесь. Мы не американцы. И мы не спасатели.

— Как же так? — спросила стюардесса с тихим отчаянием. — Понимаете, нам необходима помощь...

— Мы не спасатели, — терпеливо повторил я. — И все мы находимся на территории так называемой Зоны, и еще не факт, что вам повезло. Смерть от декомпрессии куда лучше смерти от «мясорубки» или «карусели»...

— Я не понял, — сказал тощий субъект в дорогом с виду костюме. — Мы где? Что за карусели и мясорубки?

— Зона, — устало объяснил я. — Это такое место, где лучше не появляться без огромного багажа определенных знаний. А лучше вообще никогда не появляться.

— Кажется, понял, — сказал тощий. — А карусели...

— Это такие аномалии. Смертельно опасные.

В этот момент отступавшая в сторонку истеричная блондинка отпустила девочку и вдруг рванула в сторону самолета. Но Соболев был начеку. Он спокойно поднял ружье и выстрелил в воздух почти над ухом блондинки. Та ничком рухнула на траву. Пассажиры сбились в кучу и уставились на нас с ужасом. Какая-то тетка прижала к себе дочку блондинки.

— Никто. Никуда. Не двигается, — сказал я с нажимом.

В толпе прозвучал шепоток: «Террористы». Я с интересом посмотрел на этих испуганных людей и с некоторой долей жалости подумал, что еще неизвестно, что в их ситуации было бы лучше... То спасатели, то — террористы. Хочется подогнать все под привычные рамки, ясное дело. В Зону верить не решаются.

Я обратился к тощему, поскольку раньше вел разговор с ним:

— Что у вас случилось?

— Авария, — сказал тощий. — Вон у стюардессы спросите, может, она объяснит подробнее.

— Ладно, после разберемся. А теперь вопрос на засыпку: кто из вас самый богатый?

Пассажиры переглянулись. Вперед вышел низенький бородатый человек семитской внешности.

— Видимо, я, — сказал он с крайне виноватым видом.

— И чьих вы будете? — осведомился я, припомнив кинематографические курсы.

— Как это — чьих?! — возмутился бородатенький. — Я — исполнительный директор ООО «Трансеврогаз» Марк Бернштейн!

— Отлично, — сказал я. — Вы хотите жить?

— Да, — кратко ответил бородатенький.

— Стало быть, вы оплачиваете мои услуги по спасению вас отсюда. Вас и всех этих людей. — Я обвел рукой притихших пассажиров.

— Всех?! — возмутился бородатенький. — Но я их даже не знаю! Я не намерен...

Тут же он заткнулся, потому что стоявший рядом молодой человек стукнул его по морде. Ну, не то чтобы прямо стукнул — скорее, пощечину дал. Сопротивляться Бернштейн не решился.

— Мародеры! — выкрикнул чей-то голос, вроде женский. — Террористы!

Я усмехнулся про себя. Ладно, так даже проще. Хотя нет, видя в нас угрозу, начнут при первой же возможности драпать в сторону, угодят тут же в неприятности. В смертельные неприятности... Я задумался. Как же вам доказать, дуралеи, что ваши дела хуже некуда?... На краю поляны я уже давно усмотрел на кусте «жгучий пух», Соболь углядел его тоже. Собственно, блондинка как раз бежала напрямиком на него. Так что дура должна Соболю как минимум если не за спасение жизни, то за спасение смазливой мордахи уж точно. Эх, надо было ей дать вляпаться, тогда все бы сразу поняли на живом-то примере... Тут взгляд мой упал на продолжавшую тихо и горько плакать девочку, и я отогнал дурные мысли. Сделал Соболю знак — он поднял дуру, но от себя не отпустил, крепко держал за руку. Так. А где наш дорогой профессор? Я оглянулся и поманил его пальцем.

— Вот это, господа, самый настоящий ученый-профессор. Пусть он вам и объяснит всю аховость вашего положения.

Петраков-Доброголовин вышел вперед и откашлялся. На террориста он уж никак не был похож.

— Я понимаю, что вы напуганы, — начал он, — но уверяю вас, вы будете напуганы куда больше, если осознаете, куда приземлился ваш самолет. Наверняка почти все из вас хоть раз в жизни слышали про так называемую Зону. Так вот... — профессор еще раз откашлялся, — к сожалению, все, что вы слышали, — сильно преуменьшено по сравнению с реальным положением вещей.

— Вы нам лжете! — крикнули из толпы.

— К сожалению, нет, — тихо сказала одна из стюардесс и вышла вперед. Она повернулась к пассажирам и продолжила: — Наш самолет действительно упал в закрытую Зону, над которой запрещены полеты любого авиатранспорта, включая вертолеты... и военные вертолеты.

— То есть как? Никто не прилетит нас спасти??? — не понял Бернштейн. Я пристально посмотрел на него. Надо же, есть еще на Земле люди, которые интересуются только размером своего кошелька. Ну что ж, такого и не жалко наказать за нелюбопытство. Заплатит, так сказать, за расширение кругозора. Я терпеливо продолжил объяснения Петракова-Доброголовина:

— Здесь не работают никакие радиоприборы, если вы еще не заметили, и многая техника выходит из строя. Возможно, именно это и произошло с вашим самолетом. Выбраться отсюда вы можете только с проводниками. Но гарантировать, что выжить смогут все, не возьмется ни один человек в мире. И даже сам господь бог вам бы не рискнул гарантировать жизнь в подобной ситуации. Если вы останетесь рядом с самолетом, то погибнете от зубов мутантов, которые не побрезгуют съесть вас живьем. Если пойдете сейчас с нами, шансы выжить несколько увеличиваются. Но это в том случае, если вы будете слушать наши команды и подчиняться с первого слова. Иначе вас переломает на части и ловушке под названием «трамплин» или перекрутит насмерть «карусель». Или... да мало ли здесь удовольствий. Если вы еще не поняли — мы в противорадиационных костюмах. Все ясно? Так что решайте. Команда спасателей, даже если таковая отправлена из-за Периметра, может никогда не добраться до этих мест. Особенно сейчас.

— Почему особенно сейчас?

— Потому что сейчас вышли из строя даже те немногие навигаторы, которые ранее работали в Зоне. Вам вообще крупно повезло, что мы совершенно случайно оказались рядом и еще более случайно заметили вашу аварию.

— Чего же мы медлим?! — Бернштейн взволнованно прижал руки к груди. Денег он, видимо, уже не жалел.

— Я ничего не делаю даром, — сказал я. — Вы платите. Я вывожу всех. У нас контракт.

— Хорошо, — смирился бородатенький, утирая кровь с губ. — Думаю, это мы уладим.

— Вот и не мороси, — посоветовал ему Пауль.

— Да-да. Видите, уже лучше.

— Господа потерпевшие, вы все свидетели, — сказал я. Господа потерпевшие закивали. — Есть среди вас кадровые военные, сотрудники спецслужб, наконец, просто бывшие офицеры?

Я ожидал, что парень, стукнувший Бернштейна, выйдет вперед. Но нет. Вперед вышли толстая тетка лет сорока пяти, щедедушный пацанчик и старый дед лет девяноста с виду.

— Отлично, — сказал я, не теряя присутствия духа (а что мне еще оставалось?!). — А летчики?

— Летчики погибли, — сказал щедедушный. — Бортмеханик только, кажется, остался, но он ранен и без сознания.

— Стюардессы?

Вышли те две девчонки в форме. Достаточно было глянуть на них, чтобы понять, что сейчас проку от них куда меньше, чем хлопот. Оно и понятно: одно дело наливать шампанское, и совсем другое — вспоминать навыки выживания после катастрофы, которые они явно учили на своих курсах спустя рукава. Я махнул рукой — идите, мол. Девчонки радостно сдвинулись на второй план.

— Та-ак... Бывает... Вот вы — кто будете?

Толстая тетка приободрилась.

— Капитан милиции Ольга Заяц, — сказала она. — МВД Украины.

— Детская комната милиции? — уточнил я.

— Нет, — обиделась Заяц. — Я — оперативный работник.

— А вы, — спросил я щедедушного. Тот, откашлявшись, скромно произнес:

— Снайпер. Особый отряд спецназа «Сокол», ФСБ России. лейтенант Воскобойников.

— Черт... — пробормотал я. — Снайпер — это вроде и неплохо, но ситуация не совсем та... Ладно, пусть будет снайпер. А вы, дедушка?

— Дубов, — сказал дед. — А ты кто, твою мать?

— Можете меня называть Константином.

— Длинно очень, не заработал еще, — рявкнул дед. — Константи-ин... Кончай вымахиваться, боец, объясняй давай, что нам светит и когда мы все сдохнем. Я примерно понимаю, куда нас занесло, но хочу узнать все точно.

— А вы чего раскомандовались?

— Мне положено, — сказал дед. — Я генерал-полковник. В отставке.

— Генерал-полковник чего?! — уточнил я, разинув попервоначалу от неожиданности рот.

— Мотострелковых войск, мать твою так! — рявкнул дед. Меня посетило желание встать по стойке «смирно» и отдать честь, но я его переборол. Более того, я подошел к деду, взял его за локоток и отвел в сторону. Все на нас выжидательно пялились, полагая, что сейчас генерал со мной проконсультируется, и с неба спустятся призванные его спасти вертолеты.

— И что будешь мне бухтеть, партизан черножопый? — осведомился старикан.

— Товарищ генерал... — сказал я необидчиво. — Вы знаете Зону?

— Ни хера я не знаю вашу сраную Зону! — буркнул дед. — Ты знаешь — ты и vedi... В армии хоть служил?

— Нет, — честно сказал я. — Не служил.

— И правильно! — неожиданно обрадовался дедан. — Не хрен там делать! Это раньше была армия, а теперь — говно! Еще с Мишки Меченого, мать его так. У тебя выпить нет?

Выпить у меня было — неприкосновенный, так сказать, запас, сокрытый от товарищей. Пришлось им пожертвовать. Генерал высосал флягу без особых проблем, сплюнул и сказал:

— Слабовато. Спиртяжки бы настоящего, а это — хохляцкий ректификат... Свиной поить.

— Что будем делать-то, товарищ генерал-полковник? — спросил и, умолчав, что «настоящий» спирт у меня тоже имеется. Я запасливый, не то что Аспирин, который по каждому поводу призывает «прохватить по соточке», а потом начинает бегать в поисках.

— Снимать штаны и бегать! — сказал генерал. — Ты тут главный, не я. Кабы против нас натовские дивизии, я бы... А тут — ты хозяин. Я, конечно, с народцем поговорю, объясню, что и как... Херово, боец, что там дети...

— Их трое всего, — уточнил я.

— Трое! И бабы! И два пидораса из подтанцовки Кири Филлипова, тоже с нами летели, чтоб у них в заднице ракирка выросла... Зверинец, боец! Как ты их поведешь?!

— Не бросать же... К тому же вон тот, Бернштейн, — он все наши услуги в итоге и оплатит.

— Разумно подошел, партизан, — согласился генерал. — Грабь, как говорится, награбленное. — Потом наклонился пониже. — Ты это серьезно?

— Сам не знаю, — признался я. — С одной стороны, своих немного стимулировать. С другой — народ вроде подуспокоился, у нас же привыкли «товар-деньги-товар», а на халяву доверять уже как-то не принято... Так ими командовать легче. Ну, типа я гид-экскурсовод, за все уплотчено.

— Черная башка, а варит, — с уважением сказал генерал. — Ты, психолог, короче, если какие сложности, обращай сразу ко мне. Я их построю и выгребу через одного. А теперь давай собирать манатки и валить отсюда. Не нравится мне здесь. Покойники всегда новых покойников к себе манят.

Мудро, подумал я. Толковый дедан.

— Секундочку, товарищ генерал-полковник. Есть еще одно неотложное дело.

Я вернулся к столпившимся пассажирам, смерил глазами блондинку и поманил профессора:

— Господин профессор, вы видите во-он на том кусте нечто, что вам должно быть хорошо и печально знакомо?

— На каком кусте? — вытянул шею Петраков-Доброголовин. Я показал на куст со «жгучим пухом» и громко сказал:

— А тот, прямо на который бежала вот эта барышня. Объясните-ка, профессор, барышне, да и всем пассажирам, что бы произошло с ней, с ее ребенком, который непременно побежал бы ее догонять, если бы не господин Соболев.

Профессор прищурился, разглядывая куст. Я спросил:

— Узнаете? Это называется «жгучий пух», та самая аномалия, из-за которой вам пришлось ссать себе на руки.

Профессор густо покраснел. Я не унимался:

— Расскажите же пассажирам, профессор. А то они, может, до сих пор думают, что тут курорт и все такое... Сильно жгло?

— Сильно. Невыносимо, — пробормотал профессор и протянул вперед руки, на которых до сих пор виднелись следы ожогов.

— Хотите сами проверить, барышня, нет? — поинтересовался я у блондинки. Она в ужасе отступила и с благодарностью посмотрела на Соболя.

— А теперь обдумайте все вышесказанное и не вздумайте гулять по поляне. Мужчины, со мной.

Я оставил профессора отвечать на вопросы пассажирок, Соболя — присматривать за ними всеми, а сам с остальными двинулся в сторону самолета.

Мы экстренно провели масштабный анализ того, что осталось от аэробуса. Собрали продукты (их оказалось значительно меньше, чем я полагал, — вероятно, в самолетах нынче очень хреново кормят; кое-что добыли, распотрошив багаж, в котором нашли, кстати, кое-что из спиртного), медикаменты, загрузились минеральной водой. Радиационный фон был более-менее сносным, и я прикинул, что в идеале до Периметра уцелевшие пассажиры

доберутся в относительном здравии, хотя потом им лечиться и лечиться. В аптечках, понятное дело, арадиатинов не было.

Вернувшись, мы свалили на поляне весь добытый скарб, и я велел женщинам — тем из них, кто был в туфлях с каблуками-шпильками — переобуться во что угодно другое.

— Но где... — пискнула одна из пассажиров.

— Снимите с трупов, — сухо сказал я. — Тех, кто не переобуется, оставлю здесь. Точно так же рекомендую надеть куртки, джинсы, брюки и тому подобную одежду, которая годится для длительного перехода по пересеченной местности. Никаких мини юбок. Выполнять.

Скуля, пассажирки потянулись собирать одежду. Конечно, не обязательно было снимать ее с трупов — в конце концов, хватило багажа. Но напугать тоже бывает полезно. Не были только стюардессы и, как ни странно, истеричка-блондинка. Она с готовностью направилась к самолету, велев дочке сидеть и ждать ее. Последнее мне очень не понравилось: дети есть дети, не знаю я таких, что слушались бы команд, как сторожевые собаки. Вторая мамаша в растерянности осталась на месте, держа за руку двух пацанов, тоже лет пяти-шести. Я окликнул капитана Заяц:

— Побудьте с детьми, пока мамы подберут им и себе обувь и одежду. Вы — после. Без вас не уйдем, обещаю.

Капитан Заяц серьезно кивнула и занялась этими тремя детьми. Других, к счастью не было.

Мужиков я подрядил собирать носилки для раненых из древесных стволиков, одежды и ремней. Ремни опять же велел снимать с покойников. Неходячих раненых, кстати, оказалось двое. У девушки лет двадцати трех был сломан позвоночник, бортмеханик отделался переломами ноги, но был по-прежнему без сознания. Головой долбанулся, видать.

И дети... слава богу, с выжившими матерями. И точно так же слава богу, что погибшие матери со своими детьми и погибли. Службы психологической помощи у меня не имеется, кто бы самому помог. Детям придется дать арадиатины из наших аптечек, иначе бессмысленно их тащить через Зону, чтоб похоронить вскорости. Главное — сделать это так, чтобы не случилась истерика среди остальных. А то знаем мы это: «Я вам заплачу любые деньги, только дайте мне лекарство...».

Всего оказалось ровно девятнадцать человек. Сначала мне показалось, что их больше. Стюардесса пискнула, что на борту было сто двадцать три, включая экипаж... Что ж, не так уж плохо отделались. Хотя, с другой стороны, какое уж тут везение, раз их занесло в Зону.

Из девятнадцати выживших имелось, как я уже сказал, двое раненых, трое детей и семь женщин, включая стюардесс и капитана Заяц. Плюс двое гомиков. Передвижной цирк Кости Упыря, чтоб он перевернулся...

Не было ничего удивительного, что братья-сталкеры смотрели на меня как на идиота, который слепил из собственного дерьма куколку и самодовольно пускает над ней слюни. Вернее, смотрел Аспирин — Пауля и Соболя вместе с парой пассажиров я отрядил охранять периметр, чтобы никто из мутантов не прибыл на шум в рассуждении, чего бы покушать.

В самом деле, я дебил. Что бы их, выживших пассажиров, тут оставить, а потом прислать тех же военных сталкеров, пусть вытаскивают, как хотят. Все равно же будут искать рано или поздно. Но я чуял, что скоро выброс. Каким местом чуял — даже и не объяснить... А выброс им не пережить. Да и до выброса дожить — тоже надо постараться. Это я тут же подкрепил в своем сознании выстрелом в мелкую псевдоплоть (не нашу подругу), которая учуяла сырое мясо и похотливо кралась за низенькими кустами. Одна радость — пока они тут подъезжают трупы, мы сможем спокойно отойти подальше. Такая свалка еды приманит всех в округе, кто знает толк в свежей человечинке... А уж в не очень свежей — у-у-у!

Я пожалел, что с нами нет попа Дормидонта. В трудные минуты жизни люди тянутся к богу, тем более сейчас это модно. Священник весьма бы пригодился, снял бы часть психологических проблем, да и с выживанием в Зоне у него явно нет особенных сложностей. Вон, грибы даже местные жрал, и то ничего.

Ко мне подошел Аспирин, посмотрел недоверчиво.
— Чува-ак... — протянул он. — Я, конечно, понимаю, человеколюбие и все такое...
Я удивился про себя, что Аспирину известно слово «човеколюбие».
— Так вот, я понимаю, — продолжал он, — но ты... ты чё собираешься с ними делать?
Их же тут куча. Туча.
— Будем выводить, — сказал я. — Все равно домой возвращаемся.
— И как ты их проведешь, чува-ак?! Что скажешь солдатакам? Не стреляйте, это спасательная экспедиция? Да они сканерами зафиксируют, что к Периметру прет толпа каких-то тварей, и накроют внеочередным залпом сверх обычной программы. И все Братская могила. Тебе это надо, чува-ак?!
— Варианты? — коротко спросил я. Аспирин почесал усы.
— Тут оставить.
— Выброс, — покачал я головой.
— Черт... Но как?!
Я пожал плечами.
— Слушай, брат, я не знаю. И надеюсь, что вы мне поможете. Нельзя их бросать. Никак нельзя. Плюс бабки срубим с бородатого.
— Хрен с тобой, — буркнул Аспирин. — Полный офсайт, блин. Бабки он срубит... Подыхать, так рядышком... ненавижу тебя, чува-ак.
С этими словами он ощутимо ударил меня в печень. Я согнулся, постоял так, потом выдохнул, вдохнул, еще выдохнул и велел:
— Объясни им, брат, самые азы. Чтоб хотя бы с тропы не лезли...
Аспирин ушел, а я опустился на колени возле девушки со сломанным позвоночником. Она могла только моргать и шептать, остальное тело не повиновалось.
— Я умру? — спросила она.
— Нет, — соврал я.
— Умру, — с уверенностью сказала девушка. — У меня документы в сумочке... Маме моей позвоните, там номер в электронной книжке, и адрес...
— Хорошо-хорошо, — успокоил я. — Сразу позвоню, как только смогу.
Излишне говорить, что я даже не представлял, где может быть сейчас пресловутая сумочка.
— Давай-ка я тебе сделаю обезболивающий укол, красавица, — деловито бормотал я, вынимая шприц. И еще один шприц. Доза наркотика была смертельной, но больше я ничего для нее сделать не мог, не пристрелить же? Вокруг столько народу, не поймут. — Нести ведь тебя надо, так мы сейчас того... чтоб не болело...
— Спасибо, — шепнула девушка. Я быстро сделал укол, потом еще один. Пушистые ресницы дрогнули... Опустились.
Итого уже не девятнадцать человек, а восемнадцать... Я вздохнул и поднялся.
— А сейчас я проведу быструю инструкцию насчет того, как себя вести в Зоне, чтоб дополнить уже сказанное господином Аспирином. И пеняйте на себя, если вы что-то пропустите или не примете к сведению.

Глава шестнадцатая. Те же и я

Метрах в трех от тропинки среди папоротника кочевряжились «мамины бусы». Если этот артефакт использовать, не будет хотеться ни пить, ни жрать. Зато сдохнешь от радиации. Лучше потерпеть, подумал я, да и со жратвой у нас более-менее пристойное положение... Пока... Хотя о воде мы совсем забыли, а ведь на борту авиалайнера явно был запас. Но я тоже не привык водить по Зоне экскурсии: на боку фляжка есть, запасец таблеток для обеззараживания небольшой имеется, значит, я в порядке, а братаны сами за собой последят.

Я снова взглянул на «бусы». Штука недешевая... Подобрать?

Нет, туда шли — артефактами не баловались, а уж на обратном пути и подавно не до них. К тому же зачем собирать эту шелуху Зоны, когда у нас в клетке сидят два... нет, целых три живых и невредимых жирненьких карлы?

Постойте, а почему три-то?

— Слушай, а зачем я трех бюреров тащу? Нам же двое всего надо, — сказал Пауль, словно читая мои мысли. Он широко вышагивал рядом со мной и нес клетку. Завернутая в брезент и с примотанным сбоку прибором Петракова-Доброголовина, она привлекала внимание пассажиров, тем более что внутри попискивал, похрюкивал и неприятно бормотал кто-то невидимый.

— Черт... — Я даже засмеялся. В самом деле, про бюреров-то мы и забыли, а исполнительный Пауль так и волок их на себе, не задавая лишних вопросов. Но теперь подустал, бедолага, и решил уточнить, все ли у нас правильно в проекте.

— Привал пять минут! — скомандовал я. Подозвал знаками профессора, втроем мы отошли чуть подальше. Пауль раскутал клетку, а я, признаться, взволновался: а ну как там все три бабы? Закон подлости, и не такое случается. И назад ведь уже не попрусь.

Но нет, баб оказалось две. Обе жутко отвратные, одна с виду постарше, вся в гноящихся бородавках. Мужик сидел расслабленно: вроде не подох, но и на нас внимания не обращал, а бабы принялись плевать и сразу попали в Петракова-Доброголовина.

Профессор отскочил подальше и с отвращением утерся рукавом.

— Зачем нам три?

— Вот и я о том.

— Ну так пристрелите одного, — развел руками профессор.

— Которого?

— Вот эту, что в меня плюнула, — мстительно сказал Петраков-Доброголовин.

— Доверяю эту честь вам. — Я пощелкал пальцем по профессорскому модернизированному «стечкину» в кобуре.

Доктор биологических наук не стал сопротивляться. Он вытащил пистолет, прицелился в старуху, продолжавшую прицельно, но без особого успеха, плевать, и выстрелил. Попал с первого раза, надо сказать; разнес башку. Мужик встрепенулся, искоса посмотрел на нас, но не особенно впечатлился. Вполне возможно, это была его теща. Баба же мерзко квакнула и стала обзирать бранные останки спутницы.

— Выкиньте, — сказал с отвращением Паулю профессор.

— На хрена? — удивился тот. — Не морози.

— То есть?

— Они ж ее сожрут. Жрать же им надо чего-то.

— погоди, так зачем ты спрашивал тогда, почему троих несем?! — не понял и я.

Пауль ухмыльнулся:

— Ну, я подумал, что двоих просили, а мы трех зачем-то несем. Мне-то в принципе не тяжело. Там прибор, наверно, как-то их облегчает даже чуток.

— Вполне вероятно, — оживился профессор. — То есть он как перенаправляет телекинетическую энергию бюреров, и получается что-то наподобие разнополюсовых магнитов... Это же выходит что...

— Стоп, — прервал я профессора. — Потом будете диссертацию писать. Вы вот что скажите: вы бы нам за трех заплатили больше, чем за двух?

— Договор был о двоих, — покачал головой профессор.

— Тогда пускай жрут, — сказал я, тем более бюреры уже начали с оглядкой этим заниматься. Пауль опять завернул клетку в брезент, и мы вернулись к отряду.

— Чего стреляли? — поинтересовался генерал. Дед держался молодцом, не то что его более молодые товарищи по несчастью; сейчас он сидел под сосенкой и отдыхал, неодобрительно глядя на танцовщиков-гомосеков, которые тревожно щебетали неподалеку. Я из вредности поручил им тащить носилки с раненым и, надо сказать, они это делали исправно, потому что при всех минусах парни были крепкие. Именно один из них и треснул Бернштейна, кстати сказать.

Сам Бернштейн выглядел совершенно разбитым. То ли волновался насчет грядущих затрат (тем более сумму мы так и не уточнили), то ли за свое драгоценное здоровье.

— Мутант там был, — коротко сказал я деду, не погрешив против истины, и добавил, обращаясь к мамашам: — За детьми смотрите! Я же говорил — на деревьях кто угодно может сидеть!

— А я думал, толстого вашего шлепнули, — с долей разочарования сказал генерал. — Не нравится он мне.

— Ученый потому что.

— Тем более. Помню, я еще срочную когда служил, так мы поймали на Кавказе одного такого ученого. Типа он с гуманитарной миссией там шастал. На самом деле, конечно, другим занимался... Так вот, взяли мы колючую проволоку...

— Извините, товарищ генерал, потом как-нибудь доскажете, — не очень культурно оборвал я Дубова и повысил голос: — Так, встаем! Привал закончен, подъем!

Пассажиры, ворча и перешептываясь, принялись подниматься. Аспирин и Соболев держались чуток в стороне, но на зачатки бунта это не походило — во-первых, моя молниеносная идея с деньгами Бернштейна, несомненно, работала, во-вторых, не те были они люди. Соболев, правда, обиделся, когда я попросил его отдать одно из ружей снайперу, но успокоился, когда тот углядел в кустах кабана и без лишних слов завалил. Кабан был глупый, молодой и скорее всего удра бы сам от нас без памяти, но в целом направленность действий снайпера мне нравилась. Соболеву тоже.

Капитану Заяц я отдал свой пистолет. Ерунда, конечно, пистолет в Зоне — оружие всегда сомнительное, но если она и в самом деле оперативный работник... Шмальнет хотя бы ради сигнала. Баба в любом случае бойкая.

Хорошо, что нам попадалось крайне мало аномалий. «Жадинки» я чуял, пару «трамплинов» мы обошли, «жарку» завидели совсем уж издалека... даже болты раскидывать пока не приходилось. Но и забот хватало и без болтов с аномалиями.

Я лишний раз вспоминал светлые времена, когда мы шли в Зону. Как я недоумевал — что ж все так хорошо у нас складывается, даже если учитывать историю с розовой мерзостью в брошенном танке и сломанную ногу Бармаглота. О Бармаглоте и его нынешней судьбе я, старался не думать, зачем забивать голову без толку — придем к месту схрона, там все и увидим.

А сейчас все шло наперекосяк. То есть если бы мы двигались обычным составом, больших проблем не возникло бы — да, мутная местность, но на то и щука в пруду, чтобы карась не дремал. Однако с нами шли люди, совершенно несведущие и окружающей обстановке, и все вокруг представляло для них опасность.

От липкой паутины приходилось уворачиваться на каждом шагу. От движения она не разлеталась в стороны, как положено нормальной паутине, а, наоборот, словно бросалась навстречу. Приходилось двигаться плавно, как в балете. Она, конечно, не страшная, паутина эта. Даже если вляпаешься в нее. Коже от нее ничего не будет — серый налет только, и тот отмоется через пару дней. А вот если на одежду попадает — то это насовсем. Некоторым ничего, даже нравилось — такие причудливые рисунки. Но мало ли? Может, эти рисунки спустя пять лет тебе аукнутся. Пока с ними ничего не происходило, правда. Сталкеры даже поначалу куртки с этими паутинными разводами сдавать пытались как хабар. Потом перестали — невыгодно выходило. Да и ученые к ним быстро интерес потеряли: вроде как состав этих разводов паутинных выяснили — ничего особенного, в промышленности давно примерно таким же пользуются. Вот народ и плюнул на это; но некоторые юнцы даже гордились — мол, Зона тату нанесла. Ну, молодцы, паутина эта не в самых ходовых местах встречалась, так что было чем гордиться. Те, кто поопытнее, тоже спокойно к паутине относились.

Дальше стало хуже. Промозгло стало, холодно. Под ногами мерзко чавкало, с деревьев уже не паутина свисала, а «сопли» довольно противного вида. Такие нам уже попадались в начале пути — хотя, может, это вовсе и не само по себе, а просто после местных дождей паутина такой становится? Черт ее знает.

Утешительно только то, что «сопли» висят неподвижно, не так трудно их миновать. Молодой поросли вот не повезло — «сопли» целиком опутывали деревца с макушки до корней. Похоже это было на какие-то гигантские сморчки сизого цвета. Еще немного — и начнешь себя ощущать ничтожным муравьем из старинного мультлика: «Мне бы домой, мне бы домой...».

Воняли эти сморчки, кстати, так, что в глазах начало слезиться. Совсем не грибами. Ужас был в том, что дальше этих сморчков становилось все больше, а в некоторых местах они все соединялись между собой теми же «соплями». Еще немного — и из этой гнили не выберешься.

Я, как мог, орал пассажирам, чтобы ничего не трогали и ни во что не влезли. Справедливости ради, никто никуда пока и не влез. Читали, видать, книжки, смотрели фильмы, документальные и художественные, потому боялись. Больше всего я волновался за детей — мало ли, схватят что-нибудь из любопытства. Но детям, наверное, оказалось достаточно вынужденной посадки, и настроения шалить и изучать окружающий мир у них не имелось.

Я уже запомнил их имена: Ирочка плюс Боря и Сережа. Ирочкина мамаша нам уже крови попортила возле самолета, но после вела себя довольно смирно. Безропотно добыла себе одежду. Истерик после посещения самолета, полного трупов, не закатывала... Что, впрочем, странно — она же так туда рвалась, убивалась по мужу вроде, надеялась, что жив. А убедившись — успокоилась и забыла тут же? Не есть понятно. Может, шок, конечно. Что-то я о таком слышал, типа посттравматический шок — человек вроде как блокирует произошедшее несчастье в голове и ведет себя так, словно ничего не случилось. Ну да ладно, доберется живой до цивилизации — пусть там сама с врачами разбирается. По мне, лучше пока совсем ничего не помнит.

Ирочка шла, держась за руку матери, видно было, что она еле стояла на ногах. Ничего, пусть еще немного пройдет пешком, меньше хлопот будет, когда устанет — уснет на руках, к примеру.

Боря и Сережа похожи друг на друга, и носы одинаково разбили во время посадки. Их мамаша была суровая, очкастая, напоминавшая учительницу и почему-то строгую мультипликационную жабу, хотя лишним весом вроде не отличалась. Лицо у нее было такое, со щечками...

Кстати, именно где-то здесь, говорят, расплодилось натуральная галлюциногенная жаба *bufo marinus* — хрен знает каким макарон, вообще-то она обитает в Южной Америке вроде. Ученые в истерике бились, когда им притащили экземпляр. Сначала за розыгрыш приняли. Розыгрыш, ага. Те парни, что эту жабу отловили, до сих пор реальность не отличают. Зомби натуральные, хотя и не зомби. Недаром же, говорят, из этой жабы готовили яд зомби на Гаити — я специально в библиотеку сходил, почитал кое-чего. Правда, жабы такой не видал, но есть сталкеры, которые видали. Если не врут, потому что сталкеры, как ни крути, часто врут...

Жабы жабами, но главное, что пока не попадались погонщики. О них я предупредил особо и постоянно напоминал, потому что самый опасный мутант — это неизвестный мутант. Почему-то общепринятым мнением стало, что они обитают на деревьях и прыгают, хотя подтверждений тому не имелось, да и видели мы всего лишь одного. Хотя не факт, что они вообще на людей нападают — допустим, только на собратьев-мутантов. Почему нет?

От натуралистических размышлений меня отвлек какой-то внутренний сигнал. Задумавшись, я и не заметил, что глаза начало щипать уже так, что дети захныкали, а пассажиры начали останавливаться и тереть лица ладонями. Вот черт! Я судорожно проморгался и завертелся на месте. Похоже, мы попали в самую чащу этих сопливых грибов. Вонь стояла адская, глаза почти не видели, я заорал Паулю, который замыкал строй:

— Давай всех сюда!

Пауль с Аспирином начали сгонять пассажиров в кучу, те неуклюже и испуганно толкались, как деревенское стадо. Я сорвал с шеи респиратор, забрал еще пару у Соболя и Пауля, сунул малышам:

— Это наденьте на детей, а сами и все остальные быстро ищите, чем закрыть носы и рты! Любые тряпки годятся. Быстро!

Пассажиры кинулись выполнять, а вот сталкеры смотрели на меня с каким-то подозрением. Я потер глаза, затем потащил Аспирина в сторону:

— Слушай, «жгучий пух» на меня не действует, а эта дрянь, чего-то сильно накрывает. Ты как?

— Да я ничё, ну воняет, подумаешь... так такого добра тут... я даже удивился, что за паника. — Аспирин смотрел на меня, нахмурившись.

— Значит, так. Выводить нас отсюда будешь ты. Включай свое чутье, понял?

— Понял, — серьезно сказал Аспирин, — ты только это... держись, чува-ак.

— Да я нормально. Глаза вот только... словно песка набросали.

Аспирин пошел впереди меня. Я еле видел его сквозь прищуренные слезящиеся глаза. Хорошо, хоть слышал. Аспирин верно нащупал нужное направление, потому что с каждым шагом мне становилось все легче.

Скоро вонючие грибы совсем закончились, да и «сопли» на деревьях тоже. Я вздохнул с облегчением, разлепил глаза и увидел очередной овраг, раскинувшийся на пути. Аспирин предложил сделать привал, но я не позволил. Не хотелось мне останавливаться в такой близости от только что пережитого кошмара. Ощущение было такое, что, помедли я ещё пять минут в той чащобе, запросто лишился бы обоих глаз.

В овраг — эти чертовы овраги начали меня доставать! — мы сползли на пятой точке, упираясь каблуками в мокрый склон и собрав на подошвы комья жирной земли с пучками травы. Аспирин еле слышно ругался, Пауль пару раз уронил клетку с бюрерами, которые злобно блекотали внутри. Гомосеки-санитары то же вполголоса ругались, вполне по-мужски. Этак еще перевоспитаются, пока идти будут...

Мелкие кусты только мешали, тем более что они почти все были какой-то разновидностью то ли облепихи, то ли акации — короче, все сплошь в мелких иголках и шипах. Внизу было сумрачно и влажно. Больше всего пугал папоротник по пояс высотой. В нормальных-то местах в такой не очень хочется соваться из-за клещей и прочих кровососущих. А уж здесь...

Другая сторона оврага была нескончаемой бетонной стеной. Значит, из низины можно было выбраться, только цепляясь за скользкие мокрые корни. Корни свисали сверху бетонной стены, которую построили непонятно за каким хреном. Может, укрепляли овраг. А может, и нет. Кто-то явно пытался здесь устроить что-то типа ступеней — остались ямки в бетонной стене. Некоторые были на удивление глубокими. С усталости и в полутьме не сразу дошло, что это норы; наступишь в такую — и откусили тебе полноги вместе с ботинком. И откусили кому-то — чей-то покореженный ботинок валялся на дне оврага, неподалеку от стены с ямками. Вид у него был такой... недопереваренный, что ли. Лезть по стене сразу расхотелось. И в папоротник тоже. Но по стене — больше. Тем более что в дырках стены начали мелькать какие-то огоньки. Красноватые и очень неприятные.

— Может, я туда стрелну? — предложил Соболев с опаской.

— Тут что-то незнакомое, — покачал я головой. — Чёрт его знает, чем обернется. Давайте-ка по низу оврага налево, может, кончится эта сучья бетонка...

Бетонка не кончалась, огоньки поблескивали, но никто из дыр не вылезал. Затем дыры, слава богу, вовсе исчезли, потом пропала бетонка, пошли густо стоящие деревца. Затем и они поредели, открывая между собой пологий проход, который так и звал, так и манил — чистый, светлый, сухой такой. Солнечные лучи пробивались сквозь листву, мелкие цветочки даже какие-то росли вперемежку с зеленой свежей травкой. Идиллия, мать ее. Как в книжке про Бэмби. Сейчас выскочат добрые животные и утешат маленького сироту-олененка. Пока мы топтались на месте, борясь с желанием рвануть к солнышку, из прохода и впрямь выскочило...

— Абанамат! Скарлотина!

Кто-то из женщин завизжал истошным голосом, а Пауль опустил автомат.

— К тебе подруга вернулась, Упырь, — сказал он, поправляя на плече клетку с бюрерами.

Глава семнадцатая. Яблоне́вый сад

Вертолеты зависли в полутора-двух метрах над землей. Пилоты были битые, ушлые и знали, что лишняя посадка — это лишняя возможность никогда уже не взлететь. С вертолета не видно, что там внизу, а есть масса аномалий, которые бьют непосредственно на поверхности земли.

— Пониже бы, — крикнул мрачный Сушинский.

— Не хрен, не хрен! — отозвался вертолетчик, с виду — по разрезу глаз — азиат. — Прыгайте! Чему вас только учили?!

Альтобелли прыгнул одним из первых, а потом рядом с ним обрушился военный сталкер по кличке Дятел. Дятел был увешан обычной для военных сталкеров аппаратурой, без половины из которой обычные сталкеры обходились вполне успешно.

Военных сталкеров с группой полетело двое. Вторым был Колумбия, канадский украинец, говоривший по-русски и по-английски с заметным прононсом.

— Что, парни?! — спросил лейтенант. — Как пойдём? Кэп обещал точность плюс-минус десять километров.

— Дерьмо это все, — убежденно произнес Колумбия. — Иди туда, не знаю куда. Подняли буквально с бабы, и что теперь делать? Сучья работа, надо завязывать, поеду домой, ферму заведу...

— Заведешь, заведешь. А пока надо очень быстро уходить!... Мы все еще в зоне зачисток, — напомнил Дятел.

Альтобелли мысленно выругал себя за то, что совсем упустил этот немаловажный факт, и скомандовал построиться в походный порядок. Это означало, что впереди и сзади идут военные сталкеры, в середине — медики-некомбатанты, по бокам — остальные.

Шли быстро, не особенно боясь, потому что места были для обоих сталкеров хоженые. Из зоны зачисток вышли вовремя — в километре за спиной забухало, ракеты в клочья рвали уже многократно перемолотую землю.

— Лейтенант, — негромко позвал Дятел.

— Что случилось?

— Может, ну их на хрен? Правильно ведь Кэп сказал: иди туда, не знаю куда... Ничего не найдем. А сами поляжем. Предлагаю пересидеть, к тому же выброс скоро, мнится мне... Пожрем сухпай, выпьем, подремлем. Потом напишем докладную, так, мол, и так...

— Вы серьезно? — спросил Альтобелли.

— Вполне.

— Будем считать, что я вашего предложения не слышал, — сухо сказал лейтенант. Хотя прекрасно понимал, что военный сталкер сейчас является истинным хозяином положения. Он мог завести их куда угодно и сказать, что заблудился. Мог бросить. Мог ссылаться на неведомые Альтобелли аномалии, которые «только-только появились». Формально руководил группой, конечно, лейтенант, но что он мог?

Альтобелли вообще не нравилась вся эта история. Складывалось впечатление, что Колхаун — или кто-то повыше Колхауна, не очень-то и заинтересован в розысках пропавшего авиалайнера В самом деле, отмена превентивных мер — процедура, бесспорно, хлопотная, но ради спасения более чем сотни гражданских. А тут — «вы же понимаете», «постараемся уточнить...». Что мешало снять к чертовой матери все ограничения, послать внушительный отряд, привлечь для содействия настоящих сталкеров, которых всегда можно чем-то приманить, теми же деньгами.

Нет, Альтобелли, конечно, знал, что нет ничего глупее и неповоротливее международных договоренностей, крупных военных проектов и прочего дерьма. Поэтому

все могло решаться звонком какому-нибудь четырехзвездному генералу, которого оторвали от рыбалки на ранчо. И он мог сказать:

— Самолет? Какой самолет? Ах, украинский... В зоне? В какой зоне? Ах, в Зоне... И что же, мы похерим всю систему безопасности, в которую вбухали такие деньги? И пусть сквозь Периметр полезут сталкеры, неся в наш демократический мир радиоактивную заразу? Пошлите поисковую группу, и достаточно. В конце концов, все знают, что над Зоной пассажирским самолетам болтаться запрещено. Налицо хороший пример на будущее... И вообще не мешайте, мне звонят из объединенного комитета начальников штабов.

Все так и могло случиться. Потерять пару десятков военных — что тоже ерунда. Альтобелли прекрасно знал статистику — сколько народу гибнет в год от зубов мутантов, от пуль бандитов и сталкеров, от аномалий, пропадает без вести, дезертирует, кончают самоубийством... Служили-то здесь далеко не элитные части, а обычные, по сути, наемники. Половина — едва ли не штрафники. Разумеется, при комендатуре существовал парадный спецназ. В основном красиво марширующий на площади городка по случаю приезда очередного высокого гостя. Были толковые парни среди русских и украинских военных, которые прекрасно понимают, что это такое — Зона. Остальные же отбывали номер, зарабатывали деньги, приторговывали артефактами, грабили сталкеров и дрались спьяну в кабаках.

Именно с таким контингентом Альтобелли и выдвинулся сейчас для проведения операции.

— Стоп, — сказал Дятел. — «Жарка». Потрескивающую «жарку» лейтенант заметил и сам, но позволил сталкеру показать свою незаменимость. Альтобелли в Зоне был с десяток раз, однажды забрался очень далеко, но в основном — местах безопасных. Тем не менее азы он знал хорошо, как сказал однажды один из толковых сталкеров, «на уровне очень перспективной отмычки».

Канонада за спиной постепенно утихла, Дятел довольно уверенно вел группу по еле заметной тропинке мимо заброшенного яблоневого сада, увитого странными лианоподобными растениями с ослепительно белыми цветочками. Альтобелли тревожно поглядывал по сторонам, и именно он увидел ломящегося через сад псевдогиганта. Здоровенная тварь явно увидела людей и направлялась к ним.

— Мудилка справа, — выкрикнул Грязнов, среагировавший быстрее. Кто-то выстрелил из подствольника, но промазал и не испугал мутанта. Псевдогигант яростно взмахнул конечностями и прибавил скорость, демонстрируя свою непроходимую тупость, либо надеясь на слабовооруженность группы. В него влетели целых три гранаты, порвав монстра почти пополам. Булькая и хрипя, он все же пытался ползти в сторону тропинки.

— Добить? — равнодушно спросил Грязнов.

— Сам сдохнет, — сказал сержант Коврига.

Не факт, подумал Альтобелли. Мутанты довольно качественно регенерируют, а то еще существует легендарный Болотный Доктор, который, поговаривают, лечит покалеченных ублюдков. Впрочем, в мифологию Зоны Альтобелли верил ограниченно, полагая, что три четверти видевших Доктора или Черного Сталкера были либо пьяными, как поляки, либо укуренными, либо просто перед ними находился морок, мираж, галлюцинация — как угодно назовите. Конечно, что-то такое в Зоне было. Но в Болотного Доктора, который мог угостить гостя-сталкера обедом, сделать уникальную операцию, да еще и попросить напоследок принести ему, скажем, альбом репродукций Обри Бердслея или двадцать литров хлороформа, — извольте, лейтенант в это верить отказывался.

Он окинул взором свою группу. Собственно, «своей» ее Альтобелли мог назвать только юридически. На самом деле сталкеры и солдаты планировали отработать с минимальными потерями плюс по возможности чем-то поживиться: парочкой «медуз» или горстью «капель». В идеале — если самолет и в самом деле грохнулся в легкодоступном месте — обобрать трупы пассажиров.

— Ух, ептыть, — сказал Дятел.

Впереди и в самом деле показался «ептыть» — редкая штука, целая стенка из «мясорубок» различной степени активности и сохранности. Идти следовало либо через сад, либо через поле, простирающееся по левую руку до самых холмов, на которых чернели мачты ЛЭП и руины неких строений.

Военные сталкеры принялись советовать и сошлись на том, что нужно бросить монетку. В этом было одно из их отличий от «нормальных» сталкеров: тот пошел бы по наитию, получше провесил бы дорогу на всякий случай, если что — вернулся бы. Дятел с Колумбией и в самом деле кинули евро и решили идти через сад.

Ползучие стебли с белыми цветками были неопасны — это Колумбия объяснил сразу. Их смахивали с дороги руками или стволами автоматических винтовок, под ногами хрустела и чавкала падалища. Это был еще один из парадоксов Зоны, с которым приходилось сталкиваться и лейтенанту Альтобелли, — в некоторых местах урожай тут можно собирать круглый год, если у кого-то вдруг появилось бы столь дикое желание. Вот и сейчас некоторые яблони цвели, другие были увешаны зелеными мелкими плодами, третьи ломились от спелых яблок...

— Вина бы из них наделать, — мечтательно произнес Сушинский. — У меня мамка такое яблочное винцо делала — у-у-у... Мечта, а не винцо!

— Мечта, а не мамка, — с насмешкой сказал Коврига.

— Ты про мою мамку молчи, морда позорная! — огрызнулся Сушинский

— Тихо, тихо, — вяло призвал к порядку Альтобелли. — Дома разберетесь. На губе давно не был, Сушинский?

— А может, и не был, — снова огрызнулся Сушинский.

Лейтенант на сей раз промолчал, потому что прекрасно понимал — если захотят, прикончат его и положат под яблонькой, а потом его скелет красиво оплетет лоза с белыми цветочками. Были уже случаи с командирским составом, и поди докажи что-нибудь — круговая порука... Отдельно взятый сталкер выскочил из кустов, точным огнем поразил офицера и скрылся в суматохе. Извините, преследовать не стали, вдруг там засада.

— Передохнуть бы... — пробормотал один из фельдшеров. Его поддержал маленький длиннорукий Глебов:

— У меня застежка на ботинке отрывается, надо починить. Пять минут.

— Хорошо, пять минут, — согласился Альтобелли.

Отряд тут же развалился под яблонями, только Дятел остался маячить туда-сюда — без охранения даже эти бездельники в Зоне отдыхать не решались. Слава богу, никто не полез в загашники за жратвой: понимали, что запас ограниченный, а когда возвращаться — вилами по воде писано, как говорят русские.

Лейтенант сверился с картой, постоял, глядя в небо. Тихо, ни ветерка... Толкнул ногой ствол ближайшего дерева — с глухим стуком в траву с него осыпались яблоки. Одно ударилось о шлем капитана Блада, отскочило в сторону, но медик ничего не сказал.

— Напалмом бы его, — неожиданно злобно сказал Колумбия. — Сад то есть.

— Может, ну его на фиг, этот самолет? — предложил Коврига и выронил из руки автомат, глухо стукнувшийся о землю. Лейтенант внимательно посмотрел на него: глаза сержанта расфокусировались, словно он был сильно пьян.

— Сержант! Вы пили?!

— А?!

Альтобелли отступил на шаг назад и шлепнул себя по щеке, чтобы смахнуть комара. Но это оказался не комар. Вместо комара лейтенант скинул с плеча сморщенное зеленое яблоко, покотившееся по траве. Неожиданно яблоко открыло глаз и уставилось на лейтенанта, который выругался и отскочил еще на несколько шагов в сторону. Чуть ниже глаза трепетало тоненькое зеленое щупальце.

Это его и спасло, потому что очередь, выпущенная одним из солдат, прошла мимо.

В первое мгновение Альтобелли никак не сплюсовал глазастое яблоко и очередь — он подумал, что кто-то из отряда в самом деле решил его завалить, чтобы отсидеться под деревьями в саду и вернуться как ни в чем не бывало. Но когда Дятел повернулся к

лейтенанту с такими же пустыми и расфокусированными глазами, как у сержанта Ковриги, Альтобелли понял, что дело нечисто.

— Спать... — вяло произнес Дятел. — Спать, братаны...

Стрелявший солдат, как и Коврига, выронил автомат и тихо опустился в разросшуюся крапиву.

Альтобелли отступал, стараясь не терять из виду никого из отряда.

— Грязнов! Сушинский! — крикнул он. — Колумбия! Капитан!

Порыв ветра пошатнул яблони, породив новый град падалицы. Военный сталкер-канадец тоже просек непонятное, отступал к Альтобелли, поводя стволом автомата. Остальные, в том числе Грязнов и Сушинский, сидели в траве или стояли под деревьями, прислонясь к ним. Капитан-медик попытался встать, но упал ничком и пополз, как змея.

— Стоять... — так же вяло промямлил Дятел, расстегивая кобуру. — Спать...

— Твою мать, а ведь он мне семьсот евро должен, — пожаловался Колумбия и разрядил в Дятла без малого магазин. Убитый сталкер ничком упал на землю, задев рукой бесстрастно сидящего Сушинского.

— Валим отсюда! — крикнул Колумбия. — Смотри, лейтенант: яблоки!!!

Альтобелли и сам уже видел, что пресловутые «яблоки» ползают по амуниции солдат, лениво моргая желтыми глазами и перехлестываясь щупальцами. Лейтенант сроду такого не видел, но прекрасно понимал, что Зона на месте не стоит.

— Грязнов! — крикнул он на всякий случай еще раз. — Сушинский!!!

Солдаты молчали, кто-то пошевелился, перевалился на бок, попытался встать на четвереньки. Под телом убитого Дятла быстро набегала большая лужа крови, подтекая под Сушинского, который не обращал на это никакого внимания.

— Лейтенант, мы им ничем не поможем. Видал, что с Дятлом было? А если и эти шас очухаются и накинута?!! — торопил Колумбия.

— Уходим, — согласился Альтобелли. В самом деле, находиться рядом с пораженными было опасно, и он как офицер понимал, что пришло время драпать.

Они, то и дело оглядываясь, выбрались из заброшенного сада на давешнюю тропу. Колумбия непрерывно матерился, в основном по-русски, а потом сказал:

— Слушай, лейтенант... Не будет лишним посмотреть, вдруг и на нас это дерьмо прицепилось.

Они тщательно осмотрели друг друга, но глазастых яблок не обнаружили.

— Бля... — пробормотал Колумбия и показал пальцем. Лейтенант обернулся: из садовых зарослей вышел Грязнов, медленно побрел куда-то прочь, не обращая на них никакого внимания и постоянно спотыкаясь.

— Первый раз такую хрень вижу, — сказал Колумбия, провожая взглядом Грязнова. — Шлепнуть его, может?

— Не надо, — сказал Альтобелли. — Смысл?

— И то верно... Так, лейтенант. Топаем обратно?

— Смысл? — снова спросил Альтобелли.

— Как же?! — удивился военный сталкер. — Группа навернулась, куда ж мы вдвоем попремся? Без медиков даже.

— Я свяжусь с начальством, — сказал лейтенант и попытался вызвать Колхауна. Тщетно — капитан не отвечал, как не отвечал и дежурный офицер в комендатуре, обязанный откликнуться на экстренный вызов. Альтобелли на всякий случай проверил рацию Колумбии — тоже безрезультатно. Выругавшись, лейтенант вернул бесполезную коробочку сталкеру и сказал:

— Я иду дальше. Ты — как знаешь.

— С ума ты сошел, лейтенант, — откровенно произнес Колумбия. — Что мы вдвоем сделаем? Какая от нас помощь? А вдруг тут кругом эти яблочки адские?! Будем маяться по Зоне, как Грязнов...

— Я иду дальше, — твердо сказал Альтобелли, зачем-то поправляя свою амуницию.

Глава восемнадцатая. Скарлотина

Псевдоплоть аккуратно держала уродливой лапкой банку тушенки. Другой лапкой, не менее уродливой, она выскребала оттуда мясо и засовывала в такой же уродливый ротик, помогая липким языком. Добравшись до донца, псевдоплоть долго отлепляла от жести приклеившийся лавровый листик, потом добыла его и тоже сжевала. С сожалением заглянула в банку и отшвырнула в сторону.

— Гребанулся ты, чува-ак, — произнес Аспирин, с нескрываемым отвращением наблюдавший за процессом кормления. — Самим нечего жрать, а ты эту сучку кормишь. Тушенкой. Хорошей притом тушенкой. Мне бы лучше отдал. Я бы сам сожрал.

— Не нуди, — попросил я, но Аспирин не унялся, продолжал что-то сварливо бормотать.

Непредвиденная остановка позволила отряду отдохнуть, но на псевдоплоть все пялились с подозрением. Нормально отнеслись к ее появлению лишь старик-генерал, с уважением пробормотавший: «Ну и страшна, сучка! Как вся моя жизнь!», после чего утративший интерес к мутанту, да детишки, которые сбились у меня за спиной и явно боролись с желанием погладить скотинку. Честно говоря, псевдоплоть и в самом деле оказалась не слишком уродливой — видали мы и куда похуже.

Скотинка вела себя галантно: отошла в сторонку, присела под кустами и принялась умываться совсем по-кошачьи. Аспирин, увидав такое, тревожно плюнул и ушел помогать Паулю и профессору проверить, как там плененные бюеры. Я справедливо полагал, что они трапезничают трупом убиенной Петраковым-Доброголовиным «тещи», и смотреть на эту сомнительную картину не стал.

Что же делать с псевдоплотью? С чего она к нам прибилась? Что-то я раньше о таких любвеобильных мутантах не слыхал... Пристрелить ее, что ли, в самом деле? Доверять псевдоплоти... Меня же на смех поднимут, обязательно кто-то из парней проболтается. Хотя для этого еще вернуться надо.

— Пойдем, что ли? — сварливо сказал дед, подошедший совершенно неслышно ко мне вплотную. — Покормил свою скотину-Скарлатину, надо двигать. А то народу только дай — расслабят, не поднимешь потом.

— Так точно, — кивнул я и скомандовал общий подъем. Пассажиры зашевелились, забормотали, закричали, стали собираться. Я, глядя на этот сброд, в очередной раз подумал, что надо все бросить и сваливать отсюда. Если успешно доберемся, если чертовы бюеры не подохнут вопреки профессорским утверждениям и достижениям науки, если Петраков-Доброголовин нас не обдурит при расчете... Впрочем, если он попробует это сделать, я его лично убью. Коли успею за парнями.

Профессор выглядел хмуро: ему была очень уж не по душе компания пассажиров с разбившегося самолета, но поделаться Петраков-Доброголовин ничего не мог.

— Живы карлики? — осведомился я, когда профессор подошел ко мне и стал рассматривать продолжавшую мирно умываться псевдоплоть.

— Живы. Жрут.

— Это хорошо, что жрут. Идемте вперед, профессор, тут спокойно

— Идемте. Только я бы вас попросил...

— Что еще?

— Вы меня постоянно представляете этим людям как профессора. Вы же понимаете, господин Упырь, что я не хотел бы афишировать...

— Понял. Не буду впредь.

Петраков-Доброголовин удовлетворенно кивнул и пошел рядом со мной, но прежде я пугнул мутанта. Даже не пугнул, а присел, словно собираясь что-то подобрать с земли, как обычно отгоняют собак. Псевдоплоть послушно испугалась и поскакала вперед, скрывшись за поворотом живописной дорожки меж деревьев.

Откуда-то издали донеслось ее прощальное «абанамат». Я задумался.

Профессор, похоже, тоже, потому что спросил:

- Помните, вы говорили, что псевдоплоти слова забывают через полчаса?
- Помню, — неохотно ответил я. — Только это не я говорил, а господин Аспирин.
- Не важно... Но полчаса же, так? А эта сколько уже за нами бежит и одно и то же говорит. Как такое может быть?
- Не знаю я, профессор. Вот честно — не знаю! Это Зона. Здесь всякое может случиться. Скажем, новый вид, внешне похожий на обычную псевдоплоть, а внутри — совершенно иной.
- Бежит, отслеживает, вы ее прикармливаете зачем-то...
- Она нам однажды жизни спасла. А я насчет этого благодарный.
- Зачем она вам? — спросил профессор.
- Сам не знаю, — неожиданно признался я. — Но убивать ее как-то некрасиво, согласитесь.
- У вас оригинальная мораль, — заметил Петраков-Доброголовин. Я обратил внимание, что свой «стечкин» он несет не в кобуре, а в руке. Соображает.
- Уж какая есть. Не жалуюсь.
- Помните наш разговор там, в городе? Мы говорили в том числе о мутантах. «Слыхали такие рассуждения, да. С контролёром можно подружиться, зомби можно приручить, с бюрократами легко помириться...» — сказали тогда вы и добавили: «Обычно те, кто так рассуждал, долго не жил».
- Я до сих пор придерживаюсь такого мнения.
- Однако эта псевдоплоть...
- Если понадобится, я ее убью, профессор.
- Меня вы бы застрелили с меньшими раздумьями, уверен.
- У вас мания преследования, — улыбнулся я. — Зачем мне вас убивать? Или совесть нечиста?
- Почему же сразу нечиста... Просто вы меня не любите. Это заметно, — сказал профессор с грустным видом.
- Врать без нужды я не стремлюсь, потому ответил:
- А зачем мне вас любить? Вы не танцовщица из бара. У нас отношения совсем иного плана: деловые, взаимовыгодные. Я выполняю работу, вы ее оплачиваете. Хотя я бы предпочел встретить вас и городе по возвращении, а не таскаться в вашей компании по Зоне.
- Вот-вот. Работа. А вы ввязались в эту историю с пассажирами. Ничего бы с ними не случилось, отсиделись бы в остатках корпуса...
- Я посмотрел на профессора почти с ненавистью:
- У вас дети есть, господин Петраков-Доброголовин?
- Нет, — ответил профессор, но хоть покраснел.
- Я немного помедлил и сказал:
- Вы тоже когда-то были ребенком. Толстым, противным, вредным, но ребенком. И кто знает, попали вы в такую переделку и решение бы принимал такой вот... который оставил бы вас с гниющими трупами в железном коробе, окруженном мутантами и прочим ужасом... Мне продолжать?
- За ними бы пришли спасатели, военные, — обиженно сказал профессор.
- Я ровным голосом сказал:
- Вот и оставались бы с ними.
- Я? — вскинулся профессор. — Я вам деньги плачу!
- Вот и они платят, — брезгливо отстранился я от профессора. Надо же, какая всё-таки дрянь человек. Не зря, ох не зря Землю наградило этой Зоной. И будут еще, вон Даун же поперся в какую-то... Будут. Много будет. Поделом человечеству, еще и не такое заслужили! Геены огненные на вас всех и что там еще бывает. Сволочь какая, надо же! Еще биолог называется!

Профессор, видать, почуял, что я на грани, и как-то потихоньку приотстал. Но вскорости снова потянул меня за рукав. Я уж было собрался послать его грубо, но вовремя понял, что это не профессор.

Это была стюардесса Марина, и она явно хотела мне что-то сказать. Более всего в этот момент я надеялся, что довольно симпатичная девушка просто желает объясниться мне, отважному спасителю и укротителю мутантов, в любви. Это как минимум слегка бы подняло мне настроение после общения с Петраковым-Доброголовиным. Но дело, конечно же, было совсем в другом. Еще возле самолета она перед самым уходом обратилась ко мне с неожиданной просьбой — снять «черные ящики» с самолета. Я было отказался, сказав, что не знаю даже, где они находятся, но Марина отвела меня к очнувшемуся бортмеханику, который объяснил. Он тоже просил снять «ящики» и спрятать — закопать, к примеру. Поскольку процедура оказалась несложной и во многом обоснованной — в самом деле, надо же потом разобраться, что там случилось с самолетом, а с собой тащить эти штуки мне вовсе не хотелось, — мы быстренько все сделали, а место захоронения я пометил. И вот стюардесса снова чего-то от меня хотела.

— Вы знаете, — сказала она и замолчала. — Знаете...

— Константин, — подсказал я.

— Знаете, Константин... По-моему, наш самолет сбили.

— То есть?! — удивился я.

Теоретически любое воздушное транспортное средство в подлете к Зоне сбить могли. Но — неопознанный вертолет или что-то маленькое, если бы нашелся идиот, вздумавший сунуться в Зону таким образом: заметным и практически бесперспективным. А никак не здоровенный пассажирский авиалайнер.

— Почему вы так думаете?

— Сережа, командир экипажа, пытался доложить на землю, но я не знаю, успел ли — связь почти сразу пропала... Он сказал — попадание ракеты.

— Я в авиации не слишком много понимаю, но если бы в вас попала ракета, вряд ли мы с вами сейчас разговаривали бы, — заметил я.

— Я тоже, я ведь не пилот... Но самолет очень сильно потрянуло, и ребята тоже разбираются... разбирались... — Стюардесса шмыгнула носом, и я подумал, что она вот-вот разревется, но Марина справилась с собой и продолжила: — Нас могли сбить? Как вы думаете?

— Может, вас аномалия долбанула, — предположил я.

— Нет, мы за этим... как он... за Периметром еще были...

— Откуда вы знаете?

— Я же говорю, Сережа пытался с землей связаться... Я слышала переговоры. А потом сказал, чтобы я шла успокаивать пассажиров, а он постарается провести машину до более-менее подходящего места для аварийной посадки. Управление... управления уже не было, он сказал, что попробует двигателями управлять, японцы когда-то так делали, когда у них авария на лайнере произошла... этими... РУДами... Только, говорит, тут Зона, Периметр уже рядом, летать над ней не разрешается, а свернуть — нельзя...

— Понятно, — пробормотал я. — Именно поэтому мы и спрятали «черные ящики»?

— Да.

В самом деле, аномалии тут были вроде ни при чем. Долбанули ракетой с земли? Зенитчики там аховые, знают же, что в Зону по воздуху никто не лезет, кроме вертолетов армейских, далеко не забирающихся... Могли и ляпнуть, глаза продрав спяну. Или даже не продрав — там куча автоматики стоит, за которой никто и не следит толком.

Стоп, это что ж получается? Это получается, что нас никто может вовсе и не ждать. Поскольку с землей пилоты, по словам стюардессы Марины, связаться так и не смогли, об аварии никто не знает. Кроме, само собой, военных. И тогда варианта здесь два.

Первый — вояки все же доложили своему начальству, что ошибка вышла, завалили, дескать, пассажирский самолет. Каемся, сделайте чего-нибудь, а?

Зная местное начальство, я был уверен (за редким исключением, но эти честные люди ничего не решали), что оно с готовностью постарается замять некрасивый скандал. Потому что он вызовет вопросы, проверки, визиты нежелательных лиц — от журналистов до сенаторов, и... И лучше всего сделать так, как будто никакого самолета не было. Пропал над Зоной, какого черта туда полез — неизвестно. Сами виноваты, короче.

Второй вариант — вояки ничего своему начальству вообще не доложили.

И в первом, и во втором случае ничего хорошего нам не светит. Либо никто толпу гражданских на Периметре не ждет, и их положат автоматические оборонительные системы; пробраться незамеченными в таком количестве мы никак не сумеем. Либо эту толпу положат преднамеренно, оправдавшись первым вариантом — не знали, ах, какая трагедия, думали, сталкеры из Зоны поперли или мутанты. Еще версия — вообще никакой трагедии не отметят, просто обстреляют пару раз из своих систем залпового огня, перемешают косточки с землей, и как не бывало пассажиров. Да, упал самолет где-то в Зоне. Да, искали. Не нашли. А пассажиры? Пассажиров, поди, мутанты поели. Никто не полезет искать доказательства, а пока рано или поздно сподобятся под давлением родственников или каких-нибудь международных организаций, ничего, кроме разрушенного корпуса, уже не останется...

Да и плевать. Сбили, не сбили — в данный момент это никак не влияло на события. Потом, когда выберемся, будем обсуждать причины аварии. А сейчас нужно о другом думать.

О чем — я увидел буквально через несколько секунд.

Глава девятнадцатая. Старый друг хуже новых двух

Я порадовался, что недавно сходил в туалет. Иначе, наверное, оконфузился бы при всем честном народе... или нет, народу и любом случае было бы не до меня. Потому что перед нами находился не кто-нибудь, а один из легендарных персонажей Зоны: кровосос по имени Стронглав. Я его раньше не видел, бог миловал, но слыхал о Стронглаве многократно и сразу догадался, что это именно он по чудовищным размерам и огромной коллекции шрамов на груди, морде и голове, большую часть из которых оставил Хемуль, когда бесчинствовал на заводе «Росток». Вряд ли в Зоне водился второй такой урод.

Я не представлял, что Стронглав здесь может делать. Обычно кровосос обитал в корпусах упомянутого завода «Росток», где Тёмные его холили и лелеяли, периодически подбрасывая ему жертву в рамках Большого Испытания. Испытание на моей памяти прошел только Хемуль с бригадой, меня в тот момент как раз в городе не было, грел задницу в Крыму... Жалко, что он тогда не прикончил эту сволочь. И не стоял бы передо мной огромный кровосос, здоровенная падла двух с лишним метров ростом, и не тарашился бы с любопытством на наше шествие.

Шествие, надо сказать, оцепенело, только Пауль суматошно вталкивал детишек куда-то за спины, как будто это им могло помочь...

Кровосос не торопился. Он прекрасно понимал, что перед ним вовсе не боевой отряд сталкеров, а какая-то мелкая шушера, с которой можно разделаться с шутками и прибаутками. Видимо, из «Ростока», из своего жуткого Лабиринта, Стронглав попросту сбежал. Надеюсь, перед этим он сожрал всех Тёмных, кто там вертелся в означенный момент. А может, его просто отпустили погулять...

Стронглав стоял, поглядывая на меня весьма хитро. Если бы он мог улыбаться — бля буду, улыбался бы.

Я в принципе всегда подозревал, что в Зоне самые умные шири — именно кровососы, а не общепринятые контролёры или бюреры. Последние притворялись умными спасения своего ради в экстренных ситуациях, а кровососы жили так, чтобы им не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Стронглав исключением не был, а скорее являлся даже показательным элементом. Хотя я бы отдал левое яйцо за то, чтобы не встречать его на своем пути. Никогда, а уж сегодня — тем более...

Стронглав стоял и смотрел. Это было уже страшно, потому что взгляд кровососа — нечто неопишное. Неразумный разум разумно на вас пялится — каково, а?!

— Это что за падла? — спросил сзади старенький генерал.

— Кровосос, — сказал я, передергивая затвор автомата.

— Кровь, что ли, сосет? — уточнил дедушка.

— Все сосет, — сказал я.

Старик заперхал, это он так смеялся.

— То-то у него пасть такая рабочая... — пробормотал он. — И что дальше?

— Да, похоже, ничего уже дальше, товарищ генерал, — сказал я, не сводя глаз со Стронглава. Черт, что ж творилось сейчас в головах у бедных пассажиров... Чудовище вида ужасного, щупальца болтаются, пошевеливаясь, да еще и здоровый, как автопогрузчик. Если мы его встретим плотным огнем... Да ничего не будет, если мы его встретим плотным огнем. Из подствольника дать — отскочит... Скомандовать пассажирам врасыпную? Кто-то удерет, но толку? Все равно в одиночку не выживут.

— Убить-то его можно? — спросил генерал деловито.

— Убить всех можно. Этого — очень трудно.

Стронглав поднял левую лапу, задержал ее на уровне груди, словно задумался, потом вяло уронил. Может, ему лень с нами возиться? Попугает и уйдет. Ага, Упырь, утешай себя. Кого-то кровосос попугал и ушел. Тем паче — Стронглав.

— Места уязвимые есть?

— Есть. Глаза. Башка. Но у него череп такой крепкий, что надо в упор из гранатомета, например...

Стронглав снова поднял лапу, почесал висок.

— Вот где он чешет — там у него в кости есть дырки, — зачем-то продолжал я объяснять генералу Дубову анатомию кровососа. — Мозг почти ничем не прикрыт, только оболочкой вроде плексигласа... Но не попасть ведь никак.

— Башка. В упор, говоришь, — задумчиво произнес генерал. — Эх, ноги-то болят как... Загребся я идти уже, если честно. Дай-ка мне, боец, пару гранат.

— Что?! — переспросил я.

— Пару гранат дай, — сердито зыркнув на меня, сказал дед. — Осколочные у тебя? Вот и давай.

— Зачем?!

— Сейчас увидишь. Русские офицеры не сдаются. — Дед быстро обмахнул себя крестом. — Давай уже, сука!

Я безропотно подал ему две осколочные «феньки».

— Чеки вынь, — приказал дед.

— Что?!

— Чеки. Вынь.

Я вынул чеки, они беззвучно упали в траву. Дед зажал гранаты в кулаках и пошел навстречу гигантскому кровососу, прихрамывая на левую ногу. На полпути он обернулся и ласково так сказал:

— Удачи, черножопище. Выведи остальных.

В очередной раз в жизни я не обиделся на такие слова. Особенно после того, как Стронглав с готовностью схватил подходящего к нему старичка, сжал огромной лапой (мне казалось, что я слышу треск сломанных ребер) и потащил к алчно шевелящимся щупальцам. Тут-то и сработали гранаты, которые дед выставил перед собой. Стронглав пошатнулся и взвыл: от нижней части его морды остались лишь кровавые лохмотья, да и сам череп как-то раздулся — наверное, ударная волна раздвинула кости. Мозг уцелел, но кровососу пришлось несладко. Уронив то, что осталось от старенького генерала, он по-старушечьи всплеснул лапами и попытался собрать голову, как было, но не очень преуспел, и в этот момент заработали наши автоматы, а Соболев ахнул из своего ружья. Стронглав задергался, по-прежнему больше обращая внимания на израненную морду, нежели на попадания, потом завопил еще сильнее и бросился прочь не разбирая дороги. Я надеялся, что он вскочит на

ходу в хорошую аномалию, но Стронглав успешно преодолел голый участок и скрылся за кривыми осинами и березками; его истошные вопли слышались и после того, как кровосос исчез из поля зрения.

Я мысленно пообещал себе поставить выпивку всем «Штям» за упокой души генерал-полковника Дубова, если получится в эти самые «Шти» вернуться. Дед помер красиво: на моей памяти даже многие лучшие сталкеры так не помирали.

Подходить и смотреть, что там с Дубовым, я не стал — видно было и отсюда. Две осколочные, как-никак. Да и хоронить некогда.

— Дедан — молоток... — сказал Аспирин, выщелкивая пустой магазин. — Жалко.

Сзади кто-то громко плакал, то ли женщины, то ли педики, то ли все вместе — я не стал оглядываться.

— Идем скорее отсюда на хрен. Вдруг вернется.

Пауль был прав — в самом деле, кровосос, да еще таких размеров и способностей, как Стронглав, вполне мог вернуться, чтобы страшно отомстить. Подвывания, правда, утихли вдали, но это не показатель. Повреждения ему нанесены серьезные, но далеко не смертельные, я вообще не знаю, что нужно сделать, чтобы угробить эдакую сволочь. Отделения челюстно-лицевой хирургии, конечно, поблизости нет, но Стронглав и сам справится с его-то способностью к регенерации. Не ровен час еще к Болотному Доктору пойдет на прием. Доктор чокнутый, он вылечит. Приходи ко мне лечиться и корова, и волчица, и... что там рифмуется с «кровосос»? Утконос?

— Быстро, быстро! — очнувшись, заорал я, словно фашистский надзиратель на лагерных узников в старых русских фильмах про войну. — Детей на руки! Уходим отсюда!

Мы трусцой двинулись вперед. Все молча, пыхтя и сопя, торопились покинуть жуткое место. Мелькнула мимолетно мысль, куда ж делась псевдоплоть и не схавал ли её Стронглав, но тут же закатилась куда-то в мозговой лабиринт — не до нее теперь, самым бы уйти без потерь.

— Вокруг смотрим! — крикнул Пауль.

Рядом с ним довольно спортивно двигалась капитан Заяц, держа мой пистолет в опущенной вдоль тела руке. Я поискал глазами снайпера, который лейтенант ФСБ (фамилию я уже забыл). Не успел найти, как он едва не врезался мне в спину.

— Аккуратнее! — рявкнул я.

— Извините.

Лейтенант, хоть и щуплый, темп держал не хуже капитана Заяц. Он явно что-то хотел сказать, и я подбодрил:

— Чего молчишь, офицер? Вижу, имеешь вопрос.

— Я вот что... Я, по идее, должен написать рапорт, когда мы вернемся.

— По поводу?

— Обо всем, что происходит. Разумеется, я подробно изложу все о подвиге... о поступке господина Дубова. Но я должен буду написать все и о вас. В то время как ваша группа, насколько я понимаю, действует здесь совершенно незаконно. Я постараюсь, само собой, изложить все события объективно, но...

— На здоровье, — сказал я. — Ты сначала выйди отсюда, а потом я тебе сам вручу тетрадку и авторучку: пиши, родной. Хоть в стихах. Только — я не понял, зачем ты мне все это говоришь?

— Я просто считал своим долгом предупредить... — Лейтенант на мгновение остановился и вскинул ружье. Выстрел бахнул к полуметре от моего левого плеча, я инстинктивно метнулся в противоположную сторону, сообразив, что снайпер не на меня покушался, а кого-то снял. Все заозирались.

— Простите, — сказал лейтенант виновато. — Мелькнул кто-то.

— Кто?!

— Не знаю. Я на движение среагировал.

— А если там человек был? — спросил я скорее интереса ради, потому что в Зоне правило: «Стреляй, потом разглядывай», спасло не одну сотню сталкеров. Впрочем, убило это правило столько же.

— Н-не знаю... — нервно буркнул лейтенант. — Давайте посмотрим?

Мы поотстали, я крикнул Соболу, чтобы шли потихоньку дальше, нагоним. Осторожно осматриваясь, мы с Воскобойниковым вошли в подлесок. Он аккуратно отвел рукой ветку, подломил, чтобы она не шлепнула меня по роже, и сказал с облегчением:

— Не человек.

Действительно, это был не человек. Зомби, достаточно потасканный, в ватных штанах и одном резиновом сапоге красного цвета. На груди — татуировка в виде заходящего солнца, морских волн с торчащей из них рубкой подводной лодки и надписи «Балаклава». Может, служил там. Или отдыхал.

— Зомби? — спросил деловито Воскобойников.

— Разбираешься, офицер. Он самый, — кивнул я. Пнул зомбака ногой, но тот не шевельнулся. Снайпер попал прямо в лоб, снес всю верхнюю часть головы, на траве была рассыпана скользкая каша — то, что осталось от мозгов... Кстати, вовсе не гарантия шлепнуть зомби, снеся ему голову. Это только в фильмах ужасов такое показывают, а я несколько раз наблюдал, как мертвец и без башки гонится, даже если не видит, куда идет. Натывается падает, но преследует. Попозже, правда, подыхает окончательно, но зрелище очень неприятное. Наверное, не в башке у них главное. Или не у всех в башке. Я сплюнул и повернулся к лейтенанту:

— Давай догонять. А про свой рапорт — забей. Чего хочешь, то и пиши, хоть смертной казни для всех требуй. Только давай сначала выберемся и людей выведем.

Мы вернулись на дорогу — или дорожку, если угодно — и поспешили вслед нашему крестному ходу.

— Кстати, про людей... — снова несмелым тоном заговорил лейтенант, стараясь идти со мной в ногу. — Вы серьезно возьмете деньги с этого... с газовика?

— А ты как думаешь, офицер?

— А я почему-то думаю, что не возьмете, — сказал он.

Я остановился и внимательно посмотрел на снайпера. Похожий на прилежного выпускника школы, пригласившего девушку в театр, он сумел сохранить костюм и во время аварии, и в процессе движения через Зону. Туфли, правда, были все в глине и траве, а поверх пиджака он надел толстую кожаную куртку, найденную среди раскиданного багажа. Сейчас куртка (размера на два больше, чем надо) была расстегнута, и из-под нее смешно свисал галстук.

— Слушай, офицер, — сказал я. — Деньги я с этого типа, разумеется, возьму. Потому что у него их в любом случае много, а у меня — мало. В сравнении с ним, конечно. Совершенно не вижу, почему бы мне не заработать, раз такая удача подвернулась. Все равно девать их ему некуда — яхту себе купит, замок или остров... или даже путевку космического туриста. А у меня, знаешь, кофеварка недавно сгорела.

— Значит, я ошибся, — сказал Воскобойников. Я мог поклясться, что в его тоне и глазах проскользнуло разочарование. Вероятно, я представлялся снайперу таким благородным лесным разбойником, который только и занят тем, что бродит по Зоне и ищет, кого бы бескорыстно спасти. Потому он меня и честно предупредил, что обязан все изложить. Мол, тоже благородный.

— Значит, ты ошибся, — подтвердил я с готовностью. — Кстати, Соболю с тебя еще сдерет за амортизацию ружья. Шутка. Давай догонять, а то мало ли что там без нас случится.

Но без нас не случилось ничего. Ни Стронглав, ни душевная наша подруга-псевдоплоть, ни еще кто-либо на отряд не напал, зато он уткнулся в кладбище и ожидал, пока мы вернемся.

— Что делать? — спросила капитан Заяц, опередив шагнувшего навстречу нам Аспирина. — Погост можно обойти, а можно пройти насквозь. Без вас не решились...

— Спокойно, капитан, — сказал я. — Сейчас мы сходим и посмотрим, что там за погост и кто на нем обитает.

Я, конечно, подустал, но пошел сам, с Сободем. Аспирин остался руководить возможной обороной и сожрать что-то из авиационных припасов, что все равно испортилось бы без холодильника. Он даже шампанское с собой попер, не поленился. Уцелело несколько бутылок при падении...

А ведь придется жрать ворон или крыс, подумал я, открывая слабо скрипнувшую металлическую дверь. Не хватит припасов.

Ограда у кладбища была что надо: ковали ее, видно, с любовью, на века сработали. Чугунная ограда, с шишечками и гербами. И гербы все разные — не гербы бывших союзных республик, видел я такие не раз, а настоящие, геральдические. Щиты, мечи, все как надо. Девятнадцатый век? Таковую никакими катаклизмами не сломить. Даже будочка сторожа торчала у входных ворот, вернее, ее остов. Само кладбище было гораздо запущеннее. Памятники еле проглядывали из-за разросшегося бурьяна, низкие кресты и вовсе не заметишь, пока ногой не врежешься.

В глубине кладбища сохранилось несколько часовен, чудом сохранилось, ибо, судя по датам на них, кладбищу было лет двести, не меньше. Одна была особенно примечательна: беленькая такая, из мрамора, что ли, над входом — барельеф ангелочка и эпитафия: «Остановись, прохожий, не обижай мой прах и помни, что я дома, а ты — в гостях». С ятами и ерами допотопными. Цветочки какие-то голубенькие перед входом. Сзади над часовенкой нависал огромный дуб, весь усыпанный желудями. А по бокам земля обвалилась на метр примерно. Получается, часовенка эта на корнях дуба только и держалась непонятно как. А вот там, где земля обвалилась, сквозь сплетение корней виднелись целые кучи костей. И журчало что-то. Странная такая братская могила с ангелочком... хотя, может, чума какая была, да и схоронили полдеревни под это дело...

Дальше пришлось продираться сквозь крапиву и розовые кусты, которые, видимо, кто-то посадил в незапамятные времена, а они разрослись на благодатной почве со страшной силой. За кустами роз открывалось страшное зрелище: здесь словно мародеры прошли — все могилы поразрыты, кости валяются...

Один скелет кто-то разложил аккуратно, заботливо обул в калоши резиновые. А рядом — вот оно, награбленное из могил — целая куча! Какие-то перстни, кольца обручальные, цепочки с крестиками, лежат себе на каменной плите чьей-то, а над ними... Эти деревья были какие-то неприятные, неправильные какие-то деревья. Сразу даже и не дошло, что не то. А когда доперло, то аж мурашки по коже побежали — они все вверх ногами, тьфу, то есть корнями росли. В принципе, если дерево зимой, к примеру, выдернуть из земли и перевернуть — то вроде разница невелика будет. Но это теоретически. А на деле... на деле корни что нависали сверху: страшные, голые, с мелкими нитевидными корневыми отростками, белесого цвета, мертвого такого. И самое мерзкое, что все эти личинки и прочие твари, которые там в корнях под землей водятся, все они вместе с корнями переехали наверх и кишели над головой всеми своими розовато-сизыми хитинами, ползали, оставляя склизкие следы.

— Херня-то какая, — сказал Сободе. — Пошли отсюда. Кладбище и обычное-то лучше не посещать, а уж такое... Рыжье брать не будем?

— Ну его к чертовой матери. Идем. Хотя... Погоди. — Я прислушался. Точно, через такие же розовые кусты, что остались у нас за спиной, кто-то пробирался. Примерно так к северо-востоку. Мутант?

Сободе развернул свое оружие, я предостерегающе поднял руку.

— Тс-с!

Сквозь треск доносилось бормотание, но это был не словесный понос псевдоплоти или говорящего зомби. Человек затейливо матерился, причем не просто так, а к месту: например, уколовшись о шипы, выдал очень сложное построение, которое услышал даже Сободе.

— Эй, там! Обзовись! — крикнул он.

В кустах затихло, потом тихий голос еще раз выругался и спросил:

— Мужики, вы, что ли, живые? Настоящие?
— Какие надо, — ответил я. — Тебе велели — обзовись. Иначе стреляем.
— Не стреляйте, мужики! — завопило в кустах. — Это же я, Скунс!!!
Мы с Собоком переглянулись и поняли, что сюрпризы для нас никогда не закончатся.

Глава двадцатая. Явление Скунса

Человек сидел на вывороченном могильном камне и, буквально трясясь, жевал питательный соево-зерновой батончик, презентованный Собоком. Изредка он опасливо поглядывал по сторонам, благодарно — на нас, шумно глотал и откусывал новый кусок.

Это был редкий обитатель Зоны по кличке Скунс. Редок Скунс был не тем, что чересчур вонюч (хотя и это было правдой, мылся он редко); дело было в другом — Скунс являлся бродячим торговцем. Он таскался по более-менее спокойным местам, если таковые в Зоне вообще имелись, и покупал-продавал-менял все, что попадалось. Курс у Скунса был свой, малопонятный — мог приобрести буквально валяющийся под ногами артефакт за внушительную сумму, а мог на какую-то редкость покачать головой — дескать, не надо нам такого добра.

Вместе со Скунсом обычно передвигались двое телохранителей. Иногда они менялись, в последний раз я видел рыжего коротышку по прозвищу Ганс и здоровяка, именуемого Гицель. Четвертым членом команды был носильщик — на редкость тупое существо, прозываемое Промокашка. Любопытно, что в обычном мире Промокашка в свое время занимал какую-то довольно высокую должность: уверяли, что он был директором крупной птицеводческой фабрики, но крупно проворовался и подался в бега. По своей уже упомянутой невероятной тупости и трусости в сталкеры он не попал, но его пригласил Скунс, питавший неясную страсть ко всяческим уродам. Промокашка таскал на себе весь Скунсов груз, а остальные двое его оберегали.

Но сейчас Скунс был совершенно один. Более того, голодный, оборванный, малость израненный и совершенно перепуганный.

— Упырь... — пробормотал он с идиотской улыбкой. — Упы-рик... Черненький ты мой...

Я, между нами, вовсе не против, если меня называет Упыриком или Черненьким кто-то из городских танцовщиц, женского обслуживающего персонала комендатуры и прочих служб для гостей нашего города опять же женского пола. Они такие забавные — им всегда интересно, все ли у меня черненькое...

Но чтобы Скунс...

— Давай теперь целоваться, — буркнул я, но Скунс не уловил иронии. Он проглотил последний кусок батончика и действительно полез с объятиями. Я его отпихнул. Скунс не обиделся.

— Ты чего здесь делаешь?! — спросил Соболю.

— Прятался, потом не смог больше, вышел. Думал, к Тёмным пойду, черт с ними, — объяснил Скунс, запоздало приводя себя в порядок. Его комбинезон буквально висел ключьями, потому он не особо преуспел.

— От кого прятался-то?

— В последний раз — от снарка. Еле-еле отогнал... патроны кончились, но он ушел.

— А где автомат твой? — спросил я.

— Там, в трубе валяется... — махнул рукой Скунс.

— В какой трубе?

— Так я в трубе прятался. Ну, такая... под шоссе. Бетонная. Говно по ней всякое стекает.

— И долго?

— А я считал? Посижу-посижу, задремлю... засну... Тёмно — значит ночь, светло — день, а там черт его знает. Припасы кое-какие были... Кончились... А

ребят моих того... Положили... И Ганса, и Гицеля... и Промокашка сгинул... хотя он, кажется, меня бросил и удрал, собака худая. Ладно, с ним-то я и потом разберусь.

— Кто положил-то?! — опешил я. Скунса при всех его омерзительных чертах принято было не трогать, вроде как юродивого, вместе со всей командой.

— Суки какие-то... — вздохнув, сказал Скунс. — Бандиты. А может, Тёмные и положили. С них станется. Еще и ПДА не работает, связи никакой... Ложись и помирай. Я и вылез: пойду, думаю, к ним, лучше пускай добьют, чем так вот, в трубе...

Скунс утерся рукавом и снова тяжело вздохнул. Печально эдак, с театральным надрывом.

— Пошли, ладно. А то там наши волнуются, — сказал Соболев.

— Какие еще ваши?! Так вы не вдвоем?! — удивился Скунс.

— Если бы... — мрачно проворчал Соболев.

Мы прошли обратно тем же путем, мимо скелета в щегольских калошах, мимо братской могилы, мимо руин будочки сторожа. Место, где валялось золотишко, я на всякий случай запомнил — вдруг так и пролежит, а я потом подберу, когда буду посвободнее. Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить!

Скунс приободрился, топая рядом, но когда увидел, сколько народу сидит возле входа на кладбище, выдал очередную матерную тираду. Я хотел было сказать, что здесь дети, но не стал — они по пути уже и не такого наслушались, пусть привыкают.

— Это еще кто?! — спросил Скунс.

— Это еще кто?! — спросила начальственным тоном капитан Заяц. Судя по всему, за мое недолгое отсутствие она нацелилась в комиссары отряда.

— Человек божий, — сказал я. — Обшит кожей.

— Здорово, Скунс! — радостно заорал Аспирин, оттеснив капитана. — Здорово, чувак! Ты чего тут?

— Да попал, бля... Потом расскажу. Прятался вот, видишь. Хорошо, на вас натолкнулся, — пояснил Скунс, неодобрительно разглядывая пассажиров. Один из гомиков заулыбался и приветливо помахал ему рукой, что Скунса окончательно добило.

— Ты где этот балаган насобирал?! — спросил он вполголоса. — Упырь, ты чё?!

— Самолет тут неподалеку упал, — скучным голосом сказал я. — Вот они все выжили. Веду их к Периметру.

— На хрена?!

— За бабки.

— А-а... — Скунс несколько успокоился. Решил, наверное, что с головой у меня более-менее в порядке, раз про деньги помню.

— Прятался, говоришь?! А жрал чего? — спросил Аспирин с неподдельным интересом. Жратва старину Аспирина всегда привлекала; прилети к нам инопланетяне на звездолете и попадись Аспирина на глаза, он в первую очередь поинтересовался бы, чего они жрали по пути и что жрут обычно дома. И нет ли у них чего пожрать с собой, а то он как раз малость проголодался. И Аспирина пригласили бы в звездолет, накормили, и он спустился бы по трапу «с во-от таким пузом!», и так человечество установило бы контакт. А еще скорее инопланетяне свалили бы с Земли, прикинув, что таких братьев по разуму хрен прокормишь.

— Чего я только не жрал, — развел руками Скунс. — Оголодал совсем...

Аспирин тут же протянул пластиковый контейнер с самолетным салатом. Скунс оторвал защитную пленку и зачерпнул салат пальцами, по которым потек майонез.

Некоторое время все смотрели, как Скунс ест; большинство с отвращением или интересом, Аспирин — с умилением. Вот, мол, как хорошо человек кушает! Во-от с таким пузом щас станет!

— Да, спросить хотел... — промямлил Скунс, облизывая ладонь. — Чего ПДА не работают?! А то я забрел куда-то, сам не понимаю куда, а посмотреть негде... Сломался, что ли? Дайте на секундочку свой, а?

— Не мороси. Звездец ПДА, — коротко объяснил Пауль. Скунс не удивился, выскреб пальцем зелененькую горошинку из уголка контейнера.

— Ничего, если я с вами? — спросил он. — Вы-то небось знаете, куда идете...

— Куда ж тебя девать... Все, привал окончен! Кладбище обходим! — велел я.

Все стали собираться, капитан Заяц подошла ко мне и поинтересовалась:

— А что там такое? Ну, на погосте?

— На самом деле ничего, кладбище и есть кладбище. Но место неприятное. Лучше обойти.

— Послушайте, как вы здесь вообще ходите, в этой Зоне? Это, наверное, очень опасно... Не каждый решится, нужно быть, наверное, особенным человеком, да?

Елки, да она со мной заигрывает! Определенно заигрывает! Если пацан-снайпер видел во мне благородного спасителя сирых и убогих, то капитанша, судя по всему, обаятельного бандита, который зубами рвет кровососов и соблазняет спасенных красавиц.

— Сегодня в Зоне довольно спокойно, если вам интересно, — сказал я. — И еще — вы не в моем вкусе, капитан. Не ценю я женщин в теле. Да и некогда, если честно.

— Вы о чем?! — изумилась она.

— Если я ошибся — прошу прощения. В любом случае проехали.

Заяц возмущенно фыркнула, поправила одеяния и отошла в сторону.

Обойти кладбище оказалось делом нелегким — тропинок никаких вокруг не было, сплошь заросли крапивы, в которых валялись ржавые остовы давно истлевших венков, фрагменты могильных оградок, всякий кладбищенский мусор типа бесцветных пластиковых цветов и битой стеклопосуды. Пробираться через эту полосу препятствий пришлось хитро: впереди Пауль, на время передавший бюреров профессору, и Скунс, вынужденный отрабатывать жратву и защиту, чистили дорогу. Далее следовали Соболь и Воскобойников, прикрывающие их в случае беды огнем, затем — пассажиры и следом все остальные, в том числе я.

Хотелось спать. От крапивы пахло солнцем, борщом и летом, деревья успокаивающе шумели, и я большим усилием воли отгонял дремоту, пытаюсь представить, куда идти дальше и где остановиться на ночлег. Необходимо было найти какое-то здание, хоть сарай... Всё-таки женщины, дети и раненый — сами-то мы под любым кустом можем, дело привычное. Тем более я чувствовал, что нам светит выброс. И, видимо, скоро. Я это еще возле упавшего авиалайнера почуял, а теперь предчувствие усиливалось...

Интересно, как там Бармаглот? Сейчас я ему даже позавидовал слегка: лежит себе в уютном домике, дрыхнет небось... Водяру потягивает. О ком ему беспокоиться, кроме себя? О нас разве что.

Ладно, господь с ним, с Бармаглотом. Надо думать, где квартировать. Отсутствие ПДА очень сильно мешало — местность вроде бы и знакомая, но кладбище это... Не помнил я тут никакого кладбища. Конечно, я не претендовал на стопроцентное знание Зоны и тем более этой ее части, но кладбище не припоминалось.

Я посоветовался с Аспирином.

— Слушай, чува-ак... — сказал тот задумчиво. — Кладбище я тоже не помню, ну и черт с ним, может, внимания не обращал, оно ж заброшенное еще до Зоны было. Но мне лично кажется, что тут деревенька была. К тому же кладбище далеко от жилья не делают, чува-ак.

— Это я и без тебя знаю, — досадливо отбрасывая повисший на крапиве букет пластмассовых ромашек, сказал я. — Вопрос в том, в какой стороне эта деревенька. Мы-то по дороге шли от оврага, по пути ничего не было даже отдаленно похожего.

— Дома вижу! — крикнул Соболь, прекратив тем самым наши рассуждения.

Мы вышли ко второму входу на кладбище. Он выглядел более цивилизованно — за забором угадывались довольно свежие могилы, в смысле, не допотопные-дореволюционные. А от ворот полого уходила вниз поросшая травой, но вполне угадываемая дорога, ведущая к утопающим в зелени крышам, ярко освещенным садыщимся солнцем.

Понятное дело, что там, где человек долго не живет, всегда стремится поселиться что-нибудь иное. К тому же слишком жизнерадостным своим видом деревенька доверия вовсе не внушала. Крыши проваленные, телеграфные столбы — покосившиеся, как и полагается, но

все равно она выглядела... слишком ярко, что ли. Чересчур приветливо. И ночевать в этой деревеньке мне не хотелось, ой как не хотелось. Даже с братьями-сталкерами не пошел бы я туда ночевать. Не то что с этим передвижным народным театром.

Что-то подобное испытывали и остальные.

— Там что же, неужели люди живут? — осторожно спросил Бернштейн.

— Жили. А может, и сейчас живут. Только уже не люди, — ответил Пауль. — Есть тут городок Припять, там такие на чертовом колесе катаются. И в кинотеатры ходят.

— То есть? — не понял Бернштейн. — Что вы имеете в виду?

— Нет там людей, — отрезал я. — Но деревня эта мне не нравится.

— Мне тоже, — покачал головой Пауль, снова принявший от профессора клетку с бюроерами. Я отметил, что Скунс с любопытством косится на брезент и прислушивается к исходящим оттуда неприятным звукам, но спросить пока стесняется.

— Но нам ведь нужно где-то ночевать, — сказал Бернштейн.

Его поддержала капитанша:

— Люди устали, Константин. У нас раненый, им необходимо серьезно заняться. На ходу всего не сделаешь.

— Я разве сказал, что мы не будем ночевать? — спросил я. — Вон там. Там будем.

Все усталились на кирпично-бетонную коробку чуть правее деревеньки, в низине. Черт их знает, что они там собирались строить до катастрофы — может, подстанцию какую, или коровник, или насосную станцию... Я не очень разбирался в аграрной архитектуре, но построить успели много, и здание выглядело внушительно, крепко. Стены, крыша, что еще нужно. Рядом стоял накренившийся бульдозер, чуть дальше — вагончик, в которых обычно живут строители, рядом с вагончиком — «КамАЗ» с бетономешалкой.

— Это же руины, — скривилась Заяц.

— Это не руины, а вполне приличное укрытие. Отелей с кондиционерами, гидромассажем и рестораном здесь нет. Если вам не нравится, отправляйтесь вон в деревню. Только оставьте мне адрес родных, я им потом напишу.

Мои слова если и не вразумили, то как минимум заткнули капитаншу.

— Ждите тут, — сказал я, но Аспирин замахал руками.

— Чува-ак! Ты гонишь! Дай-ка мы сходим вон с Паулем, а ты посиди, отдохни, постереги.

— Ага, — поддержал Пауль. — Не мороси, Упырь. На-ка тебе, чтобы не скучно было.

С этими словами он вручил мне клетку. Я пожал плечами и сел, прислонившись спиной к воротному столбу и слушая, как бурчат под брезентом бюроеры. Остальные тоже стали располагаться на минипривал, опасливо поглядывая вокруг. Ко мне подошел профессор, опустился на корточки. Как-то я его потерял из виду в последнее время, да и неудивительно — слишком много народу вокруг, я к такому в Зоне не привык. Не успеваешь всех в голове и тем более в поле зрения удерживать.

— Как они там? — спросил заботливый Петраков-Доброголовин, щелкнув толстым пальцем по брезенту.

Я заглянул внутрь — на меня уставились четыре злобных глазика.

— Живы.

— Хорошо, — сказал профессор. — Это хорошо. Может быть, их покормить пора?

— Потерпят, — махнул я рукой. — Не сдохнут.

— А кто там у вас? — не выдержал Скунс, прислушивавшийся к нам. — А кофеварка зачем прикручена?

— Не твое дело, — сказал я.

— Да ладно тебе, Упырь! Вижу ведь, поймали кого-то. Сдохнут же.

— Не сдохнут.

— Как хочешь, — обиделся Скунс и вроде бы задремал. Я и сам прикрыл глаза. Стало тихо, спокойно, садившееся за холмы солнце приятно пригревало, совсем рядом еле слышно перешептывались спасшиеся пассажиры... Все это убаюкивало, и я встряхнул головой. Потом достал флягу, отвинтил крышечку, сделал несколько глотков. И напрасно: видимо,

эти пятьдесят граммов спирта стали той соломинкой, которая сломала спину верблюда. Стоило мне снова всего на мгновение закрыть глаза, как я погрузился в сон. И спал, казалось, долго-долго, пока меня не разбудил истошный визг.

Глава двадцать первая. Перепеленка

Визжала мама Ирочки. Та самая блондинка, что чуть не влетела в «жгучий пух» возле самолета. С тех пор она вела себя прилично, и я уже совсем забыл о том инциденте. Ни дети, ни родители на последнем переходе не шумели, я подсознательно свыкся с мыслью, что они прекрасно понимают, что не в лесу на шашлыках. Бабочек ловить не побегут.

Я смотрел на нее, протирая слипшиеся глаза, а Соболев держал маму за плечо, периодически встряхивая, и рычал:

— Ты слышал, что эта сучка говорит, а?! Ты слышал?!

— Стоп. Что случилось?

— Ирочка! Ирочка моя... потерялась! — прорыдала мамашка. Я хотел уточнить, когда и как, но блондинка забилась в истерику, и Соболев поволок ее прочь, бросив мне:

— Погулять она ее отпустила, а сама краситься села! Тварь... убил бы!

Я резко сел, покрутил головой, так, что хрустнули шейные позвонки, и начал медленно наливаясь злобой. Это про таких абсолютно точно было придумано: «Скажи отцу, чтоб впредь предохранялся». Чертова барби! Краситься ей вздумалось. В Зоне! Для кого, интересно?!

— Я расскажу, — сухо сказала другая мама, мальчиков Бори и Сережи с разбитыми носами. Ну, та, что похожа на строгую жабу из мультфильма.

— Рассказывайте, — кивнул я, безуспешно пытаюсь проморгаться со сна.

— Там особенно нечего рассказывать. Меня, кстати, зовут Вероника Сергеевна.

— Очень приятно, Константин.

— Я в курсе, — поджав губы, известила Вероника Сергеевна. — Так вот, Марина отпустила Ирочку погулять, сама... м-м... занялась внешностью. Ирочка играла с Борей и Сережей у меня на виду, я с Борей отошла, ему захотелось в туалет, а потом подошел Сережа. Он сказал, что Ирочка ушла.

— Куда ушла?

— Он не знает. Она звала Сережу и Борю с собой, но у меня воспитанные мальчики, они не решились без спросу. А когда Сережа подошел спросить разрешения, Ирочки уже не было, — развела руками жаба.

Я огляделся — Аспирин с Паулем еще не вернулись, да и, судя по солнцу, спал я минут пять. Десять от силы. Ребенок не мог уйти далеко, хотя...

— Серый, иди-ка сюда, — позвал я пацана. Тот послушно подошел. Я опустил на корточки и взял его за плечи.

— Слушай, Серый. Вспомни, что Ирочка говорила. Куда она хотела пойти?

— Она не сказала, — серьезно глядя на меня, сказал Сережа. — Она говорит, пойдем со мной. Я говорю — нельзя, мама сказала далеко не уходить без взрослых. Она дразниться начала — «забоялись!».

— «Трус-трус-белорус» говорила! — обиженно влез Боря. — А я не белорус, я украинец!

— Отстань! — оттолкнул его Сережа.

— Серый, постарайся вспомнить, — настаивал я. — Это очень важно. Что она еще говорила?

— Я слышал, я! — опять втиснулся Боря. — Дядя негр, она говорила, что к дедушке пойдет!

— К какому дедушке?! Почему ты не сказал сразу?! — воскликнули мы одновременно с мамой-жабой Вероникой Сергеевной.

— А меня не спрашивали... Вон Сережка влез и говорит, меня никто не спросил... — мстительно поведал Боря.

— Говори скорее, что за дедушка! — рявкнул я, отпуская Сережу и хватая Борю. Боря не испугался.

— А автомат дадите подержать?

— Дам!

— Дедушка в пальто. Он из леса вышел, в деревню позвал. Говорит, там у него домик. Ирочка нас звала в домик, Сережка пошел у мамы разрешения спросить, а они без нас ушли. С дедушкой.

У меня опустились руки. За спиной присвистнул Соболев; я обернулся и увидел, что золотистоволосая Марина валяется у ворот без чувств.

— Не сдохнет, очухается, — безжалостно сказал Соболев. — Угробила дочку, сука.

— Что происходит? — тут как тут появилась капитан Заяц.

— В самом деле, объясните. Может, еще не поздно... — Это был уже профессор. — Почему сразу «угробила»? Прошло совсем мало времени, и мы можем...

— Излом ее забрал, — с готовностью объяснил Соболев, прервав Петракова-Доброголовина. — Так что искать уже никого не надо.

Вероника Сергеевна заплакала, даже не спросив, кто же такой этот Излом. Захлюпала и бойкая капитанша, чего я, признаться, не ожидал.

— Может быть, всё-таки не поздно? — спросил печально лейтенант Воскобойников.

Я молча взглянул в направлении недостроенного здания. Аспирин и Пауль шустро поднимались по склону холма; Аспирин, заметив, что я смотрю, помахал рукой. Видимо, со зданием все в порядке.

— Автомат давай, — велел Боря, дергая меня за штанину.

— Потом! — отмахнулся я.

Боря возмущенно засопел и с видом: «я так и знал, что надуют», отошел в сторонку.

— Так, — сказал я. Помолчал, повторил: — Так. Офицер, ты за старшего — пока Аспирин не подойдет. Любого, кто не наш, если выйдет из лесу или с кладбища, — вали без предупреждения. Понял? Человек, не человек — одна малина.

— Так точно, — отозвался Воскобойников. Он, кажется, обрадовался, поняв, что мы всё-таки собираемся отправиться на поиски Ирочки. — Может, я тоже с вами?

— Сидеть, — грубо одернул его я. — Сами разберемся. Если через... через сорок минут нас не будет, пусть Аспирин уводит вас. Соболев, давай-ка на всякий случай проверим эту деревеньку.

— Пошли, — просто сказал Соболев.

Мы спускались по дороге. Я машинально поддел ногой какой-то валявшийся в пыли сельскохозяйственный штырь, потом так же машинально заметил справа от дороги небольшой и на редкость красивый «каменный цветок». Подбирать не стал — радиации и без него хватает, а защита от пуль и аномалий меня в данный момент волновала в очень незначительной степени.

— Смысла идти, конечно, нету, — сказал Соболев как будто сам себе.

— Да я тоже сначала так подумал. Но Излом — тварь неожиданная.

— Это ж ребенок...

— Кто его знает. Излома то есть. С ним можно договориться.

— Сталкеру. А это — ребенок, Упырь. Он ее жрет уже, сам ведь знаешь. Косточки обгладывает...

— Видишь ли, Соболев, а если он ее специально увел? Если ему от нас что-то нужно?

— Думаешь?

— Все может быть...

Я перешагнул неширокую глинистую промоину, в которой валялся еще один «каменный цветок». Эльдорадо, поди ж ты. А если тут вокруг пошарить?

— Если бы он вышел прямо к нам, мы бы его опознали. И завалили бы, понятное дело. Если бы он попытался докопаться до кого-то из пассажиров — те тоже не дураки, понимают,

что кто попало по Зоне не ходит, нас бы позвали. Потому Излом поступил хитро — подманил девочку.

— И увел в деревню?

— Пацан же сказал, что в деревню. Домик у него там, у мудака паршивого...

— Проверим. Хорошо, если так.

— Еще неизвестно, что ему нужно...

Деревенька тем временем приблизилась. Вернее, мы приблизились к деревеньке.

Самый крайний дом стоял отдельно — на хуторе. Аккуратный штaketник с блестящими шляпками гвоздей. Новенькие крынки висят на штaketнике, типа сушатся. Калитка приветливо распахнута, за ней дорожка — присыпана чистым песочком, выложена по краям ровными булыжниками. Ведерко у колодезного сруба, блестящее цинковое. Наливные яблочки на ветвях в ухоженном садике. Веранда свежеокрашенная, на ней — кресло-качалка с пледом через подлокотник. Хорошо иметь домик в деревне! Травка на хуторе была ровненько подстрижена, и за штaketником тоже — примерно на метр. Словно кто-то склеил модельку хутора из набора для железной дороги — бывают такие, для любителей, и поставил сверху. Вокруг — сплошное сорняковое буйство, примерно как крапивная оккупация вокруг кладбища. Причем ощущение было, что все известные виды сорняков злобно рвались на территорию хутора, наседая друг на друга, переплетаясь корнями, побегами, плюясь спорами и что там у них еще бывает. Трехметровые стволы борщевика оплетали какие-то красно-бурые лианы, репейник торчал впережку с камышами.

Я помню примерно такую же историю, когда мы с Аспирином шарились по хуторам в поисках... не важно чего. У одного дома стены лежали на все четыре стороны. Натурально — каждая стена словно упала наружу. Крыша при этом непонятно куда делась. Только фундамент невысокий стоял, бетонный, досками покрытый. Доски причем свежие. И коврик на полу, такой самотканый, деревенский. Как новенький, между прочим. Сбоку от коврика — дыра в погреб. Крышки от погреба тоже нигде не видно. А в погребе на полках — бутылки и банки. Соленья всякие, огурчики-помидорчики, грибочки. Аж слюнки потекли. И пересохли тут же — когда там зашевелилось, в погребе этом, заворочалось что-то. Поэтому Аспирин быстро бросил вниз гранату, и мы отнюдь не стали дожидаться, чтобы посмотреть, что из этого получится.

Конечно, и в этот красивенький дом мы с Сободем соваться не стали. А вот остальные дома в деревне были нормальные. Ну, в том смысле, что какими они должны были стать после стольких лет: покосившиеся развалюхи с гнилыми крышами, обвалившимися кирпичами, заросшими напрочь бывшими огородами. Хотя все равно то там, то здесь попадались неожиданности — из осыпающейся штукатурки торчала блестящая, словно новенькая арматура, жизнерадостным рядом стояли глиняные горшочки, чистенькие, словно их только что протерли влажной тряпочкой. Улица, которая шла между домами, тоже на удивление не заросла бурьяном. Даже колеи были видны, от телеги, правда. А сама телега стояла в конце улицы. Тоже с таким видом, словно ее вот только загрузили новыми крынками, чтоб на базар свезти. Гончары здесь жили, что ли? Ничего такие горшки, красивые. Сейчас таких уже не делают.

И тут я услышал голос.

Унылый женский голос, который монотонно, совсем без выражения и даже намека на ласку, пел:

Баю-бай, баю-бай,

Ты, собачка, не лай,

Ты, собачка, не лай,

Нашу Машу не пугай.

И в дудочек не гуди,

До утра не разбуди.

А прийди к нам ночевать —

Нашу Машеньку качать.

*Баю-бай, баю-бай,
Ты, собачка, не лай.
Белолапа, не скули,
Нашу Машу не буди.
Ночка темная, не спится,
Наша Машенька боится.
Ты, собачка, не лай,
Ты мне Машу не пугай!*

Мне стало не по себе. Голос на мгновение прервался, после чего так же уныло и монотонно завел:

*Наша перепёлочка
Старенькая стала,
Ты ж моя,
Ты ж моя
Перепёлочка...*

— Блин, — сказал Соболь. — Может, кто-то с самолета? Ушла баба с места аварии, с ребенком... Сюда забрела.

Маловероятно, но могло и такое случиться. Я прислушался — пели в ближайшем доме, некогда солидном, сложенном из силикатного кирпича, но ныне полуразвалившемся. Я прокрался вдоль стены и осторожно заглянул через окно внутрь. При ближайшем рассмотрении это оказался уже и не дом, а просто четыре стены с выгоревшей крышей и сломанными внутренними перегородками. Посередине горел костер, над которым на рогульках висел котел, сделанный из обрезанной металлической бочки, с ушками из стальной толстой проволоки. На стуле у огня кто-то сидел — видимо, это и была женщина, поющая колыбельную, потому что больше я не увидел никого.

Соболь сделал мне знак — «входить?». Я покачал головой и присмотрелся — нет, действительно в доме больше никого не было.

*А у перепёлочки
Заболели лапки,
Ты ж моя,
Ты ж моя
Перепёлочка...*

Я показал Соболю — «давай». Он вошел внутрь, заняв место в углу. Женщина не обратила на его появление никакого внимания, продолжая свою страшную колыбельную:

*А у перепёлочки
Заболели детки,
Ты ж моя,
Ты ж моя
Перепёлочка...*

Я вошел следом и аккуратно, стараясь не попадать на линию возможного огня Соболя, обошел стул. Так я и думал.

Осыпавшиеся с желтого высохшего черепа остатки волос. Пустые глазницы, в которых копошилось что-то мерзкое. Безгубый рот, старательно выговаривавший слова песни:

*Ты ж моя,
Ты ж моя
Перепёлочка,
Ты ж моя,
Ты ж моя
Невеличка...*

Слава богу, вместо ребенка на руках зомби держала куклу, замотанную в яркие тряпки. Мерно покачиваясь, женщина продолжала петь. Я показал Соболю, чтобы держал ее на прицеле, и заглянул в котел. Там, в вонючей жиже на самом дне, плавала человеческая рука с остатками рукава клетчатой рубашки и часами.

— Мочи ее, — сказал я. Соболев выстрелил из своего заслуженного геринговского ружья, голова зомби разлетелась сухими осколками, и женщина лицом — а вернее, тем, что осталось от лица, — вниз повалилась в костер.

— Бля-а... — протянул Соболев. — Никак не привыкну. Может, не надо было ее валить, а?

— Может, и не надо, — пробормотал я. — Но лучше надо. И давай-ка мы отсюда сами потихоньку валить. Не верится мне, что эта нянька тут одна...

— А Излом?

— Здесь-то его нет. А где один зомби, там и другой. Кладбище все ж не так далеко, мнится мне, они оттуда сюда и ползают в поживушки свои играть...

Соболев подошел к котлу и тоже заглянул внутрь, отмахнувшись от вонючего дыма — завяленная плоть зомби уже начинала гореть.

— «Вашерон Константин». Хорошие часы. Дорогие.

— Вылови, — предложил я.

— На хрена они мне... — Соболев ногой перевернул котел, варево зашипело, заливая угли. Завоняло еще сильнее, я отвернулся и увидел Излома.

Он, наверное, давно уже наблюдал за нами. В традиционном клеенчатом плаще (где они их берут, интересно?!), сжимающий рукой девочку, стоящую рядом. Ирочка от шеи до колен умещалась в огромном кулаке, но Излом, похоже, не делал ей больно: просто держал. Глаза девочки были полны слез.

— Здравствуйте, — с достоинством сказал Излом. — Прежде всего прошу вас опустить оружие. Вы прекрасно понимаете, что мне достаточно сжать кулак, и ребенок погибнет. Конечно, вы можете выстрелить раньше. Вернее, можете подумать, что имеете шанс выстрелить раньше. Но, во-первых, я могу чисто рефлекторно сжать кулак, будучи застреленным. А во-вторых, вы не знаете, сможете ли меня опередить. Всё-таки у меня другая физиология. Или нет. Но вы-то ничего не знаете наверняка.

Чертов монстр был, вне всяких сомнений, прав. Я молчал, не опуская автомат. Соболев тоже молчал, слышалось только шипение угасающих угольков и тихий скулеж Ирочки.

— Что тебе надо? — спросил я наконец, прикинув, что молчание чересчур затянулось. Почему-то Излом хотел, чтобы разговор продолжили мы — или не знал, что потребовать, или поболтать ему хотелось, уроду... Кстати, выглядел он и в самом деле уродливо. Бог с ней, с гипертрофированной рукой: у Излома были выпученные глаза без ресниц, толстые синеватые губы и клочковатая борода, пучками торчащая из покрытой лишаями и гнойниками челюсти.

— Я еще не придумал, — сказал Излом, копаясь в бороде свободной рукой. — Но скорее всего что-нибудь такое, что вам не очень понравится.

Глава двадцать вторая. «Нива» и псы

Лейтенант Альтобелли шел вперед, понимая, что совершает глупость. Колумбия бросил его. Сказал, что вернется к месту нападения на группу и вызовет помощь, включив аварийный маячок. Альтобелли знал, что Колумбия ничего не включит, а прямым ходом направится к Периметру и уже там врубит маячок. Вот только не факт, что он ему поможет — сам по себе военный сигнализатор вещь не такая уж редкая, он доступен тем же сталкерам, бандитам, да вообще кому угодно. Конечно, их группу ждут обратно, но... ждут ли ее?

Препятствовать военному сталкеру лейтенант не стал. Зачем? У него были свои планы, у Колумбии — свои. Группа как таковая все равно накрылась, и справиться в одиночку Альтобелли имел шансов ничуть не более, чем вдвоем.

Лейтенант едва не споткнулся о крупную «медузу» и чертыхнулся. Мысли подобрать артефакт у него даже не возникло — лейтенант, хотя и часто имел дело с этими штуками,

старался без нужды к ним не прикасаться. К тому же лишний груз был ему совершенно ни к чему.

Он посмотрел на карту. Так, вот искомый ориентир — триангуляционная вышка на холме. Значит, нужно взять немного северо-западнее... Лейтенант свернул с тропы и пошел по старой пахоте, которую много лет назад развалил тракторный плуг, но никто ничего посеять в нее уже не успел. Несмотря на многолетние дожди, замывшие глубокие борозды, идти было тяжело, но Альтобелли решил не сворачивать с курса без особой нужды, выбрав точку направления — некое сельскохозяйственное орудие, стоявшее на дальнем краю поля, у лесополосы.

Лейтенант вспоминал, как в первый раз приехал сюда, подписав долгосрочный контракт. Шесть лет назад? Нет, чуть меньше. Он сменил другого итальянца, Россано, который возвращался домой. Сидя в маленьком уютном баре комендатуры, Россано пил траппу и говорил:

— Парень, лучше бы ты отправился в Африку. Знаешь, с черными значительно проще. У меня там служит брат, он говорит, что всего и делов-то: присмотреть, чтобы они не крали жратву со складов гуманитарной помощи, а когда эту помощь раздают — чтобы не убивали друг друга больше, чем разрешено инструкциями. Хочешь, я замолвлю за тебя словечко? Будешь жрать бананы и хватать за задницы черномазых девчонок где-нибудь в Могадишо или Хараре.

Альтобелли хрустел новенькими ремнями портупеи и мялся, не зная, как объяснить, что он не хочет в Африку. Альтобелли хотел сюда, в Зону, и в армейской сумке, которую он привез с собой, были все переведенные на итальянский романы о Зоне. Разумеется, лейтенант прочел и уйму научной литературы: чего-то не понял, в чем-то более-менее разобрался, но усвоил притом главное — ученые не знают о Зоне ровным счетом ничего, пусть даже делают вид, что они на верном пути. Ученые всегда врут, что они на верном пути. Нужно ведь им чем-то заниматься.

Беллетристы тоже ввали, но хотя бы не делали при этом вида, что кладут себя на алтарь человечества.

— Понимаешь, парень... Луиджи, да? Так вот, Луиджи, когда ты в первый раз перейдешь Периметр, ты сразу поймешь, что я тебе хотел сказать, — бубнил Россано, звеня горлышком бутылки с граппой о стакан. — Я подобное чувство испытывал только на приеме у проктолога, когда в училище поступал и медкомиссию проходил... Вижу, ты меня не слушаешь, — с горечью заметил Россано, отхлебнув глоток. — И правильно делаешь. Через это надо самому пройти, а не слушать других. Но главное, парень, — лазай туда как можно реже. Используй любую возможность, чтобы не попасть за Периметр. А если попадешь — старайся как можно скорее оттуда свалить. Потому что я завтра уезжаю, но чувствую, что ОНА едет за мной...

На следующий день Альтобелли помог Россано загрузить вещи в джип, следующий на вокзал, а вечером попросился в патрулирование за Периметр. Что он мог сказать? Насчет проктолога Россано был стопроцентно прав...

В прошлом году Альтобелли был в отпуске у себя дома, в Триесте, и встретил еще одного сослуживца, который рассказал, что видел Россано. Тот, выйдя в отставку, открыл в Парме пекарню и процветал. Странно — Альтобелли ожидал услышать, что с Россано случилось нечто куда менее приглядное. Видимо, Зона за ним так и не доехала.

До истечения контрактного срока лейтенанту оставалось четыре месяца и двенадцать дней. Он аккуратно зачеркивал даты в настенном календаре, каждое первое января вешая новый рядом с закончившимся. Наверное, он мог бы попросить Колхауна послать не его, а кого-то из новичков. Вполне возможно, капитан бы даже согласился...

В раздумьях и механическом движении вперед Альтобелли не замечал, что у него появились попутчики. Параллельно, метрах в ста справа, бежала небольшая стая слепых псов, не приближаясь к лейтенанту, но и не удаляясь. Псы не видели в человеке ни испуга, ни враждебности и потому были весьма озадачены.

Это была юная стая — вчерашние щенки, ведомые таким же молодым псом. Старики давно уже набросились бы на человека или ушли бы в поисках иной добычи. Но эти были глупы и голодны, а потому продолжали бежать через заброшенную пахоту. И если бы не стая ворон, копошившаяся в старых бороздах, на которую хрипло гавкнул один из псов...

Лейтенант мгновенно обернулся на лай и дал короткую очередь — просто так, на слух, потому что знал, что при соприкосновении с псами размышлять не рекомендуется. Телепаты, обладающие зачатками разума, слепые псы зачастую предпочитали не связываться с огнестрельным оружием, благо в Зоне хватало менее опасной добычи. Справиться с псевдоплотью или кабаном, набросившись всей стаей, значительно проще, чем потерять половину ее еще на подходе.

Но это были молодые и глупые псы, и они так же мгновенно помчались к стрелявшему.

Альтобелли огляделся — до края поля было рукой подать, а выбранный им ориентир оказался накренившимся на спущенных баллонах зерноуборочным комбайном с еще заметной надписью «Нива» на бункере. Лейтенант побежал к нему, спотыкаясь и понимая, что главное сейчас — не упасть.

Собаки прыгали через борозды, но фору в сто метров отыграли как раз в тот момент, когда лейтенант взбежал по ржавой лесенке и захлопнул за собой дверцу кабины. Спустя восемь-десять секунд вожак врезался мордой в стекло, с визгом отлетел назад и скатился по дырчатым ступенькам вниз, сбивая своих лезущих за добычей соплеменников.

Альтобелли закрылся изнутри, используя автомат как засов. Теперь можно было отдышаться. Лейтенант уселся на истлевший дерматин кресла и сделал пару глотков воды из фляги. Видно было, как внизу бегает туда-сюда псы, поднимая уродливые морды и слепо глядя на Альтобелли.

— Не дождетесь, — сказал лейтенант по-итальянски, закрутил крышку фляги и обернулся, чтобы проверить, надежно ли закрыта дверь. Опираясь лапами о стекло, на площадке снаружи стоял вожак и скалил желтые кривые зубы. Можно было пристрелить его в упор, но это означало разбить стекло, чего делать не стоило. Псы были слепы, и для них стекло было такой же преградой, как и железо.

Отстрелять их отсюда, сверху? Нет, лучше подождать. Патроны тратить попусту смысла нет, может, покрутятся вокруг и уйдут.

Альтобелли понадежнее закрепил автомат и сверился с картой. С такой высокой точки, как кабина комбайнера, он видел далеко, но только вперед и влево. Впереди уходила вдаль лесополоса, посаженная по краю поля, слева было само поле, по которому лейтенант еще недавно шел, вспоминая свой разговор с Россано. Лейтенант представил, что было бы, заведи он комбайн. Как из трубы вырвутся выхлопы солярного дыма, как завибрирует под ним жесткое кресло на пружинном амортизаторе, как закрутятся валы, как завизжат собаки, не успевшие отскочить и перемалываемые металлическими зубьями шнеков...

Неплохо бы проверить, подумал Альтобелли. Говорят, в Зоне иногда работают совсем уж древние механизмы, которые сожрала коррозия. Здесь бывают места, где есть электричество, которое никто не вырабатывает. Есть места с телефонной связью — вот только говорить по ней не с кем, а те, кто с кем-то все же говорил по неожиданно зазвонившим в пустых квартирах телефонам, иногда сходили с ума.

Сам лейтенант ни с чем подобным не сталкивался, относя к легендам, но сейчас он попытался сообразить, как может запускаться вот такой зерноуборочный комбайн. Чем черт не шутит. Ключа зажигания у комбайна, понятное дело, нет — это не джип. Тогда... Тогда, возможно, вот этот рычажок?

Альтобелли пощелкал — безрезультатно. Улыбнулся сам себе: ишь, захотел уехать от слепых псов с комфортом, разве что кондиционера и стереосистемы не хватает... Оглянулся через плечо — вожак все так же стоял, безмолвно прижав отвратную морду к стеклу, по которому стекали мутные струйки слюны. Лейтенант снова с трудом подавил желание пристрелить тварь. Еще раз щелкнул рычажком на облезшей приборной панели и сам не поверил, когда в недрах огромной машины что-то с усилием провернулось.

Глава двадцать третья. Бернштейн и Эйзенштейн

Я, скосив глаза, посмотрел на часы — прошло всего около двадцати минут. В то, что Аспирин просто так уведет отряд по истечении отпущенного мной срока, я не верил. Скорее всего он максимум устроит людей в проверенном здании — если там все в порядке — и с кем-то придет нас искать. Если ему воспрепятствует профессор, Аспирин его может пристрелить. Или это сделает Пауль.

— Вы смотрите на часы, — сказал бдительный Излом. — Вас ждут товарищи, и вы надеетесь, что они придут к вам на помощь. Надеюсь, вы понимаете, насколько глупо на них надеяться в сложившейся ситуации.

С этими словами он чуть-чуть сжал кулак, Ирочка еле слышно вскрикнула. Я понадеялся, что у Соболя нервы выдержат.

— Что тебе надо?! — повторил я. — Не верю, что ты заранее не придумал.

— Разумеется. Разумеется, я придумал заранее. Я достаточно давно за вами наблюдаю.

Излом прикрыл один глаз. Говорил он с интонациями ученого человека, мудрого старца, хоть и был похож на бомжа. Наверное, профессору Петракову-Доброголовину было бы весьма любопытно с ним побеседовать.

— Но я не решил, что для меня интереснее. У меня, знаете ли, несколько вариантов. И я не знаю, какой предложить.

— А почему бы тебе просто не отпустить девочку и нас вместе с ней? — предложил Соболю. — Мы не будем стрелять. Просто разойдемся, и все. Мы не знали, что тут твоя территория.

— Это не моя территория, — покачал головой Излом. — Это вы, люди, привыкли все делить на кланы, на территории... Здесь все значительно проще.

— Тем более, — сказал я. Черт, он в самом деле рассуждает совершенно по-человечески... Бывший сталкер? Имеются и такие варианты насчет Изломов... — Ты... ты был членом клана? Какого?

Излом тихонько засмеялся.

— Так я вам и сказал, даже если бы и был...

Он снова легонько сжал кулак. Девочка застонала. Излом напоминал, кто здесь хозяин положения, и был прав. Мы тоже молодцы — на совесть давить начали, выспрашивать черт знает что...

— Ладно, хватит философствовать, — сказал я решительно, глядя на две слезинки, стекающие по грязным щечкам Ирочки. — Быстро говори, что тебе надо.

Излом глубоко вздохнул. Если бы речь шла о человеке, я подумал бы, что он волнуется или стесняется.

— Бабу бы.

Интонация была просительно-скромной, и я с трудом удержался, чтобы не потрясти головой — не ослышался ли. Сомнения развеял Соболю, с удивлением спросивший:

— На хрена тебе баба, угребище?!

— Во-первых, — не теряя достоинства, произнес Излом, — я уже говорил вам, сталкеры: у меня другая физиология. Или не другая. Но вы-то ничего не знаете наверняка. Во-вторых, баба в Зоне — хороший товар. Потому что бабы сюда не ходят. А у вас их много. Я прошу всего одну, только взрослую, потому что эта, — он встряхнул кулаком с Ирочкой, — мне без надобности.

— Чего, и на этой Зоне тоже педофилов опускают по полной?

Соболю злил Излома, а это было неправильно. Но Излом не разозлился и не обиделся, хотя смысл сказанного, несомненно, понял. Видимо, он действительно был когда-то человеком, да и сейчас на сколько-то процентов им оставался.

— Я сказал, что мне нужно. Думаю, сделка разумная. Да, Упырь?

Черт. Эта тварь даже знала мое погоняло! Видимо, изумление отразилось на моем лице, потому что Излом добавил:

— Ты приметный. А я — внимательный. Ты правильно сказал, Упырь, — хватит философствовать. У меня — ребенок, у вас — баба. Один из вас остается тут, другой идет и приводит бабу. Понимаю, что сразу не решите, кого именно отдавать, потому даю полчаса времени. Кто из вас остается?

— Иди, Упырь, — сказал сзади Соболь. — Ты там скорее раз берешься. А я с ним за жизнь перетру пока.

Соболь был прав. Я аккуратненько, чтобы не нервировать Излома, повесил на плечо автомат. Мутант не протестовал, лишь напомнил:

— Ты только не забывай, Упырь: устроишь штурм — ребенок умрет. Я не злой, я просто предупреждаю и беспокоюсь о себе. Как и люди.

— Не будет никакого штурма, — пообещал я, хотя даже не представлял, что буду делать дальше. Конечно, в идеале следовало отдать на потеху Излому маму Ирочки — черта с два меня бы кто из братвы осудил, но все упиралось в пассажиров. Двоих из которых я притом вооружил своими, так сказать, руками.

Я вышел из развалин и пошел к холму, на котором располагалось кладбище. Солнце еще не село, но до сумерек оставалось совсем немного. Поэтому я побежал.

Каково же было мое удивление, когда на холме я никого не обнаружил. Видимо, они всё-таки перебрались в недостроенное здание, чтобы не торчать тут у ворот на потеху, скажем, зомби... А что, разумно. Оценив командирские действия Аспирина, я развернулся и поспешил вниз.

Миновав бульдозер и ветхий вагончик, я поднялся по железобетонному крылечку и вошел внутрь, остановившись на пороге. Они в самом деле оказались там. Помещение, конечно, не ахти — обычная кирпичная коробка, в углу — ржавый сварочный аппарат, пара железных бочек, брошенный кем-то в незапамятные времена молоток, тряпье и строительный мусор, и на куче этого мусора — Аспирин и Пауль со связанными руками. Профессора связывать не стали по причине общей жирной безобидности, но кобура, где раньше помещался «стечкин», была расстегнута и пуста.

— Входите, Константин! — скомандовал знакомый голос. — Входите-входите, иначе я вынуждена буду применить насилие. Поднимите руки!

Проклиная себя за то, что сунулся вот так напролом, а не догадался хотя бы предварительно заглянуть, я сделал пару шагов и послушно поднял руки. Расклад сил был понятен с первого взгляда: против нас троих были вооруженные капитан Заяц, Бернштейн, тощий тип и снайпер Воскобойников. Остальные сгрудились в углу, представляя, видимо, нейтралов. Посередине в жестяном корытце, заляпанном окаменевшим цементом, горел небольшой костер, освещающий помещение.

— Что там происходит? — участливым тоном спросила капитан Заяц, направив на меня аспириновский, кажется, автомат.

— Излом. Мы его нашли.

— И где же девочка? Почему вы ее не освободили?

В углу всхлипнула мама Ирочки, и я пожалел, что Излом не забрал ее сразу — обошлись бы без этих никчемных хлопот.

— В заложниках. Излом предлагает нам обмен.

— Какой именно?

— Он вернет ребенка, если мы приведем ему женщину. Любую. Не желаете?

Капитаншу, кажется, это шокировало куда больше, нежели то, что Ирочка находится в заложниках у монстра-мутанта. Впрочем, слово «Излом» для нее ничего особенного и не означало: не видела она ни разу в жизни, что там за дедушка...

— Вы, надеюсь, отказались?

— Нет, я не отказался. Я оставил там своего товарища, а сам вернулся сюда, чтобы решить, как поступить. А теперь объясните мне, что здесь происходит? Восстание на броненосце «Потемкин»? Но там был Эйзенштейн, а не Бернштейн.

— Мы решили, что нам нужно домой, — сказал поименованный Бернштейн с видом оскорбленной невинности. — Мы прекрасно понимаем, что вы — обычные бандиты. И еще неизвестно при этом, кто сбил наш самолет!

Я посмотрел на покрасневшую стюардессу. Со всеми поделилась, дура...

— Из чего мы его, интересно, сбили, чува-ак?! — спросил Аспирин.

— Из пусковой установки, — парировал Бернштейн. — Бывают такие переносные, я видел.

— Не было у них никакой установки! — крикнул испуганным голосом Петраков-Доброголовин. — Я видел! Я же был с ними!

— Вы с ними заодно, — сказала Заяц. — Мы не можем вам доверять, господин профессор, если вы на самом деле профессор, а не самозванец. Вы зачем-то наняли этих людей, они тащат в клетке двоих уродов... Мы разберемся со всеми, когда придем к военным властям.

Твою мать, а хабар-то наш где?! Я быстро оглянулся и успокоился — клетка, по-прежнему укрытая брезентом, стояла рядом с Паулем. Прибор, видимо, по-прежнему работал.

— Не вертите, а еще лучше — аккуратно снимите с плеча автомат и положите на пол. И пистолет тоже, — велела капитанша.

— Я не понимаю, что вы вообще предлагаете, — сказал я, рассупониваясь и прикидывая, что получится, если хорошенько поддать ногой корыто с костром. Нет, оно тяжелое, там еще и остатки цемента на дне... Бессмысленно. У них четыре ствола, обязательно словим пулю. Если, конечно, у всех хватит духу выстрелить. Хотя у этой сучки в погонах определенно хватит, да и Бернштейн в достаточной степени козел, чтобы пальнуть.

— Мы хотим, чтобы нас провели к Периметру. Сейчас же, — озвучил общие ожидания тощий.

— А мы не этим разве занимались? — Я брякнул на бетонный пол автомат, аккуратно положил рядом пистолет. Собственно, у меня был еще один, в потайном чехле над щиколоткой, но подходить и обыскивать меня бунтовщики не решились. — Или вы думаете, что Периметр — в ста метрах за забором? У вас какое-то дикое представление о Зоне, простите. Чего вы хотите? Чтобы мы прямо сейчас побежали бегом? Я откажусь, я не самоубийца. Давайте отдохнем, а утром спокойно двинемся в путь. Предлагаю выкурить трубку мира.

— Я вам не доверяю, — заявил тощий. — Эти люди — тоже. А сейчас вы вдобавок затеяли какую-то авантюру с якобы похищенной девочкой.

— Якобы?! — охренел я. — Идите и посмотрите, что там происходит! Тут близко, рукой подать! Если не обоссаетесь, когда увидите, кто поймал девочку...

— Я никуда не собираюсь идти, — заявила капитанша. Бернштейн и тощий согласно закивали, едва ли не синхронно. — Где гарантия, что это не штучки ваших приятелей? Откуда я знаю, кто там засел, в этой деревне?

— То есть девочку мы бросим?

Мать Ирочки забила в своем углу, ее, как я только теперь заметил, удерживали гомики. Многовато бунтовщиков. Впрочем, всерьез я расценивал только капитаншу, Бернштейна и... и, пожалуй, тощего. Гомикам даже не доверили оружия, что на месте Заяц сделал бы и я, а лейтенант Воскобойников в меня стрелять не станет. В этом я был уверен. Закон, конечно, суров, и он — закон, но лейтенант уже должен был сообразить, что мы находимся на территории, где все понятия расплывчаты и многозначны. Закон в том числе. А лейтенант — благородный молодой человек. Одно дело — террористу башку разнести, чем он и занимается в своем спецназе. Террорист — это безусловное зло, а я — зло, как ни крути, условное, и он ко мне питает что-то вроде симпатии.

— Нет. Девочку мы постараемся освободить. Точнее, постараетесь освободить вы. Еще точнее — вы пойдете обратно и вернетесь с девочкой, — приказала капитанша.

Вот тварь тупая, а.

— Ты дура, капитан? — спросил я устало. — Я же сказал: Излом требует обмен. Я вам предлагал проявить мужество и героизм. Вот лейтенант потом напишет рапорт, куда надо, вас наградят. Посмертно.

— Я в вашу историю не верю, — заявила Заяц. Бернштейн опять закивал, тощий на сей раз не примкнул, он смотрел в сторону Пауля, который завожился на куче тряпья. Усаживался по удобнее, с его-то габаритами... — Поэтому вы идите и возвращайтесь с ребенком. А потом вы отведете нас к военным властям, где с вами разберутся по закону.

— Тут еще один их поделщик бродит, — напомнил о Соболе бдительный тощий. — Не забудьте, капитан! А вообще лучше всего прикончить их и оставить одного в качестве проводника. За это нас только похвалят.

— Я все помню, Анатолий. Не спешите.

Ага. Тощего зовут Анатолий. Толик — в жопе столик.

— Вы же не забываете, Константин, что здесь — трое ваших друзей? И если вы не вернетесь через двадцать минут, я подумаю, как их наказать.

Я прикинул, что у капитанши дома, наверное, полно кожаного белья с заклепками и шипами, а также плеток, кляпов и цепей. А наручники она на работе тырит. Еще я подумал, что мне уже в третий раз назначен некий срок... Кстати, отпущенные мне Изломом полчаса тоже не резиновые.

Дурак ты, Упырь. Корыто, ногой... И как я раньше не сообразил?!

— Профессор, — нагло сказал я, глядя прямо в глаза капитанши. Вернее, в черное отверстие автоматного ствола, направленного мне в лицо. — Профессор, выключайте к чертовой матери кофеварку.

— Какую кофеварку? — успела вскрикнуть забеспокоившаяся Заяц.

Петраков-Доброголовин понял меня моментально, на это я и надеялся, все же доктор наук, а не капитан милиции...

Щелчка кнопки на приборе я не слышал, но в следующее мгновение все вокруг пришло в хаотичное движение. Бюеры, соскучившиеся и проголодавшиеся в своем узилище, с радостью взялись за дело.

Глава двадцать четвертая. Дело — табак

Изъеденный коррозией комбайн медленно ехал в сумерках по краю поля, угрожающе кренясь на колдобинах и нещадно скрежеща всеми своими сочленениями. Фары освещали бегущих по обеим его сторонам слепых псов, облаивающих агротехнического монстра. Картина могла быть вполне идиллической — хлебороб, собачки — если бы не вид этих самых собачек и дышащего на ладан комбайна.

Альтобелли смеялся, удерживая одной рукой огромный руль. Он не понимал, за счет чего двигается апокалиптический агрегат, в котором просто не могло остаться ни капли солянки, ни крохи электричества в аккумуляторах... И без того рассчитанная на низкие скорости «Нива» ползла еле-еле из-за спущенных протекторов, но и такая езда доставляла лейтенанту несказанное удовольствие, пусть даже кабину нещадно трясло и мотало.

Он включил свет в кабине — под потолком вспыхнула лампочка в мутном плафоне. Посмотрел вверх и увидел за солнцезащитным целлулоидным козырьком припрятанную пачку, очень похожую на сигаретную. Альтобелли не курил с училища, но сейчас ему отчаянно захотелось вдохнуть табачный дым. Протянув руку, он извлек красную картонную коробочку, на которой было написано «Прима», а также был нарисован кто-то из коммунистических диктаторов прошлого века, то ли Ленин, то ли Сталин; лейтенант их постоянно путал, так как историей не особенно интересовался. Внутри диктаторской пачки оказалось три полувысыпавшихся сигареты без фильтра, высохших и почти невесомых.

Лейтенант представил себе сельского механизатора, который оставил здесь эту пачку. Высокий белобрысый парень с простым и добрым лицом, усыпанным веснушками.

Интересно, успел он в свое время эвакуироваться? Или погиб? Или бродит по Зоне в виде зомби, сжимая в полуистлевших кулаках невидимый руль?

Вытащив сигарету, Альтобелли сунул пачку в карман, а сигарету — в рот, щелкнул армейской зажигалкой и закурил. Маленькая кабина быстро наполнилась дымом, который ел глаза, но лейтенант с удовольствием затягивался, продолжая улыбаться. Он посмотрел влево — собаки по-прежнему бежали рядом. В шнеки пока не угодил никто, дураков нет. Оглянулся — вожак исчез, наверное, решил спуститься на грешную землю, убоявшись передвигаться на комбайне. Пора что-то с ними делать, подумал Альтобелли. Тем более комбайн все равно едет не в нужном направлении. Эксперимент, пожалуй, можно заканчивать.

Лейтенант затянулся еще раз и открыл форточку, чтобы выбросить окурок. Открыл — и остолбенел, потому что собаки дружно удирали через поле в сторону дальних холмов и линии электропередач. Однако радоваться этому событию Альтобелли никак не мог, потому что слепых собак сменила химера.

Химеру лейтенант видел только на картинках и в учебных фильмах. Он знал, что это один из самых опасных мутантов Зоны, но точно так же знал и то, что встречались химеры достаточно редко и в определенных местах, в основном ближе к АЭС. Но вот же она — поблескивая в сумерках глазищами, медленно трусит к комбайну, вроде как даже не обращая на него особого внимания...

«Дурак, дурак!» — Альтобелли стукнул себя кулаком по лбу. Устроил катание на комбайне... Что бы ему было расстрелять собак из кабины, не скаредничая насчет патронов?! Экономист доморощенный... А теперь относительно безобидные собаки ушли, их сменил куда более страшный враг.

Черный мутант находился шагах в тридцати, когда лейтенант вылез из кабины. Он понимал, что спускаться вниз значит заведомо проиграть. Стекло кабины тоже не станет для химеры препятствием, это не слепой вожак... Комбайн продолжал тупо переть вперед, раскачиваясь и стеноя, потому что двигатель Альтобелли выключать не стал — вдруг движущая и стеноящая конструкция отпугнет тварь. Оставалось одно — прятаться. Поэтому лейтенант полез в бункер для зерна, торчавший рядом с кабиной.

Пустой металлический склеп еле уловимо пах перепревшей пшеницей. Места там было достаточно, но главное — небольшой прямоугольный люк закрывался изнутри. Альтобелли рукоятью пистолета сбил одним ударом прижавевший язычок, который послушно въехал в положенный ему паз. Вовремя — комбайн покачнулся особенно сильно, скорее всего это тяжелая химера вспрыгнула на ступеньки лесенки. Лейтенант замер, лежа на спине и выставив перед собой автомат.

По металлу скрежетнули огромные когти.

Это же не броня, думал Альтобелли. Это не танк и не бронетранспортер. Это комбайн. Обычное тонкое железо, которое можно пробить, например, штык-ножом или даже гвоздем. Судя по размерам химеры, каждый ее коготь был крупнее штык-ножа...

Лейтенанту казалось, что он слышит, как совсем рядом, на площадке у дверцы кабины, дышит чудовище. Возможно, он на самом деле это слышал — здоровенная зверюга и дышать должна была на манер паровоза. Интересно, если ее вот так, в упор, через стенку бункера? Нет, может быть рикошет, получится шинкованная капуста. Альтобелли сам видел, как один русский из приезжей комиссии готовил на пикнике капустный салат: взял каску, накрыл ею кочан, прижал ногой, а потом выстрелил пулей со смещенным центром тяжести. И кухонного процессора не нужно...

Посыпалось стекло. Видимо, химера сунулась в кабину, но при ее размерах не особенно там поместилась. Комбайн вильнул — полуспущенное колесо наехало на особо крупную колдобину или же мутант задел руль... Альтобелли представилась фантастическая картина: химера садится в еще теплое после лейтенантского зада кресло и начинает деловито дергать рычаги. Впрочем, о неожиданных проявлениях разума у мутантов Зоны Альтобелли тоже прочел довольно много, и в принципе ничего экстраординарного в этом не было бы, к

тому же в кабине сейчас возилась именно химера, очень умный мутант, а вовсе не тупой псевдогигант или, скажем, снорк.

А капитан Колхаун сидит, наверное, сейчас в своем кабинете и объясняет кому-нибудь из высших чинов, куда могла подеваться выдвинувшаяся к месту катастрофы группа. Или наоборот: кто-нибудь из высших чинов объясняет капитану Колхауну, что еще необходимо сделать, чтобы одновременно и показать старание помочь попавшим в беду гражданским, и получше припрятать следы того, что произошло с самолетом на самом деле.

Альтобелли аж затосковал, так ему захотелось выбраться живым-невредимым из этой переделки, чтобы как следует от души врезать Колхауну... И пока лейтенант мечтал, куда бы получше врезать вышестоящему начальству, ситуация снаружи в корне изменилась.

Химера выла почти на грани ультразвука, комбайн раскачивался из стороны в сторону. Но по металлу бункера когтями тварюга не скребла. Время от времени раздавались мощные удары по корпусу машины, от чего она едва не переворачивалась. Но устойчивость комбайна была удивительной. Альтобелли мысленно поблагодарил неведомых древних изготовителей этого чудо-агрегата.

В этот момент химера заткнулась, видимо, переводя дух, и лейтенант услышал крики. Кричали люди, определенно люди, а не какие-нибудь псевдоплоти, про которых он знал, что те никогда не собираются в стаи. Кричали люди еще и потому, что он расслышал слова: «Давай, мочи ее! Покататься решила, скотина! Вот щас я тебя!».

Альтобелли заворочался в железном коробе и с ужасом подумал, что люди, которые в Зоне охотятся на химеру, еще по-страшнее самой химеры будут. Загрохотали выстрелы. Привычное ухо лейтенанта узнало ручной крупнокалиберный пулемет. Химера завывала опять, очередь звонко хлестнула о корпус комбайна, лейтенант мельком удивился, почему мутант не убегает. Выстрелы раздавались, казалось, со всех сторон. Альтобелли сжался на дне бункера и принялся истово молиться Мадонне, да и вообще всем святым, которых мог припомнить, включая свою матушку, которая была еще вполне жива и в святые не совсем годилась. Шальная пуля могла насквозь пробить и бункер, и самого лейтенанта, однако неизвестные преследователи, к счастью, оказались довольно меткими и стреляли не куда попало, а конкретно в мутанта. Химера визжала недолго, внезапно визг перешел в низкий хрип, который закончился каким-то булькающим звуком, и выстрелы прекратились. Голоса людей приближались.

— Похоже, тварь кого-то пасла. Надо посмотреть, что там внутри! — крикнул один.

— Да не, она просто каталась! — заржал второй.

Сейчас, сейчас они доберутся до него... Уж эти-то точно просто повернут ручку, а там...

Альтобелли приготовился нажать на спусковой крючок, и в этот момент мир вокруг него обрушился куда-то вниз вместе с древним комбайном «Нива».

Очнулся он от того, когда кто-то бесцеремонно вытаскивал его из люка, ухватив под мышки. Лейтенант дернулся, моментально приходя в себя, распахнул глаза и увидел перед собой вполне нормального человека. Сталкера. В полной амуниции. Откуда-то светили мощные фонари, жутко болела голова — ею-то он, видать, и долбанулся...

Сталкер ухмыльнулся Альтобелли в лицо и громко сказал:

— Ты, я смотрю, крут, мужик, если химеру себе в водилы приспособил!

Откуда-то сверху раздался громкий смех. Сталкер окончательно вытащил лейтенанта из люка и поставил на площадку. Альтобелли первым делом посмотрел вверх — с края обрыва, откуда, видимо, и свалился многострадальный комбайн, в свете фонарей торчали несколько голов, скаливших желтые прокуренные зубы. Кто-то крикнул:

— Чего ты там возишься, Поролон? Поднимайтесь, мы тоже хотим позырить на погонщика химер!

Альтобелли огляделся — похоже, ему повезло. Обрыв был хоть и глубокий, но сам овраг — узкий, а центр тяжести у комбайна находился весьма низко, поэтому машина не перевернулась, а рухнула ровно вниз, и, кстати, мотор продолжал урчать. Сбоку на кабине висел труп химеры. Лейтенант пригляделся и самым неуместным образом разинул рот от

удивления. Считающаяся одной из умнейших тут тварей попала в банальную ловушку — хапнув обеими лапами по крыше кабины и стенке, она прорвала железо своими когтищами и застряла в нем. Полоски железа загнулись розочками под ее когтями, не дав распороть кабину донизу, а зазубрины не давали выдернуть когти вверх. Маленькие размеры кабины тоже мешали развернуться как следует... Стало быть, те удары, что слышал Альтобелли, — это химера билась о стенку кабины, пытаясь высвободиться. Что ж, довольно легкая добыча. Понятно, почему сталкеры решили на нее поохотиться.

Они поднялись на обрыв с помощью веревки. Сталкеров оказался целый отряд — восемь человек. Все экипированы как следует, обвешены оружием, в хороших спецкостюмах, которые только недавно поступили на вооружение военным сталкерам. Но это были, конечно же, не военные сталкеры. Таких рож даже у военных сталкеров не бывает. К тому же на двоих были черные плащи с откинутыми сейчас капюшонами, по которым Альтобелли и понял, что угодил в лапы Тёмных.

В лейтенантской голове услужливо всплыли строки из брошюры, выдаваемой солдатам: «Тёмные — люди, пережившие второй взрыв в Чернобыле. Многие из них умерли от неизвестных ранее науке болезней, но кто выжил, оказался изуродован. Одетые в грязные лохмотья, они скитаются по всей Зоне, храня в своих сердцах многие ее тайны и умирая вместе с ними. Они ненавидят сталкеров-одиночек за то, что многие из них приходят в зону ради легких денег, считая их за мародеров Зоны. Но больше всего они ненавидят «монолитовцев».

Тёмные сталкеры, как они сами называют себя, жестокие люди. Свою группировку они называют «Грех». Мало кто способен установить с ними контакт, но некоторым сталкерам удавалось это сделать. По словам этих сталкеров, база темных сталкеров находится где-то за Тёмной Долиной, и их лидером является Ворон.

Тёмные сталкеры одеты в темные плащи с низко надвинутыми капюшонами, так что не видно лица. Если задрать капюшон, то откроется лысая голова с кровавыми дырами вырванных глаз».

Там было еще много интересного, видимо, книгу писал человек с хорошим воображением, но Зону видевший разве что на картинках. Солдатам, конечно, годилось, особенно новобранцам-срочникам — тем что ни страшней, то полезней. Напугать опять же, чтобы на посту не спали — дескать, украдут Тёмные, натянут глаз на задницу и заставят моргать...

Ни одной лысой головы с кровавыми дырами вырванных глаз Альтобелли перед собой не лицезрел, что, впрочем, радости ему не принесло. Тёмные были немногим лучше химеры, поскольку сталкеров они не жаловали, гражданских, если те каким-то чудом попадались им, без особенных разговоров убивали, военных ненавидели и убивали тоже. А может, еще и жрали. А может, на потеху мутантам отдавали — слышал Альтобелли всякие истории о приключениях на заводе «Росток», к примеру... Договориться с ними было практически невозможно. Они и сами черт знает кто, полумутанты, поскольку постоянно живут внутри Периметра. Тут брошюра почти не соврала.

Автомат лейтенанта держал Поролон, который и вытаскивал его из бункера. Отдавать оружие он явно не торопился, мало того, Альтобелли по осклизлой глинистой тропинке подняли вверх и тщательно обыскали. Забрали пистолет и вещмешок, флягу, часы, даже завалявшуюся в кармане мелочь... Лейтенант не сопротивлялся. Численное преимущество очевидно, чего уж тут дергаться.

Мордастый главарь с землистой кожей и странными глазами без зрачков (почему-то Альтобелли подумал, что это именно главарь) посветил на нашивки и хмыкнул:

— Лейтенант Аль-то-бел-ли, значит?

Лейтенант согласно наклонил голову.

— Жид, что ли?

— Итальянец.

— И что мы делаем в Зоне, итальянец?

Альтобелли беспечно сказал:

— Гулял.
Главарь повращал глазами и усмехнулся:
— Ну да, я понял. Это бородатый анекдот, да? «Что болит? — Голова. — А почему повязка на ноге? — Сползла».
Тёмные подобострастно и не слишком весело заржали.
— Убивать тебя вроде резону нет пока, лейтенант Аль... Белль...Ё! Имя как?
— Альтобелли.
— Ё. Я имя спрашиваю, мужик!
— Луиджи.
— Ё. И имена у вас тоже корявые какие. Пойдешь, короче, Лужа, с нами, может, по дороге пригодишься. В качестве приманки, к примеру.
Тёмные снова заржали и двинулись в сторону леса. Поролон ткнул лейтенанта стволом автомата в спину:
— Давай топай, Лужа.
«Моим ведь автоматом тычет», — зло подумал Альтобелли, но молча двинулся вперед. Остальные тоже не особо болтали — посетовали на погоду, мол, скоро дождь пойдет, и утихли. Лейтенант нашарил в кармане пачку с оставшейся парой сигарет и закурил. Сразу вспомнилась местная поговорка «Дело — табак».
Табак был преотвратный...

Глава двадцать пятая. Возмездие

Я успел сгруппироваться и проскочить под корытом, поднявшимся в воздух вместе с пылающим костром. Корыто описало надо мной небольшую параболу, рассыпая снопы искр, и врезалось в стену как раз между капитаншей и Бернштейном. Капитанша увернулась, а на Бернштейна обрушились полетевшие из корыта куски горячей дранки и поленьев. Взвизгнув, газовый магнат отшвырнул от себя автомат, тотчас взмывший к потолку.

Пассажиры, не понимающие, что происходит, заголосили. Кто-то бросился к выходу, стюардессы накрыли собой раненого бортмеханика, мамаша-жаба — пацанов, гомики бросили золотистоволосую стерву и трогательно обнялись, а я выдернул из потайного чехла пистолет и выстрелил в тощего Толика. Его слова — «вообще лучше всего прикончить их и оставить одного в качестве проводника... за это нас только похвалят...» — не оставили другого выбора мишени. Тощий сполз по стенке, оставляя приятный кровавый след.

Пауль и Аспирин тоже не дремали. Вскочив на ноги, они бросились вперед и, словно тараны, снесли несчастного лейтенанта Воскобойникова, который стоял среди творящегося безобразия наподобие статуи.

Мимо пролетел молоток. Потом, больно стукнув по голени, на пол брякнулось выпущенное Бернштейном оружие, которое я тут же схватил и направил на капитаншу, закричав:

— Профессор, включайте!!!

Бюеры были явно настроены побушевать, но их энтузиазм хитроумный прибор подавил в корне — начавший подниматься вверх сварочный аппарат неуклюже завалился набок, а завившийся было вихрь мелкого строительного мусора тут же осел. Полутьму прорезал луч фонаря — это снова проявился с лучшей стороны Петраков-Доброголовин. Стюардесса Марина, видимо, осознавшая вину, распутывала веревку на руках Аспирина, пока Пауль придавливал своим весом к полу снайпера. Бернштейн визжал, срывая остатки тлеющего костюма, а капитанша угрюмо смотрела на меня.

— Видите, как быстро все меняется в этом нестабильном мире, — заметил я наставительным тоном. — Вы вели себя очень плохо, капитан. Глупо. Думаю, вы действительно работаете в детской комнате милиции и никакой вы не оперативник. Наврали, а? Ну, признайтесь уже. Говорить правду легко и приятно.

— Думайте что хотите, — холодно ответила Заяц.

— У меня истекает время, — продолжал я. — Вариант первый: мы приносим вас в жертву и обмениваем на девочку. Орден хотите?

Капитанша молчала.

— Не хотите орден, — заключил я. — Жаль, при ваших размерах он смотрелся бы очень импозантно. Прикиньте — бюст на плацу училища... вы что оканчивали?

Капитанша продолжала молчать, нервно подергивая углом пухлого рта.

— Тогда активируем вариант второй. Пауль!

— Чего?! — отозвался он. Аспирин поправил остатки костра, стало заметно светлее. Боря и Сережа спорили, кто в кого зачем стрелял и «дядька мертвый валяется или притворился просто?».

— Слезай со снайпера.

— Да я его...

— Слезай, не мороси. Он мне нужен.

Пауль поднялся с изрядно помятого лейтенанта. Стюардесса занялась освобождением его рук, а гомики бросились помогать Воскобойникову. Лейтенант оттолкнул их.

— Не ожидал от вас! — возмущенно заявил он. В смысле, от меня он не ожидал, а не от гомиков. Это стало ясно, когда, обвиняюще указывая перстом на мертвого (в этом я не сомневался) Толика, Воскобойников воскликнул: — Это же гражданский!

— Был гражданский, чува-ак, — уточнил Аспирин.

— Этот гражданский хотел меня прикончить, — сказал я, качая головой. — Я таких поступков никогда не приветствовал. И я тоже не ожидал от вас, что вы примкнете к этим... к этим людям.

— Вас будут судить, — встряла капитан Заяц. Рядом с ней, сидя на корточках, всхлипывал полуголый Бернштейн, весь перемазанный гарью и копотью.

— Заткнись, сука, — беззлобно велел ей Пауль. Он стряхнул с запястий остатки веревок и подобрал ружье Воскобойникова. Аспирин собирал остальное оружие, я подал ему автомат.

— Потом будем обсуждать мои моральные устои, офицер. Берите ружье, мы идем спасать девочку.

Пауль вопросительно уставился на меня. Я кивнул, и лейтенант нерешительно взял Соболеву мортиру.

— Там есть ночной прицел. Вы умеете им пользоваться?

— Так точно, — с некоторой обидой сказал Воскобойников. — У меня же спецподготовка.

— Отлично. Аспирин, Пауль — следите тут за порядком да второй раз впросак не попадите. Марина, у вас масса освободившихся веревок — свяжите, пожалуйста, госпоже Заяц руки. Крепко. И оставьте хвост подлиннее.

Стюардесса послушно подошла к капитанше.

— Вас тоже будут судить! — окрысилась на нее Заяц. Марина безмолвно затянула узел, протянула мне свободный конец. В этот момент до капитанши дошло, что с ней собираются сделать.

— Вы не имеете права! Я не согласна! — завопила она, и Марина, сняв форменную пилотку, заткнула капитанше рот. Я ее об этом не просил, но мысль мне понравилась. Дернув за веревку, я потащил упирающуюся Заяц за собой, бросив негодующему Воскобойникову:

— За мной, офицер. По пути все объясню.

Солнце село. Стало темно. Я не знаю, что было бы, отдай Соболю лейтенанту другое ружье, без ночной оптики. Конечно, я мог бы использовать свой прибор ночного видения, но это примитивная «гляделка», никак не предназначенная для снайперской стрельбы. А мне нужен был один точный выстрел. Потому что времени для второго не будет.

Я временно привязал пыхтящую капитаншу к ручке бульдозерной дверцы и отвел Воскобойникова в сторону, чтобы Заяц не слышала наш разговор.

— Офицер, вон тот дом видишь? Разваленный? Я иду туда, ты выбираешь точку, с которой простреливаются эти руины. Думаю, вон та крыша в самый раз, только не провались — там все гнилое, трухлявое... и глянь сначала, нет ли кого внутри. Когда разместишься, выцеливай мудака в плаще, с огромной ручищей. В руке — девочка.

— Не понял, — озадачился Воскобойников.

— Излом — это падал с уродливой лапой, размером с три лопаты. Мутант. Выцелишь — жди. В руке у него девочка.

— То есть — в руке? — не понял лейтенант.

— У него рука как экскаватор. Увидишь — сообразишь. Короче, выцеливаешь и ждешь. А стрелять ему в лобешник ты должен в тот самый момент, когда он уже выпустит девочку, но еще не схватит эту пухлую дуру в погонах.

— Понял, — сказал Воскобойников.

— Не подведи. Если что — стреляй второй раз, но это уже если тебе не жалко капитаншу. Мне, если честно, на нее плевать, но все ж как-то нехорошо может получиться... Все, я пошел, а ты аккуратненько — на крышу.

Снайпер бесшумно скрылся во тьме. Я отвязал капитаншу.

— Ну, дохлая! — басом прикрикнул я на нее, испуганно мычавшую и упиравшуюся, и потащил по дороге к мертвой деревеньке.

Излом терпеливо ждал, даже не переменяв, кажется, позы с тех пор, как я покинул руины. Ждал и Соболь, который присел на грудку кирпичей. Девочка еле слышно поскуливала. Всю эту картину едва-едва освещали угасающие уголья костра, куда Соболь сунул какие-то доски, но они оказались сырыми и вяло тлели. Полумрак скрыл уродство Излома — он выглядел добрым дедушкой, собравшим внуков у костерка, чтобы рассказать сказку.

Но сказку нужно было рассказывать мне. Еще по пути отсюда я вспомнил разговоры о том, что у Излома имеются телепатические возможности. Их силу никто не знал, как не знал точно и то, есть ли они вообще. Но если эта скотина прочтет у меня в мозгу весь план, девочка погибнет. Раньше-то он прочесть его не мог, потому что плана еще не было. Но теперь...

— Ты опоздал, — сварливо заметил Излом. — Я уже подумывал расторгнуть договор, Упырь.

— Возникли непредвиденные сложности. Тем не менее — вот, — сказал я, грубо дергая за веревку. — Привел.

— Ценю. — Излом цокнул языком, и тут угольки чуть вспыхнули, явив мутанта во всей красе.

Капитанша, видимо, онемела от ужаса, потому что никаких звуков не издавала. Я же старался не думать о белой обезьяне, то есть о Воскобойникове, который влезал, должно быть, на крышу. Я вспоминал всех своих девок, начиная со студенческих попок в общежитии и до звезд городских злачных заведений, берущих за услуги редким хабаром. Я воспроизводил в памяти самые непристойные детали этих встреч, даже не зная, представляют ли они интерес для Излома с его сомнительной и скорее всего ни разу не человеческой физиологией. Но только не думать о белой обезьяне с ночным прицелом.

Соболь, наверное, ничего не понимал в происходящем, но на то он был и Соболь, чтобы не лезть поперед бабки в пекло. Сидел себе, оценивал ситуацию, следил за останками костерка.

А вот Излом насторожился.

— Что-то здесь не так, — сказал он тревожно и, как делал уже не раз, сжал кулак. Ирочка слабо пискнула.

— Отпусти девочку. Зачем мучаешь?! Мы так не договаривались.

— Что-то здесь не так, — повторил Излом с явной тревогой. — Мне что-то не нравится, Упырь.

— Я без оружия, — сказал я, прокручивая в голове очередную порнографическую сцену. — Уговор был какой? Меняемся и уходим. Тебе не нужны неприятности, нам они тоже не нужны.

Излом колебался. Наконец он сделал шаг ко мне, потом внимательно всмотрелся, наклонив голову набок.

— Вот. Баба. Бери ее. — Я протянул хвост веревки, но Излом был умен. Он проигнорировал веревку, сделал еще шаг, подойдя вплотную. Пахло от него сыростью, плесенью и сырым мясом.

— Хорошо. Обмен, — буркнул Излом. Лапища его приоткрылась, выпуская Ирочку, бессильно осевшую на пол. В следующее мгновение бородатая головенка, покрытая лишаями, расплескалась в стороны, словно упавший на асфальт арбуз. Исторгнув не человеческий вопль, практически безголовое тело заметалось по остаткам комнаты, натываясь на стены и мусор. Я едва успел подхватить из-под его ног девочку, всю перепачканную в крови и какой-то липкой слизи.

— Соболев, стреляй! — заорал я. Но Соболя не нужно было учить — он выпалил не целясь, от живота, и левая, обычная, рука Излома повисла, перебитая в локте. Метнувшись мимо меня и зацепив по пути лапой капитаншу, Излом выскочил наружу и, оглашая окрестности жутким ревом, бросился прочь. Хотелось верить, что они встретятся со Стронглавом, у которого сходные проблемы.

Соболев кинулся за ним и пальнул вслед.

— Не попал, — с сожалением сказал он, возвращаясь. — А вы молодец! — Это относилось уже к капитанше. — Я-то надеялся, мамаша явится...

Я поспешил восстановить статус-кво, объяснив Соболеву, что произошло, почему я опоздал и отчего не нужно преклоняться перед героизмом капитанши Заяц.

— Надо было ее Излому и отдать, — со свойственной ему простотой заявил Соболев. — А то таскай теперь за собой...

Вернулся лейтенант. Я молча кивнул ему в знак благодарности, тот сделал вид, что не заметил. Сердился, поди. Заяц мычала и дергалась на поводке, и я смиловился, вынув из ее рта скомканную пилотку стюардессы. Плюясь кровью — кокарда поцарапала капитанше десны, — Заяц завопила:

— Вам это так не сойдет с рук! Убийцы!

Под негодующим взглядом Воскобойникова и одобрительным Соболя я вернул пилотку на место.

Отряд пребывал там, где я его оставил. Распоряжались, разумеется, уже Аспирин, Пауль и профессор, труп тощего Толика лежал у стенки, накрытый мешками из-под портландцемента, а Бернштейну стюардессы чем-то смазывали ожоги. Костер ярко пылал.

При нашем появлении все притихли, только Пауль с Аспирином одобрительно ухнули. Соболев опустил на пол Ирочку, которую нес до этого на руках. Мамаша бросилась к Ирочке обниматься, но тут же отшатнулась, взвизгнув:

— Кровь!!! Она вся в крови, что с ней?!

— Это не её, — объяснил я, толкая капитаншу к мертвецу. Заяц бухнулась рядом с Толиком и на коленках отползла в сторонку. — Там в канавке возле бетономешалки — лужа, умойте ребенка. Пауль, проводи их, будь добр. Только водичку проверь на предмет радиации.

— Какой радиации?! Вы и нас убить хотите?! — снова завершала блондинка. Если честно, она начала меня утомлять. Сильно утомлять.

— Пауль, объясни там по дороге, если не лень. Да смотри, чтоб не напали и автомат опять не отняли.

Пауль густо покраснел и вышел, ведя за руки мамашу и девочку. Несмотря на благополучный исход встречи с Изломом, на душе было беспокойно. Я осмотрелся и выругал себя за невнимательность. Не хватало Скунса.

— Где Скунс? — спросил я у Аспирина.

— Смылся, наверное, когда тут заварушка началась. Ты ж его знаешь.

— Заварушка... Заварушка тут началась, когда профессор бюреров включил. А вы себя дали разоружить бабе и пацану...

— Не учли, чува-ак... — виновато развел руками Аспирин. — Пауль как раз автомат положил, клетку на плечо примаскивал, а я отвернулся... А мне — раз! — ствол в затылок.

— Ладно, дело прошлое... Но где же Скунс? Опять в свою трубу полез?

— И вовсе я не полез! — заявил Скунс, появляясь в дверном проеме. — Я ж без оружия, чего б я сделал? Мешал бы только. Думал, обожду малость, гляну, чем закончится... А у тебя там бюреры под брезентом, а? Бюреры, я понял! Они ж сдохнут. Или не сдохнут? А кофеварка зачем?

Я посмотрел на Скунса так, что тот сразу прикусил язык и отошел к костру, стал деловито его поправлять.

— Слушайте сюда, — сказал я. — Места здесь, как выяснилось, опасные, но идти куда-то в темноте — еще опаснее. Да и невозможно это сегодня. Часа через два тут такое начнется... Потому остаемся ночевать здесь, выставим охрану, если что — надеюсь, отобьемся. Дамы, приготовьте что-нибудь поесть, а то весь день всухомятку... Вопросы есть?

Пассажиры смотрели на меня во все глаза. С момента нашего появления так никто и не двигался. Елки, они что ж, думали, сейчас мы их всех свяжем и накажем, что ли? И как пленникам по корке хлеба дадим с глотком воды? Я вздохнул. Определенно зря я в это все ввязался. Благие намерения, чтоб их... Ситуацию спас Сережа, который спросил звонким голосом:

— Дядя... а что начнется через два часа?

Я с благодарностью посмотрел на него и охотно объяснил:

— Через два часа те, кто не спрятался, — я не виноват. Сережа часто заморгал, за него уточнил Боря:

— Дядя негр, это игра такая?

— Считай, что игра. Если кто окажется в это время на улице — тот умрет.

— Вы в него тоже стрельнете, как в того дядю? — Боря махнул рукой на дохлого Толика.

— Нет, я буду тоже прятаться, — серьезно сказал я, — потому что мне самому будет страшно. Кстати, давайте-ка этого дядю выкинем наружу, зачем он тут нам?

— Простите, — робко сказала стюардесса Марина, когда мы с Паулем взяли Толика за руки и за ноги, — а объясните нам, пожалуйста, что произойдет и что мы должны делать.

Остальные пассажиры тоже заволновались.

— Мы должны как минимум все поесть, справить свои естественные нужды, забаррикадировать дверь, а затем ждать, что все для нас окончится благополучно.

— Что? Что закончится? — посыпались вопросы.

— Выброс, — кратко ответил я, и мы выбросили мертвеца за дверь.

Глава двадцать шестая. Сезон дождей

Через два часа все пассажиры напряженно смотрели на меня, словно парадом Зоны должен был командовать я. Дверной проем мы кое-как заделали листами шифера, которых нашлась целая куча за задней стеной здания. Я повелел всем устроиться как можно дальше от входа, сам сел, прислонившись спиной к стене и положив на колени автомат. Мои обормоты никакого волнения не выказывали. Ну, выброс и выброс. Видели-перевидели эти выбросы. Действительно, это не колбаса и не сало с горилкой...

Аспирин, изрядно пожрамши, завалился спать, пристроившись на ту же кучу, на которой недавно сидел связанным. Пауль о чем-то вполголоса трепался со Скунсом, Соболь осматривал свои ружья, искоса приглядывая за пассажирами. Значит, можно слегка расслабиться и вздремнуть — два часа это я так сказал, для острстки. Хотя кости мои ломило со страшной силой. Вот-вот начнется вся эта катавасия. Хорошо, женщины

догадались детей помягче устроить. Детвора весь вечер держалась вместе, о чем-то шепталась, небось Ирочка, придя в себя, рассказывала им о пережитых ужасах. Девчонка молодец, все же на ее месте иной взрослый мужик с полными портками скакал бы и запивал все поскорее спиртом, чтобы забыть напрочь. А она вроде как даже гордится, глазки горят...

Я и впрямь задремал бы, несмотря на ноющие кости, но тут завозились бюреры в своей клетке. Да так бойко, что я аж подскочил.

Твою ж мать! Как я мог упустить это из виду!

Известно же, что во время выброса может случиться кратковременное усиление, а то и изменение свойств всяческих аномалий, артефактов и прочих порождений Зоны. А что, как не порождение, наши карлики?! Еще какое порождение, да в самой гуще людей. Прибор прибором, но береженого бог бережет.

Я подскочил к клетке, лихорадочно соображая, что с ними делать. Профессор забеспокоился за своих тварей, тоже подбежал, но я велел ему убраться подальше. Клетка тряслась из всех сил, оттуда раздавалось злобное ворчание, переходящее в какие-то вибрирующие низкие звуки. Срывать с клетки брезент почему-то не хотелось. Я обвел глазами помещение, думая, что предпринять. Пауль со Скунсом прервали свою беседу и смотрели на меня. Соболь поднялся и подошел поближе. Обиженный профессор растолкал Аспирина — на свою сторону, что ли, привлечь хотел.

— Чё ты, чува-ак? — поинтересовался Аспирин, подходя к нам и протирая глаза.

— Выброс щас, — сказал я тихо, — а эти тут.

Аспирин нахмурился, потом взял клетку и живо потащил к выходу. Мы с Сободем бросились за ним.

— Аспирин, ты что, хочешь их наружу выставить? — поинтересовался Соболев.

— А чё, здесь их оставлять, чува-ак? А если им во время выброса этот аппарат по барабану?

Я аж челюсть отвалил:

— Ты это... Аспирин, наглotalся, может, чего? А деньги?

— Нет, чува-ак. Это ты, похоже, чего наглotalся.

Тут Соболев задумчиво поддержал Аспирина:

— Ты, Упырь, послушал бы. Еще ни один сталкер в здравом уме не переживал выброс в одном бункере с мутантами. Постоят за дверью, что им делается.

Тут снаружи за шифером послышалось робкое «абанамат», и Аспирин зашелся в истеричном хохоте:

— А давай, чува-ак, еще сюда мутантов позовем, чтоб всем нескучно было! Вон уже и твоя подруга подтянулась!

Я мрачно двинул его кулаком, да так, что Аспирин выронил клетку. Клетка хрястнулась об пол, но, по счастью, не развалилась. Бюреры внутри жалобно захныкали. Скучали, поди, по своему уютному поезду.

И тут у меня перестало ломить кости. Потому что началось.

Но начался вовсе не выброс, а ливень. Самый банальный ливень. И кости у меня ломило, видать, к перемене погоды.

— Это и есть выброс? — спросила Вероника Сергеевна.

— Это дождь, — угрюмо ответил я. — Очень сильный, правда. Выброса пока нет, я малость ошибся.

Картина была маслом — за стенкой хныкала и плаксиво бормотала псевдоплоть, в клетке столь же безутешно ныли бюреры. Мы стояли втроем и пялились друг на друга, как идиоты.

— На самом деле куда бы они не исчезли, — сказал Аспирин крайне обиженным голосом. — Они же в клетке. А ты меня, гад, кулаком.

— А если бы уперли?

— Кто?! Зомби?! Излом?! Пошел ты на хрен, чува-ак, — еще сильнее обиделся Аспирин и ушел, расстроенный, досыпать. На счет кулака я не особо горевал — пусть считает, что мы поквитались с ним за стычку у самолета.

Я выглянул сквозь щель в дверном ограждении, но ничего толком не увидел, только в лицо пахнуло дождем и сыростью. Судя по звуку, ливень был проливной и теплый: под таким хорошо бегать с голой задницей, напившись водки, где-нибудь за городом, на травке, возле речки...

По крыше барабанило, но нигде не текло — щели между перекрытиями строители заделали на славу. Подкрался Петраков-Доброголовин, хотел, видимо, поблагодарить за то, что я не выкинул на мороз его родимых карликов, но не решился и убрел.

Остальные преимущественно спали. Бернштейн громко стонал — то ли притворялся, то ли в самом деле мучался от ожогов. Поделом ему, собаке. В свете корытного костра блестели злобные глазки гнусной капитанши, видать, сон к ней не шел, выдумывала, как бы отомстить. Ох, нажил я себе неприятностей на старости лет... Ведь в самом деле — куда ее теперь? Воскобойников, тот ладно, рапорт свой напишет, да еще и напишет ли. А эта не уймется. Тут же устроит истерику, если, дай бог, вернемся. И поведут меня вместе с братами под белые руки. Пришьют, в самом деле, терроризм, захват заложников, а это значительно неприятнее обычных статей за сталкерство. За сталкерство только вояки в Зоне могут шлепнуть без суда и следствия, и то если откупиться нечем или насолил им изрядно, а за Периметром все чин по чину. Адвоката предоставят, если нету (у меня, само собой, есть, в Киеве живет). Всякие снисхождения и амнистии.

— Иди ты спи, — неловко пробормотал подошедший ко мне Пауль. — Хватило уж тебе разного за день, а я вроде как прокололся, я на стреме постою.

— Действительно, — согласился я, протирая глаза. — Устанешь — Аспирина разбуди, он тоже прокололся с тобой за компанию.

— Хорошо, — сказал Пауль. — Спи иди, не морочи.

Я лег у стенки на свободное место. К сожалению, спать не хотелось, пусть я и чувствовал себя вконец измотанным. Так случается: организм переходит некую грань, когда усталость тела ощущается полностью, а мозгу уже по хрен. Глядя в невидимый потолок, я думал о том, что в лучшие времена, когда я разбогатею и когда мне надоест лазить через Периметр в Зону, я открою в Севастополе писчебумажный магазин. Нет в жизни более спокойного и размеренного занятия, чем владеть писчебумажным магазином. Я представлял полки со стопками тетрадей, разноцветными авторучками, фломастерами и карандашами, линейками и транспортирами. Запах ластиков, чернил и свежей типографской краски. Детишки, приходящие вместе с мамашами накануне первого сентября затариться расходными материалами на учебный год... Нет, определенно хозяин писчебумажного магазина просто не может не быть счастливым человеком...

Дождь все так же барабанил по крыше: то размеренно, то словно кто-то наверху спохватывался и выливал дополнительное ведро. Завтра все развезет, подумал я, идти будет тяжело. Лишь бы прекратился... тепло-то оно, конечно, тепло, но переход под дождем всегда вгоняет в уныние.

Прислушиваясь к стуку капель, я незаметно для себя уснул. Размышления о тихом и спокойном будущем переползли в сны о нем же, и я очень разозлился, когда меня всё-таки разбудили. Мне как раз привезли по выгодной цене большую партию бумаги для ксеркса, и крик поставщика: «Вставай! Вставай, чува-ак!», пришелся совсем некстати.

— Вставай! — злобно тряс меня Аспирин. — Подъем, чува-ак! Они ушли!

— Кто? — Я вскочил. — Кто ушел?!

Снаружи было еще темно — я увидел это через открытый дверной проем. Дождь по-прежнему лил и нисколько не унялся.

— Пассажиры твои хреновы. И Пауля вроде увели.

Страхнув с себя остатки приятного сна, я обнаружил, что Соболь стоит посередине помещения с ружьем в руках. Ни в кого конкретно он не целился, но все сидели, боясь пошелохнуться. Не хватало Бернштейна, злобной капитанши, одной из стюардесс (не Марины) и еще двух баб, имена которых я до сих пор даже не озабочился узнать. И Пауля.

— Почему меня не разбудили?! — заорал я.

— Я сам только проснулся. Мне Пауль говорит: «Спи, чува-ак, я тебя разбуду на смену». Я давай спать, — принялся объяснять Аспирин. — Спал-спал, чувствую, не будит меня Пауль. Проснулся сам, смотрю — дверь открыта, Пауля нет...

— Кто-то что-то видел?! — повернулся я к остальным. — Марина?! Офицер?!

— Я спала... — развела руками Марина. — Оля мне ничего не говорила...

— Я тоже спал. Хотя, если бы не спал, ушел бы с ними. Но меня не позвали. Видимо, теперь не доверяют, — мрачно пробормотал Воскобойников.

— Они, по ходу, Пауля взяли в проводники, — предположил Соболев, не опуская ружья. — Хорошо, что не перемочили всех нас спящими. Побоялись, наверное, что не осилят, если вскинемся.

Логично. Тихонько сговорились, взяли тех, кто изъявил желание, непонятно как скрутили Пауля и забрали с собой в качестве живой карты. Неужели у них имелось еще оружие? Хотя кто их обыскивал... Повелись, твою мать: гражданские, мирное население...

Я взял фонарь и молча вышел наружу. В мокрую и теплую темноту с недостроенного крыльца метнулась тень, но я не испугался, потому что опознал корявенькую псевдоплоть Скарлатину. Скарлатиной я ее решил назвать в память о героическом генерале — это был его термин: «скотина-Скарлатина». Да и обзывалась сама она именно так.

Луч света выхватывал лоснящийся от воды борт бульдозера с облупившейся краской, полусгнивший вагончик, косые струи ливня. Неподалеку лежал полусъеденный труп Толика, над ним хорошо поработала псевдоплоть, оттащив подальше от здания.

— Скарлотина! — приветливо, но с опаской вякнула Скарлатина. Она выглянула из-за «КамАЗа»-бетономешалки. Я показал псевдоплоти кулак, и скотинка тут же спряталась. Поводил лучом по жидкой грязи — ни о каких следах не шло и речи... Эх, Пауль, старина Пауль... «Спи иди, не мороси...». Вот и не поморосил. Ладно, еще не все пропало, в конце концов.

Я спустился с крыльца, поднял отгрызенную по колено ногу Толика и вернулся в укрытие. Все смотрели на меня с ужасом, я буркнул:

— Чего уставились?

И сунул мясо под брезент. Бюреры, видать, потому и суетились, что жрать захотели. «Тещу», поди, уже переварили давно... Из-под брезента отчетливо пахнуло дерьмом, подтверждая, что с пищеварением у карликов все в порядке. Нogu сильно дернули, втащили внутрь, и помещение огласилось клацаньем зубов и чавканьем.

Все вытаращились с еще большим ужасом, кроме Аспирина с Соболевым и профессора. Еще Скунса, который спал, свернувшись клубочком у самого корыта, где было теплее всего.

— Их кормить надо, — пояснил я зачем-то, махнул рукой и принялся загораживать дверной проем шифером и досками, которые отодрала компания Бернштейна и Заяц.

— Мы что, остаемся? — уточнил Петраков-Доброголовин.

— А куда идти в темноте, да еще под дождем? Следов не видно, направление мы даже приблизительно не знаем, догнать их, стало быть, не можем. Утро вечера мудренее...

— Тогда я, пожалуй, посторожу, — предложил профессор.

— Милости прошу. И господин Аспирин с вами, — сказал я.

Остаток ночи прошел без чрезвычайных происшествий. Я даже ухитрился уснуть под все тот же непрекращающийся шум дождя и возню бюреров, которые то жрали, то ссорились между собой из-за свежей человечины. Писчебумажный магазин не снился — дрянь разная снилась. Когда проснулся, то понял, что уже староват спать на жестком бетоне, а еще очень хотелось горячего какао. Которого, понятное дело, под рукой не имелось.

Имелись давешний ливень, угрюмый Соболев, возящийся у огня, и куча спящих тел. Аспирин громко храпел, рядом к нему притулился профессор.

— Как думаешь, дождевую воду можно вскипятить на чай? — спросил Соболев, заметив, что я уже бодрствую. — Я проверил, вроде почти в норме... В бочку натекло, специально на крыльцо выставил.

— Кипяти, — сказал я, зевая. — Все равно другой нет, а дождевая всё-таки с неба льется. Фильтруется малость. Не из озера и не из болота.

— Пауля жалко, хоть он и сам виноват, — помолчав, продолжал Соболев.

— Я пока за него не слишком переживаю. Как проводник он им будет нужен до самого Периметра. А случись чего, и один выберется. Пауль Зону знает.

— Он один раньше не ходил, — возразил Соболев, ломая об колено кусок дранки.

— Все когда-то начинают. Отмычки в одиночку из Зоны выходят, а Пауль и подавно справится с его опытом.

Я действительно в это верил, потому что сам однажды натолкнулся на такого счастливчика. Звали его сложновато для отмычки — Дядюшка Мопс, и увел его в Зону довольно дрянной человечешко по имени Архиерей. С ними ушли еще трое и как в воду канули. А на меня Дядюшка Мопс вышел, когда мы с Гапоном сидели в тихом месте под березками и жарили на вертелах отловленных крыс. Он, хромая, вылез из шиповниковых кустов и взмолился:

— Мужики, дайте пожрать!

Потом, жадно поедая полусырую крысу, Дядюшка Мопс рассказывал, как Архиерей завел их в Припять, как трое отмычек сдохли в аномалиях, а потом сам Архиерей угодил в контактную пару. Назад Дядюшка Мопс шел один, наугад, и плутал почти две недели, потеряв оружие, ПДА, вывихнув ногу... Возможно, в паре деталей бедолага приврал, но, судя по описанию посещенных мест, в целом говорил правду — он и в Зону-то вошел впервые...

Выведенный нами Дядюшка некоторое время был достопримечательностью — его поили в «Штах», выслушивая взамен бродилку-страшилку. Потом он увязался за парой очередных опасных авантюристов, и его съели зомби где-то возле Милитари.

— Дядюшку Мопса вспомнил? — угадал, хмыкнув, Соболев. — Ладно, удачи Паулю, а мы-то что будем делать?

— Завтракать и собираться.

— Кто раненого понесет?

— Голубки наши, кто ж еще.

— А менять их кто будет? Нам не до того, снайпер лучше уж пускай с ружьем шарится...

— Скунс. Кстати, дай ему свой автомат, ты ж с ружьем один черт... Какая-никакая боевая единица, хоть и Скунс. А раненого женщины понесут, если что. Придумаем чего-нибудь. Выбираться нужно вместе, так что без сантиментов.

— То, что без сантиментов, я давно понял и вовсе не против. А капитаншу надо было всё-таки Излому отдать. Уж он нашел бы ей достойное применение. И мы бы сейчас не парились.

— Погоди, еще неизвестно, что с ней случится. Может, Излом в сравнении с тем, куда Заяц влезет, — курорт.

Я встал и потянулся. Суставы громко хрустнули.

— Зарядку надо делать, — назидательно сказал Соболев, примерно с таким же треском сломавший очередной кусок дранки. — А еще лучше — как вернемся, я тебя в качалку загоню. Тренажеры, сауна...

— Я в сауну ходить уважаю, но у меня там свои тренажеры. С сиськами.

Еще раз потянувшись и помахав руками, я вышел наружу справить малую нужду. Скарлатины поблизости не оказалось, остатки мертвеца Толика тоже кто-то уволок. Скарлатина сожрать его целиком не могла — довольно мелкая она была псевдоплоть. Помогли, видимо, коллеги какие-то.

Возвратившись, я обнаружил, что все уже проснулись и вяло шевелятся. Дети сонно хныкали, дамы собрались в туалет. Я позволил им прошмыгнуть мимо меня — раньше охраной женской части во время интимных процессов занималась капитанша, но сейчас я был уверен, что ничего им снаружи не грозит. Разве что Скарлатина напугает для порядка. Но они далеко и не отходили из-за ливня и грязи — через полминуты вбежали обратно, отряхивая промокшие волосы.

Убедившись, что общий подъем завершен, я объявил:

— Как видите, кое-кто решил, что и без нас доберется домой, поэтому предпочел ночью удрать. Это глупое решение — даже если им удалось забрать с собой моего друга. Если кто-то еще собирается двигаться к Периметру самостоятельно — я не препятствую, идите. Кровососа, которого генерал подорвал, все видели. К сожалению, больше генералов у нас в наличии не имеется. Кровососов же в Зоне предостаточно.

Все молчали.

— Нет желающих отправиться самостоятельно? Тогда завтракаем и выходим.

— Там же дождь, — закинулся было один из гомиков, но второй дернул его за рукав.

— Дождь надолго, а расслаживаться нам здесь нет резона. Продуктов мало, вода — только дождевая, плюс, как я уже говорил, радиация. Пойдем под дождем. Раненого будем нести по очереди.

— Может, я пойду сам? — предложил бортмеханик. — У меня всего-то нога сломана, если сделать костыль, доковыляю... А голова прошла уже, даже не кружится.

— Если сделать костыль, скорость все равно будет меньше, — отрезал я. — К тому же ты поскользнешься в этой грязище или сознание снова потеряешь и сломаешь руку или вторую ногу. Лежи и радуйся, вопрос исчерпан.

Я сел на корточки и взял кружку с чаем, слабеньким и почти несладким. Откусил галету.

Рядом со мной оказалась стюардесса Марина.

— Я правда ничего не знала, — тихо сказала она. — Мы с Ольгой не то чтобы дружили... И она, наверное, боялась, что я вам расскажу...

— Ты стрелять умеешь? — поинтересовался я.

— Н-нет...

— Кто умеет стрелять? — громко спросил я.

Отозвался один из гомиков, тот, который говорил про дождь:

— Я по выходным езжу играть в пейнтбол!

— Лучше, чем ничего... Держи. — И я катнул к нему по бетонному полу свой пистолет. Гомик прихлопнул его ладонью, поднял и деловито выщелкнул из рукояти обойму. Вставил обратно. С оружием он явно умел обращаться.

— Артур, ты такой мужественный... — восторженно прошептал второй гомик.

Я сплюнул и сделал большой глоток чаю.

Глава двадцать седьмая. Подарок покойника

Дождь закончился, когда мы подошли к заброшенному пионерскому лагерю. Из-за туч выглянуло ослепительное солнце, сразу поднявшее всем настроение. Всем, кроме меня. Я сурово пялился на пионера.

Пионер стоял у крыльца главного корпуса в позе «всегда готов»: галстучек ровно повязан, рука поднята, согнута в локте, ладошка козырьком, глаза преданные. Пионер был гипсовый, почти целый, только вместо правой ноги торчала железная арматурина, а на гипсовой культе отчетливо были видны следы чьих-то острых зубов. Интересно, кто это решил пожить в гипсовым мальчиком? Видать, какое-то животное без обоняния... и подслеповатое к тому же... мало ли.

— А что это такое? — наперебой спрашивали дети. — А почему мальчик в такой шапке? А что он рукой делает?!

Про пионеров они, конечно, ничего знать не могли. Я и сам-то знал преимущественно по старым фильмам. Мама Бори и Сережи довольно путано стала им что-то объяснять, и я пожалел, что до сего момента не дожил старик-генерал, он точно все помнил и устроил бы им добросовестную лекцию. Да генерал и раньше пригодился бы много раз, явно не случилось бы того, что случилось... Стронглав, сука такая, помешал.

— Ждем тут. Я гляну, что там, — сказал я.

Тяжелая дверь просела и открывалась с трудом. Зато внутри было все готово к встрече маленьких гостей. Пол выскоблен, справа гардероб приветливо сияет крючочками, слева — доска почета пестрит радостными лицами, солнечные зайчики прыгают по стеклу. Все залито солнечным светом, который струится в рваный проем, на месте которого раньше была задняя стена. Прямо в центре холла, на зеленом фоне заднего двора школы, улыбался белыми глазами бюст: кудрявый Ленин маленький.

Сохранность некоторых вещей удивляла, но в Зоне и не такое попадает. И не всегда это признак беды, хотя лучше, как говорится, перебдеть.

Небольшая лестница на второй этаж уходила прямо в небо — от второго этажа остался только фасад и правый угол, над гардеробом. Вот это уже правильно. А то — бюстик, крючочки... Там каким-то чудом сохранились парты и стульчики. Все это напоминало какие-то дикие декорации для кино — когда специально не достраивают часть стен — чтобы туда поставить камеры.

Рядом с доской почета — приоткрытая дверь в кабинет директора. Ай-ай-ай! Непорядок! Это ж так школьнички могут пробраться и подделать себе аттестаты! Или чего там у них в лагерях было?

Задний двор был когда-то, видимо, спортивной площадкой, там еще сохранились щиты с ржавыми баскетбольными кольцами. В углу двора были свалены учебные пособия — пластмассовый скелет, глобус, свернутые в трубку карты и таблицы. Стояла школьная доска, на которой мелом было старательно накарябано: «Если любиш самагон нарисуй ещо вагон» и нарисован паровозик с вагончиками. Любителей самогона на момент катастрофы я насчитал шесть, причем в последнем вагоне сидела зубастая фигурка с подписью: «Деректор».

Ого! Не я тут первый. В шкафу, между горшками с давно засохшими растениями, кто-то устроил выставку артефактов. В основном всякая шелупонь — «выверты», «кровь камня», «бенгальские огни»... хотя стоп. «Ломоть мяса». Я осторожно ткнул его стволом автомата, опасаясь ловушек, — зачем-то ведь оно тут разложено на виду... Нет, все тихо. Убрав «ломоть мяса» в контейнер, я спустился вниз.

— Ничего интересного.

— Может быть, нам здесь переночевать? — спросила Марина.

Видимо, ей понравилась атмосфера тишины и покоя, витавшая над останками лагеря.

— Нам еще идти и идти, — покачал я головой. — Я же говорил — чем больше вы задержитесь в Зоне, тем опаснее для вас! Красивенько вокруг, да? Когда красивенько — еще опаснее, потому что успокаивает! А если в Зоне кто-то слишком спокоен, тот имеет все шансы успокоиться навсегда. Идем дальше, нам даже для привала рано еще, а вы — ночевать...

Марина привычно покраснела. Мы пошли мимо заброшенных игровых площадок с оплетенными повиликой качелями и турниками, мимо длинных жилых корпусов, столовой с провалившейся внутрь шиферной крышей, хоздвора, на котором ржавели два грузовичка и микроавтобус. Место было открытое, и я скомандовал:

— Пять минут передохнуть!

— Помню, меня в детстве мамка вот в такой примерно лагерь возила, — сказал Аспирин, потягиваясь и озирая окрестности. — Столовая вона... Эх, мы с пацанами, бывало, с во-от такими пузами с обеда выходили! Компот у младшей группы отбирали... из сухофруктов был компот, как сейчас помню...

Пока он предавался воспоминаниям, пацаны тут же полезли было к руинам автомобилей, но мамаша выдала им по подзатыльнику. Правильно, нечего там делать. Того же «пуха» в кабину могло нанести ветром, или сидит там кто. Да пусть даже крыса.

Я подошел к нашему раненому, достал «ломоть мяса» и сунул ему в нагрудный карман куртки.

— Не потеряй, — велел.

— А это что такое желтенькое? — спросил бортмеханик.

— Тебя как звать?

— Игорь.

— Так вот, Игорь, это называется «ломоть мяса». Артефакт. Мы за ними в Зону обычно и ходим. Артефакты бывают всякие, но лекции читать у меня времени нет, скажу только, что эта штука поможет твоим костям быстрее срастись. Вполне вероятно, периметр ты уже на своих двоих перейдешь.

— Вы серьезно?! — не поверил Игорь. Гомики-носильщики тоже недоверчиво зашептались.

— Он серьезно, — сказал Петраков-Доброголовин и академическим тоном продолжил: — «Ломоть мяса» — артефакт, образующийся в аномалии «карусель». Представляет собой уродливое желтоватое образование из спрессованных и причудливо изогнутых полимеризованных остатков растений, почвы и костей. При ношении на поясе неким мистическим образом значительно ускоряет заживление ран и хорошо останавливает кровотечения. У сталкеров существует поверье, что в этом артефакте заключена сила погибших в аномалии людей. Правда, этот артефакт привлекает хищников к его владельцу. Цена продажи и вероятность появления — средняя. Интерес к артефакту проявляют научные организации, в первую очередь медики и всевозможные религиозные культы.

— Комендатурский справочник цитируете, профессор, — укоризненно сказал я. — Неспортивно.

— Зато дословно, — укоротил меня Петраков-Доброголовин.

* * *

Покинув лагерь, мы встали перед дилеммой — двигаться по хорошо сохранившейся асфальтовой дороге шириной метра три или же наперерез через поросшие вперемешку ракетами и елками холмы. Мне было памятно наше приключение на пути в городок бюреров, когда мы едва не влетели в совершенно неизвестную аномалию там, где Соболь не обратил внимания на консервную банку, которую пинал.

Поэтому я очень не хотел идти по дороге, хотя и направление, которое я прикинул, с ней совпадало. Вполне понимая притом, что и детям, и санитарам-гомикам с носилками, и женщинам передвигаться по твердому ровному покрытию значительно легче, чем по пересеченной местности.

— Думаешь, стоит ли по асфальту чапать? — спросил Аспирин, подходя. Он сильно погрустнел после ночной пропажи Пауля, которую числил по своему ведомству. Даже жрать не подбивал, только возле столовой малость оттаял было. Впрочем, оставалось у нас той жратвы с гулькин нос.

— Думаю, чува-ак. А ты что скажешь?

Вопрос остался без ответа, так как в березняке мелькнула знакомая фигура, радостно заоравшая:

— Гелинеф! Чериконфлинь!

— Это уже даже и не смешно, — буркнул Аспирин. — Она снова тут. Нажралась Толика и хамит.

— Может, это другая? — предположил Соболь сзади.

— Та самая. Она приметная.

Скарлатина тут же подтвердила, что это именно она, подбежав поближе и возопив:

— Скарлотина!

Страшненькая и кривоватая, она спустилась по склону на асфальт и, попробовав его передними лапами, запрыгала. Если бы это был не мутант, а собака или там коза, я бы сказал — весело запрыгала. Потом Скарлатина пошла вперед, то и дело оглядываясь через плечо. Прошла метров сто, почти до того места, где асфальтовое покрытие сворачивало влево и исчезало за березами, и вернулась.

— Чей-то она? — озадаченно спросил Аспирин.

— Хочет чего-то.

Псевдоплоть снова пошла вперед, дошла до поворота и вернулась.

— Дядя негр, она же показывает, чтобы мы за ней шли! — догадался Боря. А ведь и в самом деле. Скарлатина демонстрировала нам, что на асфальте безопасно — она же вот прошла! Ведь аномалии Зоны опасны в равной мере для людей и мутантов. Весьма вероятно, что существовали и опасные только для мутантов или только для людей, но я таких пока не видел.

— Ну, ты дрессировщик, Упырь, — с уважением сказал Скунс.

— По дороге пойдем? Она вон ходит, чува-ак. Или заманивает?

— Не похоже... Ладно, сделаем так. Я иду до поворота и смотрю, что там дальше. Вы — за мной.

— Идет.

Я пошел по асфальту, Скарлатина взбрыкнула и потопала впереди. Ушла за поворот, исчезнув за березами. Добрался до него и я — за поворотом все было чисто, дорога уходила вперед идеальной прямой, но шла она через поле, и это было плохо. Псевдоплоть сидела на гравийной обочине и, такое впечатление, дремала, но увидав, что я удаляюсь, почапала за мной, держа дистанцию.

— Поле, — сказал я своим, вернувшись. — Будем как на ладони.

— Зато и мы увидим, что вокруг творится. Заранее засечем.

— Здесь, офицер, Зона. Засечем — хорошо, но у нас, не забудь, огневая мощь вовсе не для серьезных схваток на открытом пространстве, — повернувшись к Воскобойникову, сказал я. — Три автомата, два ружья, пистолеты. Одиночного врага завалим. Двоих даже, возможно. Не слишком большую стаю собак. Кабанов. А если нас засечет контролёр и погонит на нас целое звено? Был бы гранатомет, еще ладно... Но гранатомета у нас нет. И крупнокалиберного пулемета тоже нет. А псевдогиганта, к примеру, одними автоматами не всегда остановишь. И даже Соболевыми пищалями...

Воскобойников пожал плечами. Снайпер находился в подвешенном состоянии: беглецы его с собой не взяли, потому что не доверяли, считая «моим» человеком. Наши ему тоже не доверяли, потому что он уже проявил себя «предательски»; ружье оставили лишь потому, что я просил, да и в одиночку лейтенант явно не удерет, не дурак он. А как огневая точка — вполне годится. Доказал на примере Излома, упокой его господь, может, сдох-таки.

— Давайте лучше пойдем через лес.

Мама Бори и Сережи мне определенно нравилась. Башка у бабы работала что надо.

— К тому же эта... как она называется?

— Псевдоплоть?

— Да, это страшное животное... Мне кажется, она выступает в роли проводника. Может быть, ее можно пустить впереди и в лесу?

— А вы попросите, — ехидно предложила мамашка Ирочки.

— Хорошо, — пожал плечами Вероника Сергеевна. Она велела сыновьям «побыть с дядями» и направилась к Скарлатине. Остановилась шагах в десяти, помахала ладошкой — привет, дескать. Псевдоплоть по-собачьи склонила голову набок, а я прикинул, что, если она бросится, сбить из автомата не успею.

— Хорошая, хорошая собачка, — заискивающе сказала Вероника Сергеевна. Псевдоплоть, конечно, к собачкам никакого отношения не имела, в родственниках у нее ходили скорее свиньи или овцы, но дело было не в генеалогии, а в тоне общения.

— Мрокофь, — промямлила Скарлатина. Кажется, она была озадачена.

— Хорошая собачка, — ворковала Вероника Сергеевна. — Иди туда, вон туда. — Она махнула рукой в сторону березняка. — Иди, а мы за тобой пойдем. Иди.

Псевдоплоть застенчиво кашлянула.

— Вон туда, — продолжала Вероника Сергеевна. — Топ-топ.

Скарлатина почесала лапой морду и тихонько направилась в указанном направлении. Дойдя до первых березок, присела и выжидающе обернулась.

— Вот так, — индифферентно сказала Вероника Сергеевна, беря за руки Боря и Сережу. Думаю, будь она попроще, показала бы мамашке Ирочки язык. Я бы точно не удержался.

- Ловко вы ее, — оценил Аспирин.
- С детьми нужно уметь общаться.
- Идемте, раз так, — сказал я, ощущая малопонятную ревность.

По холмам мы продвигались неожиданно быстро. Деревья стояли редко, подлеска почти не было, и я даже огорчился, когда псевдоплоть возопила нечто совсем неразборчивое и бросилась галопом в сторону. Все как по команде вскинули оружие, а я подумал, что у нас, похоже, не только новый командир, но и новый старший группы.

Но никто на нас не выскакивал, не рычал и не пытался сожрать. Очевидно, псевдоплоть наткнулась на нечто пассивное, но ей непонятное.

Это оказалась чья-то стоянка! Современная палатка из серебристой пропитки, окопана по всем правилам желобком, рядом охапка еловых веток со свежими срезами. Грубо, но надежно сколоченный стол и такого же типа лавка. Огороженное булыжниками костровище, по бокам врыты рогатины. Котелок и сковородки — под тентом, рядом со столом. На столе — пара жестяных кружек, миска с ложкой. Все чистенькое, свежeweымытое. Полог палатки был откинут, внутри виднелся край спального мешка, какие-то железяки типа метеоприборов свалены прямо у входа. Какая-то прилада стояла на треноге в трех метрах от палатки и, возможно, что-то замеряла в данный момент. Во всяком случае, на боку у нее помигивал крохотный зеленый огонек.

Аспирин осторожно обошел палатку и дико заорал: сзади палатки, привязанный к стволу дерева толстой веревкой, сидел слепой пес. Молча сидел, словно не замечая нас, не шевелился.

- Чего он сидит? — шепотом спросил Аспирин.

— Хрен его знает. Неживой, что ли... — прошептал в ответ я и решился бросить рядом гайку — пес даже ухом не повел. Аспирин пошевелил палкой сухие листья перед псом — ноль реакции. Затем осторожно дотронулся до лапы. Ничего. Осмелев, он ткнул палкой в плешивый бок. Пес был мертвее трупа убитого покойника. Он завалился на бок с тяжелым стуком, словно гипсовое изваяние, и рассыпался. Вереvoчная петля шлепнулась на траву, вверх взметнулась пыль. Взметнулась — и не осела, начала роиться, собираясь в плотную массу. Аспирин попятился.

- Вот сука... Чего это?

— Не знаю... — Я с тревогой наблюдал, как пыль собралась в фигуру собаки. Фрагменты толкались, словно устраиваясь поудобнее, пока перед нами не возник тот же пес, даже веревка каким-то образом по-прежнему была обмотана вокруг шеи.

— Давайте-ка мы это дело обойдем, — решил Аспирин. — А то будет нам полный офсайт.

Соболь ружейным стволом приоткрыл пошире полог и заметил:

- В спальнике лежит кто-то.

— И пусть лежит. Ты видел, чего с собакой стало? Теперь прикинь, что может в спальнике лежать...

— Видал я такое, — деловито протиснувшись между нами, сказал Скунс. — Ничего страшного — развалится, соберется, потом опять развалится, опять соберется.

- Тем более валим, раз тут ничего интересного.

Сделав крюк, мы прошли по лесу еще километров пять, после чего наша проводница Скарлатина куда-то исчезла, и отряд выбрался к колхозу. Точнее, к тому, что от него осталось.

Указатель гласил: «Колхоз «Черепаново»». Помнил я такой колхоз, но самого сюда не заносило. А кто-то здесь ходил — жестяная пластина указателя была расстреляна из дробовика.

Асфальтовая дорога, по которой мы давеча не пошли, тянулась вдоль колхозного поля, на котором ничегошеньки не росло.

Словно его вчера вспахали. Комья жирного чернозема, ровные борозды. А вон и трактор стоит под тремя березками на краю поля. С виду вполне целый. Прямо картинка «рабочий полдень»: тракторист сейчас выйдет из-за березки, а к нему уже селянка с крынкой

молока и обедом в корзинке. Тьфу, наваждение сплошное. Но делать было нечего, и мы спустились к дороге, которая метров через сто расширялась, ненавязчиво переходя в главную улицу. Название ее было гордо начертано на углу забора крайнего дома: «улица Ленина». Дальше потянулись первые колхозные дома, ровненькие, аккуратные. Занавесочки на чистых окнах, крылечки с деревянной резьбой... Велосипед прислонен к забору, старенький «Урал», но в отличном состоянии, кажется, даже шины не спущены.

А вот чем глубже, то есть ближе к центру, — тем обстановочка менялась. И не в лучшую сторону. То стена дома наполовину трухлявая, то какая-то черная жижа на полдвора. Дома ближе к центру с одной стороны были вроде как поновее — двухэтажные, кирпичные, а с другой стороны они гораздо более обветшали, чем деревянные срубы на краю колхоза. Ни тебе занавесочек, ни даже стекол, в иных местах и рам-то оконных не было. На стенах то там, то тут было словно чернилами намазано — видать, какая-то зловредная плесень расплодилась.

На центральной площади был вообще цирк. Старая деревянная колокольня притулилась к трехэтажному зданию. Колокольня была вполне ничего себе, даже колокол был на месте, и веревка от него свисала куда-то вглубь. А вот здание, похоже, держалось только благодаря ей. Бывшие когда-то белыми бетонные колонны покосились, крыша съехала, и все здание словно бы навалилось на колокольню, да таким макаром, что, казалось, дунь — и вся дикая конструкция рассыплется в прах. Жалостливо поблескивала табличка на здании: «Администрация Черепановского коллективного хозяйства». И, словно в насмешку, на ступенях под табличкой лежал череп. Настоящий череп. Выбеленный солнцем, вымытый дождями. Никаких костей больше рядом не было. Под накренившимся крыльцом, оторвавшимся правым краем от земли, был кем-то вырыт довольно широкий проход, уходивший в глубину под здание.

— Слушай, чува-ак, я этого места не знаю, — сказал Аспирин, опасливо глядя на дыру в земле.

— Я тоже не знаю. Давайте-ка так: я поднимусь наверх, осмотрюсь, а вы отойдите чуток подальше и внимательно следите, как бы кто из этого метро не выполз.

На дверях колокольни висел замок, но я легко сбил его вместе с петлей прикладом. Дверь тут же со скрипом отворилась, словно приглашая войти. Изнутри пахло почему-то закишими дрожжами, словно из старой пивной бутылки. Я поморщился и заглянул в прохладную темноту — ничего страшного, только лестница, уходящая вверх. Деревянные ступени вроде не слишком сгнили, провалиться я не рисковал и потому смело пошел вверх.

Восхождение заняло пару минут, а потом я уперся в люк. Он тоже был закрыт на замок. Этот выглядел крепче, чем уличный, но после нескольких ударов тоже отвалился и со стуком покатился по ступеням вниз. Открыв люк, я высунул голову на колокольную площадку и едва не вскрикнул, потому что прямо мне в глаза смотрел мертвец.

Труп валялся здесь очень давно, но не разложился, а скорее мумифицировался: кости обтянуты желтой шелушащейся кожей, рыжие волосы осыпались на дощатый пол площадки, губы кривятся в предсмертном оскале... Причем непонятно, кто его убил и как — ни крови, ни пулевых отверстий. Странно было и то, что труп не истребляли вездесущие вороны. И еще один вопрос — кто его здесь запер? Зачем?

В карманах комбинезона я обнаружил полпачки сигарет, окаменевший кусок полукопченой колбасы, камешек с дыркой — талисман, что ли? — и двести с мелочью долларов. Ничего, что пролило бы свет на личность. Но при жизни покойник ходил в серьезных бойцах: к перилам была аккуратно прислонена американская снайперская винтовка FN FNAR. калибра 7.62. Мне с такой приходилось сталкиваться — очень профессиональное оружие, весьма сложное в обслуживании, хоть и сделанное на основе обычной браунинговской охотничьей винтовки. Это был вариант с сошками, тяжелым стволом и магазином на двадцать патронов. Наверное, Воскобойников бы очень обрадовался, но я тут же с сожалением констатировал, что магазин был пуст. Обыскав покойника, патронов я тоже не нашел — расстрелял весь запас по кому-то... Разумеется, такая дура

стоила хороших денег, но я даже «мамины бусы» по пути проигнорировал, а тащить за собой лишний ствол без патронов...

Пистолет у мертвеца обнаружился простой — потертый «макаров», разве что с нештатными деревянными накладками на рукояти. Но на этом его арсенал не заканчивался, и самое интересное я обнаружил в пластиковой продолговатой коробке защитного цвета, стоявшей в тени на противоположном конце площадки и оттого не сразу мной замеченной. В ней, в специальном гнезде, помещался ручной гранатомет «Нарвал» и шесть зарядов к нему. Вещь, прямо сказать, очень редкая — идеальное сочетание небольшого веса и убойной силы. «Валар» священника в сравнении с ним немногим отличался от водяного пистолета. Штучный товар. В продаже я таких вещей не видел очень давно, потому что выпускали их ограниченно, привозили конкретным людям на заказ, а эти конкретные люди не шибко хвастались тем, что у них появилось. В Зоне ведь как — лучше пусть все думают, что у тебя все как у других. Иначе превратишься в объект охоты, и тот же «Нарвал» не спасет. Тем паче он, конечно, предназначен не для ковбойских перестрелок, а для штурма серьезно защищенного укрытия, например. Или для встречи один на один с псевдогигантом, химерой, крупным кровососом.

— Спасибо, брат, — сказал я мертвецу, все так же безучастно взиравшему высохшими глазами на колокол. Затем достал флягу, взболтнул — на дне что-то еще оставалось. Отвинтил крышечку и, сделав приветственный жест в сторону покойника, выпил. Потом оторвал одну из досок пола и спрятал под нее винтовку — мало ли, вдруг доведется вернуться, зачем на общее обозрение выставять хорошую вещь?

Наконец я занялся тем, ради чего взбирался на колокольню. Вид с нее открывался захватывающий, словно колокольня и впрямь была эпицентром какого-то странного взрыва: дома осыпались и были обветшалыми только той стороной, которая смотрела на центральную площадь, чем дальше же от колокольни, тем они выглядели новее и свежее. За зданием администрации на заднем дворе лежали лошадиные кости и остатки телеги — прямо в той позе, как их накрыло. Неизвестно чем, но накрыло разом: кости лежат аккуратно, хомут на месте, поводья тянутся к... черт, там тоже кого-то накрыло. И кости уж явно не лошадиные... Чуть поодаль стоял «уазик» с прогнившим тентом, еле заметный среди бурьяна.

Меня интересовало южное направление, но там расстилались лишь поля, на горизонте переходящие в лесистые холмы. Линия электропередачи казалась знакомой в отличие от нескольких приземистых зданий в паре-тройке километров, похожих на коровники.

В целом мы шли верно. Мне так казалось по крайней мере. После истории с трубой и оврагом я ни в чем не был уверен на сто процентов. Главное — не думать про параллельные пространства, о которых болтал профессор. А то вообще можно сбрендить.

— Ты чё там?! — донеслось до меня снизу. — Все нормально, чува-ак?!

Кричал, ясное дело, Аспирин. Я перегнулся через ограждение и крикнул в ответ:

— Нормально!

— Чё нашел?!

— «Нарвал»!

— Чего?! Не понял... Блевал, что ли?! Высоты боишься, чува-ак?!

— Сам ты блевал! «Нарвал», а не блевал!

— Чего?!

— Ладно, сейчас, спускаюсь уже!

Шуточки Аспирина показывали, что он малость отошел от депрессии. Ну и хорошо, а то сам на себя не похож. Я зарядил «Нарвал» (в магазин входило три гранаты), остальные три рассовал по карманам разгрузки, повесил на плечо сам гранатомет, подмигнул покойнику и стал спускаться вниз. Внезапно колокольню с душераздирающим скрипом повело куда-то вбок, и я едва удержался на ногах, ухватившись рукой за стену. В ладонь вонзилась большая заноза, но я не обратил внимания, буквально ссыпавшись по ступенькам к двери. Вылетел на улицу и угодил прямо в объятия Соболя.

— Твою мать... — пробормотал он. — Это ты ее раскачал, что ли?

— Не я...

Колокольня качнулась в другую сторону, еле слышно загудел наверху потревоженный колокол, и все успокоилось. Я тревожно посмотрел в черный зев норы.

— Там кто-то есть, — сказал Соболев. Потом увидел «Нарвал» и покачал головой: — Надо же. Я думал, послышалось.

— Там мертвец на колокольне, — объяснил я, не отрывая глаз от норы. — Винтарь снайперский без патронов и вот это. Винтарь оставил, куда его...

Воскобойников печально покашлял.

— С находкой тебя, — поздравил Соболев, взяв у меня гранатомет и прикинув к плечу. — Может, саданем гранату в это метро?

— А ты представь, кто там может сидеть, если он колокольню качает? Не факт, что ему наша граната, даже из «Нарвала», хотя бы чирей вскрыет... К тому же гранат всего шесть, и лучше их использовать с толком, а не для развлечения. Давайте-ка убираться отсюда поскорее, пока на нас не обратили внимание.

Пассажиры уже научились дисциплине — стояли кружком под защитой вооруженных членов отряда, в том числе гомика Артура с пистолетом в руках. Дети втроем играли во что-то, рисуя прутиком на пыльной земле, а бортмеханик массировал свою сломанную ногу. «Ломоть» начал действовать — у него там все зудело и вибрировало, я в свое время на себе испытал это, когда сломал запястье. Нет, не в Зоне — неудачно в баскетбол сыграл. Пришлось взять артефакт в долг у Бармаглота.

Кстати, как там старина Бармаглот? Мы шли по улице, ощупывая стволами мертвые окна домов, словно солдаты, отбившие у врага город, а мне припомнился Бармаглотов схрон. Мы уже нарушаем все обещанные сроки, и не факт, когда еще выберемся... Волнуется, наверное. Вот кому «ломоть мяса» пригодился бы, но где ж его было тогда взять.

— Что сверху-то видно было, чува-ак? — поинтересовался Аспириин.

— Видно-то много, но я так и не сориентировался толком. Ничего не понимаю. После того как мы через этот хренов овраг перешли по трубе, с местностью что-то творится, мужики. Плавает местность...

— Да что с ней может твориться? Ну, незнакомый участок. К тому же в Зоне все меняется, она на месте не стоит. Помнишь болотце у Агропрома?

Действительно, неподалеку от Агропрома имелось болотце. Маленькое, пересыхающее летом и вымерзающее зимой, но совершенно непролазное в остальное время года. В один прекрасный день прямо посреди болотца появился асфальтовый каток. Здоровенная машина весом в несколько тонн словно с неба свалилась — стояла, утонув наполовину в торфяной жиже, хотя прошедшие тут полчаса назад «монолитовцы» клялись, что и никакого катка не видели. И это был мелкий пример; про параллельные миры и дырки в них тоже говорилось очень много, но в подобное верить совсем уж не хотелось, как я уже говорил. И потом, самолет же прилетел из обычного мира... если только он тоже не проскочил в некую дырку.

Тьфу.

Лучше не забивать голову. Ни параллельными мирами, ни Бармаглотом, ни Паулем, с которым как раз все нормально скорее всего...

А вот это уже плохо!!!!!!!

— Стоп! — крикнул я, сорвавшись от неожиданности на визг.

Глава двадцать восьмая. У Тёмных

Альтобелли устал. Они шли всю ночь, угодили под дождь, лейтенант промок с ног до головы и все время ждал, что Тёмные наконец-то устроят привал. Черта с два — только пару раз остановились облегчиться, даже ели на ходу...

Лейтенанта никто не трогал, не задирали, но он постоянно чувствовал, что за ним присматривают, и удрать не пытался. В конце концов, Тёмные — тоже люди, может, с ними реально договориться? Куда-то ведь его ведут, хотя вполне могли пристрелить или прирезать

рядом с химерой. Даже поесть дали — несколько сухарей и тюбик с рыбным паштетом из его же вещмешка. Предложенную воду Альтобелли пить отказался — вполне возможно, она была радиоактивной, и напился во время дождя, ловя ртом низвергающиеся с неба струи.

За дорогой Альтобелли не следил, в любом случае карту у него тоже забрали. Да и двигались они сумбурно — пролезали через трубы под шоссе, пересекали узкоколейку, брели через заболоченный луг и даже лежали минут двадцать в мокрой высокой траве, что-то пережидая. К тому же большая часть пути вообще прошла в темноте — фонари Тёмные включали редко, и у постоянно падавшего лейтенанта все руки были в ссадинах, плюс он едва не сломал ногу, споткнувшись о рельс и неуклюже свалившись с насыпи.

Заговорил с ним только Поролон, который давал еду.

— Бери, — сказал он. — Следующий раз жрать будем уже дома.

С тех пор лейтенант надеялся, что пресловутый дом рано или поздно покажется впереди, но солнце было уже высоко, а они все шли и шли, на сей раз через сосновый лес, благоухающий смолой и хвоей. Шедший впереди Альтобелли Тёмный на ходу сорвал большой гриб и принялся его есть. Сырым.

Оставшиеся в пачке сигареты Альтобелли давно уже выкурил — с такой жадностью, словно никогда и не бросал этой вредной привычки. Просить у Тёмных не решился, к тому же он не видел, чтобы кто-то из них курил. Поэтому лейтенант упорно терзал зубами найденную в кармане подушечку апельсиновой жвачки, давно уже утратившую вкус и сладость, и шел, не стараясь определить свое местоположение. Одно он понял твердо — от места катастрофы его уводили все дальше и дальше. Но не говорить же Тёмным про аварию. Вряд ли это люди, подходящие для спасения выживших пассажиров...

«Дом» возник неожиданно. Только что Альтобелли пролезал вслед за своими спутниками через дыру в ограждении из колючей проволоки, и вот он уже среди приземистых бетонных строений, утопленных в земле. Судя по сочетанию добротности и уродства, до катастрофы это был какой-то военный объект Советов. Тёмные нашли его, обустроили на свой нехитрый вкус и вселились, устроив промежуточную базу. В основном-то они вертелись вокруг бара «Сталкер», в котором сам Альтобелли ни разу не был.

Слухи о диком образе жизни Тёмных оправдывались на каждом шагу. Прямо у тропы, ведущей к одному из бетонных капониров, сидел мужик с непомерно большими перепончатыми ушами и гадил, держа в руке лист лопуха. Невдалеке от него на костре жарилась туша чернобыльского кабана, а на деревянном щите с еле заметным изображением солдата в каске со звездой был распят голый человек. Человек был еще жив, и пара Тёмных тренировалась на нем в метании ножей; Альтобелли успел заметить, как один из них то ли случайно, то ли специально промазал, и длинное лезвие вонзилось в плечо. Человек задергался, но не закричал — рот у него был зашит.

Прибывшие с лейтенантом сразу же рассосались по объекту, никто их не приветствовал, словно и не уходили.

— Вот так и живем, — сказал Поролон, заметив, что Альтобелли вертит головой. — Не ждем тишины. А годы летят, наши годы, как птицы, летят...

Вероятно, это было некое русское стихотворение или песня.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — спросил лейтенант.

— Съесть, конечно.

Альтобелли оценил юмор, промолчал.

— Не каждый день попадается такая птица — лейтенант из комендатуры, — пояснил Поролон, постучав в металлическую дверь с потеками ржавчины. — Контрактников из местных — завались, мы их даже на шашлык не ловим. А тут — Италия, пусть лучше старший посмотрит, может, и пригодишься для чего... Какие там у вас национальные блюда? Лазанья?

— Кто? — спросили изнутри. Открылась небольшая амбразура. — Поролон? А это кто с тобой?

— Поймали, на комбайне катался. Офицер из комендатуры, велено его боссу показать.

— Велено — покажем, — сказал человек внутри. Залязгали железяки, дверь отворилась, и Поролон толкнул лейтенанта в спину. Едва не поскользнувшись на осклизлой ступеньке, Альтобелли наткнулся на привратника, жиртреста в грязной майке с обрезанными рукавами и широких брезентовых штанах. Жиртрест схватил лейтенанта за ворот комбинезона и потащил по узкому коридору с обшарпанными кафельными стенами, из которых там и тут торчала решетка арматуры. Сзади шел Поролон, насвистывая незатейливую унылую мелодию.

Старший сидел в комнате, освещенной забранными в сетки плафонами и заставленной нескораемыми шкафами. За столом, как и полагается начальствующему лицу. Под низко надвинутым капюшоном лейтенант видел только поблескивающие глаза и густую бороду. Занят старший был тем, что играл в допотопный карманный «тетрис», оглашая помещение электронным попискиванием.

— Вот, Макар, — коротко сказал толстяк и ушел. Поролон сел на металлический ящик, а лейтенант остался торчать посередине.

— Кто такой? — спросил старший, не отвлекаясь от игры.

— Лейтенант из комендатуры. Итальянец, — доложил Поролон.

— Засыпало, — сокрушился старший и положил «тетрис» на стол, где вперемешку валялись разбухшие от сырости книги, объедки, пустые бутылки и автоматные рожки. — Из комендатуры? Что делал в лесу?

— Плановое патрулирование, — ответил Альтобелли сухо.

Расписывать свои приключения этому бандиту он не собирался.

— Врешь, — бесцветно сказал старший. — Нет планового патрулирования, есть зачистка Периметра. Зачем в Зону полез? Будешь врать — отрежем яйца. Сварим вкрутую, заставим съесть. Не ври, рассказывай, как было.

А что, в самом деле, скрывать?

— Упал пассажирский самолет. Мы должны были проверить место катастрофы — не осталось ли живых, и в случае чего эвакуировать их, а также забрать «черные ящики».

— А почему один? Посылали ведь группу?

— Группа погибла.

— Кто же ее так?

— Мутанты. Какие-то новые, я таких раньше не видел — похожи на яблоки с глазом. Падают с деревьев, и если к кому прицепятся... то ли подчиняют себе, то ли вводят что-то вроде наркотика.

— А, эти... — безразлично произнес старший. — Это да. Недавно объявились. Ты своих перестрелял, надеюсь?

— Не всех, — помолчав, сказал лейтенант.

— Ага. Значит, бродят. Это зря. Ладно, с ними решим после. А что с самолетом? Не дошли?

— Не дошли...

В них ведь есть что-то человеческое. Им нужны деньги. Оружие. Продукты.

— Если вы поможете пассажирам, я позабочусь о том, чтобы вы получили вознаграждение, — добавил Альтобелли.

Старший помолчал, после чего начал смеяться. Громко, жизнерадостно. К нему присоединился Поролон. Отсмеявшись, старший постучал пальцем по столу и сказал:

— Слушай сюда, итальянец. Я прекрасно знаю про самолет. И вознаграждение мы получим, только ты тут ни причем. Что с тобой делать — придумаю, можешь пока не бояться. Поролон, отведи его в камеру. Дай еды и воды.

Поролон поднялся и взял Альтобелли за плечо, а старший моментально утратил интерес к происходящему и снова взялся за «тетрис».

Камера оказалась пеналом примерно метр на три. Из стены торчали обрывки разноцветных проводов, никакой мебели не имелось, только помятое цинковое ведро, исполнявшее роль параша.

— Сиди, я пожарить принесу, — пообещал Поролон и закрыл дверь.

Лейтенант посмотрел вверх — потолок с известковыми натеками, на потолке — лампа и щели вентиляции. Выплюнул опостылевшую жвачку, сел. Прямо на уровне глаз на стене было нацарапано по-русски: «Тут был Тарантул. Настоящее имя Саня Гришечкин, напишите маме: Псков, улица Советск...». Дописать адрес Саня Гришечкин не успел. Альтобелли такого сталкера не помнил, наверное, из молодых совсем, отмычка, да и кличка с претензией, обычно мелочь такие берет. Но положил себе на будущее, если выберется, проверить архивы с досье и в случае, если на Тарантула есть данные, в самом деле написать матери.

Вернулся Поролон, принес вскрытую банку армейской рисовой каши с мясом и воду в пластиковой бутылке.

— А вилка? — спросил Альтобелли.

— Чего?! Вилка?! — Поролон хехекнул. — Руками жри. Мы все жрем руками.

Лейтенант вновь остался в одиночестве и принялся за кашу, потому что для застольного этикета явно было не время. Он старательно прожевывал мясные волокна и недоваренные рисинки. Холодный жир неприятно облепил язык, нёбо и горло, но пить местную воду Альтобелли по-прежнему не решался. Выскреб пальцами остатки со дна, обсосал горьковатый лавровый листик, выплюнул. Критически осмотрел банку — в принципе, если расплющить и заточить край, из нее можно сделать подобие оружия. А смысл?! Вздохнув, лейтенант зашвырнул банку в парашу, брезгливо вытер руку о штанину и попробовал проанализировать имеющуюся информацию.

«Я прекрасно знаю про самолет. И вознаграждение мы получим, только ты тут ни при чем», — сказал бородатый Тёмный. Что же он мог иметь в виду? Они видели падение авиалайнера и послали туда своих? На месте аварии есть чем поживиться, рвение Тёмных можно понять... Может, это старший и понимал под вознаграждением — собрать с трупов украшения, деньги, личные вещи?

Нет, прозвучало все с другой интонацией. Недаром Поролон и старший так смеялись, будто Альтобелли сказал глупость. А ведь он ничего особенно идиотского не говорил — лейтенант прекрасно знал, что комендатура и прочие власти имеют постоянные и взаимовыгодные контакты со сталкерами и в том числе с Тёмными. Вслух об этом никто не заикался, но Альтобелли давно уже распрощался с иллюзиями, еще на первом году службы, когда изъятый у двух начинающих сталкеров хабар попросту забрал себе командир патруля, выделив остальным патрульным по паре «колючек». Излишне говорить, что самих сталкеров отвели чуть подальше за Периметр и пристрелили. Мотив был уважительный — командир патруля выдавал замуж дочку в Киеве.

Что ж, пока делать все равно нечего, а значит, можно поспать. Тем более лейтенант не спал с тех пор, как его разбудил сучий зуммер, вставленный в коронку зуба. Рассудив так, Альтобелли воспользовался ведром-парашей, прислонился к холодной стене камеры и провалился глубоко-глубоко в сон.

Глава двадцать девятая. Телефон недоверия

После моего истеричного визга все замерли. Слышно было, как от легкого ветерка дребезжит на столбе дорожный знак с цифрой — ограничителем скорости.

— Аспирин, Соболев! Тень, смотрите.

От двухэтажного дома, стоявшего справа, на дорогу падала тень. Это было бы в порядке вещей, если бы от точно такого же дома слева от нас на дорогу тоже не падала тень навстречу первой. Притом что солнце на небе светило всего лишь одно.

— Я чуть не обоссался, чува-ак, — с укоризной сказал Аспирин. — Думал, из окошка лезет кто.

Я молча бросил гайку, она спокойно прокатилась как раз между двумя тенями, по узкой полоске солнечного света. Ничего. Бросил вторую, левее. Подпрыгнув, она легла в пыль. Ничего.

Третья гайка пролетела через тень правого дома и стукнулась о детский трехколесный велосипедик, стоявший у подъезда. Вон когда не хватало псевдоплоти. Где ее черти носят, интересно?

— Аномалии нет, — сказал Соболев.

— За последнее время мы видели много нового. А если это аномалия, которую гайки не заботят?

— Так можно и параноиком стать, если повсюду искать аномалии.

— Береженного бог бережет.

— Ты предлагаешь, как первая гайка, пройти по линии света? Мы там не уместимся.

— Я предлагаю обойти дом сзади.

Соболев пожал плечами.

— Да запросто. Давай я обойду для начала.

— Валяй.

Соболев зевнул и скрылся за углом того здания, что справа, с «нормальной» тенью. Прошла минута. Полторы.

— Долго он, чува-ак, — заволновался Аспирин. В этот момент Соболев показался из-за дальнего угла и громко сказал:

— Там машина интересная стояла, старинная. Задержался, под капот глянул, что там у нее напихано.

— Тыфу ты, — плюнул в сердцах Аспирин.

Мы без помех обошли дом. Во дворе и в самом деле стояли деревянные сарайчики, детские качели, песочница и древняя машина, черный облезлый крокодил с распахнутой пастью капота.

Воскобойников пнул лежавший в траве разноцветный детский мячик. Я уже устал предупреждать, что в Зоне непрофессионалу ничего не нужно трогать без особой на то нужды, поэтому промолчал. Пусть ему в следующий раз такой мячик ногу оторвет. Черт с ним, сколько можно, в конце концов. Если их даже встреча со Стронглавом почти ничему не научила, зачем я стану на мячиках примеры приводить.

И тут я услышал, как в доме звонит телефон. Даже точно мог сказать, откуда именно идет звук: вот из этой квартиры на первом этаже, в которой открыто окно с грязными оранжевыми занавесками.

— Связь! Телефон работает! — закричала мамашка Ирочки и, резво сунув дочку строгой Веронике Сергеевне, бросилась к окну.

— Стой! Стой, дура! — заорал я.

Аспирин хотел опередить меня, я налетел на его тушку и споткнулся. Пока мы возились, блондинка с завидной ловкостью забралась на подоконник и скрылась внутри, мелькнув аккуратной задницей, затянутой в джинсу. Я сунулся следом, оттолкнув Аспирину, и услышал:

— Алло! Алло! Вы слышите меня?!

Квартира была самой обыкновенной: старинная мебель, с виду дешевая и примитивная, телевизор с выпуклым экраном, аляповатые плюшевые ковры, диван с пухлыми валиками. Со стен свисали отклеившиеся обои в ромбик.

Мамашка стояла у складного журнального стола и бормотала в трубку:

— Что? Я не понимаю... Что? Что вы хотите?!

Я осторожно извлек трубку из ее скрюченных пальцев и помахал ладошкой перед лицом. Мамашка моргнула.

— Что... что он говорил?

Вроде все в порядке. Лучше ее люди с ума сходили, вот так трубку сняв. Похоже, здесь случай безопасный. Я осторожно поднес к уху белую пластмассовую кривулину и услышал встревоженный мужской голос, кричавший:

— ...Лиза! Лиза, бери детей, документы, деньги и скорее к администрации! Оттуда пойдут автобусы! Ничего больше не бери, багаж с собой нельзя! Я на базе, приеду позже, за меня не волнуйся! Военные говорят, что все будет в порядке... Лиза! Лиза!...

— Алло, — тихо пробормотал я.
— Лиза, бери детей, документы, деньги и скорее к администрации! Оттуда пойдут автобусы! Ничего больше не бери...
— Он... он не отвечает... — растерянно сказала блондинка и заплакала.
Я аккуратно положил трубку.

* * *

Эпизод с телефоном испугал всех куда больше, чем Стронглав или Излом. Я не препятствовал мамашке, со слезами рассказывавшей, как она только что слышала по телефону голос черт знает когда умершего человека. Оно и понятно: чудовищем напугать человека проблематично, чудовище смертно и ранимо, что доказал покойный генерал. Храбрые парни с ружьями придут и убьют чудовище. «Жгучий пух» можно не хватать руками. А вот что поделаться с совершенно необъяснимыми вещами? Неожиданное приключение Ирочкиной матери пошло на общую пользу, хотя на самом деле именно Ирочка попала в самую жуткую переделку. По малолетству, правда, не все сумела оценить, но к детскому психиатру я бы ее сводил по возвращении.

— Слушай, я так понял, тебе тот мужик денег обещал? — спросил, подергав за рукав, Скунс. Он нес клетку с бюроерами — тайны из своего хабара я уже не делал.

— Обещал, — механически ответил я.

— Но он же свалил. Зачем ты тогда тащишь эту компанию за собой? Посади их в дом покрепче, запри, пистолет оставь... Придешь — кинь воякам информацию анонимно, мол, так и так, сидят в доме. Ориентиры дай.

— Видишь ли, Скунс, не все так просто.

— Типа? — озадачился тот.

— С одной стороны, не все деньгами измеряется. Но это я так сказал, для красоты.

— Я понял, — разъехался в беззубой улыбке неудачливый торговец. — Я ж тебя знаю, Упырик.

— С другой стороны, с самолетом и в самом деле имеются сложности. Вот я думаю: они же явно успели доложить диспетчерам своим, что падают. Даже если и не успели, самолет не утка, с экрана радара пропал — сразу засекают круг поиска. Тут вертолеты должны туда-сюда сновать, а их нет.

— Э-э... наверно, — согласился Скунс. — И что?

— То, что эти люди никому не нужны.

— Тем более — запри их в доме и оставь.

Я отмахнулся — объяснять Скунсу основы гуманизма не хватило бы терпения даже у педагогичной Вероники Сергеевны.

После колхоза путь наш был монотонным и изнурительным. Жара, духота, пыль, и главное — нет воды. Взрослые еще держались, а дети начали ныть. Вероника Сергеевна дважды подходила ко мне и спрашивала, нельзя ли поискать ручей. Я объяснял, что к Зоне воду нельзя без особой нужды пить даже сталкерам с их лужеными глотками, а запас нейтрализующих таблеток кончился. Отдал свою флягу с остатками воды, но детям хватило всего по глотку. Оставалось спиртное, но его лучше пока не трогать, и уж тем более ребятишкам оно подавно ни к чему.

Пивка бы холодного... Я припомнил, как приезжали приятели из Харькова, как сидели на бережку речки и пили ледяное бутылочное пиво с жирненькой таранью. К тому времени я уже окончательно освоился, завел друзей и связи, Джабраила не боялся — его бы наши размазали по всему Периметру, вздумай он явиться или кого-то послать.

Один из приятелей — как бишь его? забыл... — спросил, не жалею ли я. Они, мол, кино снимают, а я тут по кустам от мутантов бегаю. Разве достойное занятие для взрослого человека?

Не помню, кстати, чего я ответил. Пошутил, кажется. По поводу того, что они кино снимают, а я в этом кино живу. И только сегодня полностью осознал, что я действительно

живу в кино. Весь окружающий мир поглощен собственными заботами: политикой, экономикой, кто-то с кем-то за что-то воюет... Курсы валют, цены на нефть и газ, провал нанотехнологий, эпидемии и театральные фестивали, модные показы и продовольственный кризис... Нажал кнопчку на пульте — и ничего этого нет. Да, курс евро влияет на стоимость хабара, оружия, амуниции. Но это воспринимается как буйство стихии. Что сделаешь с ураганом?

Поэтому сталкеры никогда — ну, почти никогда — не базарят о политике и экономике. Их культурный досуг заключается в основном в просмотрах телевизионных шоу и спортивных программ, а в идеале — стриптиза в заведениях. Потому что мы все живем в бесконечном кинофильме, а те, кто за гранью экрана, нас мало интересуют. Если только они сами не втискиваются в этот экран, как произошло с пассажирами злосчастного авиалайнера...

— Вы раньше слышали истории о подобных телефонах? — спросил профессор. Начпрод Аспирин выдал нам с ним на двоих пакетик чипсов, и от беседы отвертеться никак не получалось.

— Слышал, — сказал я, засовывая к бюрерам свежеподстреленную ворону. Сразу же захрустели кости, потом раздался болезненный кашель — перьями, видать, подавились. Страхнул с пальцев воронью кровь и сунул руку в пакетик.

— И что говорят? — Петраков-Доброголовин поморщился, глядя, как я отправляю чипсы в рот, но тоже начал есть.

— У Зоны особая энергетика. Может быть, какая-то часть телефонных разговоров просто застряла в кабелях. Тот голос, что я слышал в доме, был закольцован. Не забудьте и про всякие АТС. Что-то, возможно, улавливается из внешнего мира. Потому всякое можно услышать.

— То есть разговоры вполне обыденные? Вот такие послания из прошлого?

— Я же говорю — разные. Если человек в Зоне снимает трубку и слышит, как в Одессе, например, один предприниматель заказывает другому привезти пять тонн парного мяса, эта невинная информация приобретает совсем другой подтекст. Он-то не знает, что абоненты — в Одессе... Некоторые не только слышат, но и говорят. Получается игра в испорченный телефон, тоже кого угодно испугает.

Я помолчал, хрустя чипсами. Черт, ну и противная же штука, сплошная соль... Еще больше захотелось пить.

— И все? — спросил Петраков-Доброголовин, чуя, что я не договариваю.

— Некоторые сходят с ума. Но у них, сами понимаете, очень сложно узнать, о чем и с кем шла беседа.

Профессор понятиливо покивал.

— Вы странный человек, Константин, — сказал он. — Иногда рассуждаете, как рафинированный интеллигент. И я не удивлен — вы ведь учились на кинематографиста. А иногда...

— А иногда рассуждаю как быдло? — усмехнулся я.

— Почему как быдло. Нет. Как... как бандит, я бы сказал. И ведете себя соответственно.

— Профессор, здесь вести себя по-другому нельзя. Что я должен был, по-вашему, сделать в случае с бунтом на корабле?

— Не обязательно было убивать этого молодого человека...

— Если бы я его не убил, могла начаться серьезная перестрелка. Если помните, именно он предлагал убить меня. И, не исключено, вас тоже — ведь им требовался лишь один проводник до Периметра, а вы на проводника никак не тянете.

— Об этом я не подумал, — признался Петраков-Доброголовин.

— Да вы сами кого угодно убьете за своих бюреров.

— Зачем вы так говорите? — обиделся профессор.

— А не вы ли предлагали мне оставить пассажиров у самолета? Прекрасно понимая, насколько снизятся их шансы на выживание. И все из-за ваших драгоценных карликов!

— Но я действительно думаю, что каждый должен заниматься своим делом.

— Не знаю, оскорбит ли вас это, но час тому назад господин Скунс предлагал мне примерно то же самое. Поскольку заплатить мне теперь никто не сможет — значит надо всех загнать в дом, запереть, а по прибытии домой анонимно сообщить спасателям. Вы — профессор. Он — жулик. Однако выходы из ситуации предлагаете совершенно одинаковые. А я у вас получаюсь бандит.

Профессор вздохнул, сунулся в пакетик и обнаружил, что чипсы закончились.

— Извините за бандита, — сказал он. — Эх, так и не наелся...

— Похудеете немного зато, вам на пользу. На ужин могу предложить ворону а-ля бюер.

— Господь с вами...

— Я не шучу. Настреляем и зажарим. Вам и пассажирам с непривычки много есть, конечно, не стоит, потому что они еще и активные ко всему. А мы схрапаем с удовольствием. Жаль, выпить нет. У вас, кстати, не осталось?

— Нет, — развел руками профессор. — Не могу уснуть без выпивки. Страшно.

— Всем страшно, профессор, — сказал я, поднимаясь с рваного протектора, на котором мы сидели. — Всем страшно...

Глава тридцатая. «А когда откинулся я с зоны...»

Лейтенант Альтобелли проснулся, потому что его больно пинали сапогом. Сначала спросонья он подумал, что до сих пор в училище и задремал на посту, но тут его пнули в «электрическую» косточку, и лейтенант буквально взвился.

— Вот, правильно, — сказал наставительно Поролон. — А то развалился, понимаешь. Пошли, итальянец. Кончилось твое заточение.

Сейчас выведут во двор и шлепнут, решил Альтобелли. И сожрут ведь. Ходили такие слухи... Он прикинул, не броситься ли на Поролон — будет хотя бы шанс подороже продать свою жизнь. Поролон покачал головой:

— Не-а. Не о том думаешь, как тебя... Лужа, да. Пошли, пошли. Наши ждать не любят.

Во дворе обнаружился бронетранспортер. Четырехколесный VAB из числа тех, что в незапамятные времена передали комендатуре французы, списав с вооружения своей армии. Тёмные его или сперли, или купили, или, вполне возможно, захватили. Причем давно, потому что при Альтобелли все VAB успели, разоружив, списать и из комендатских служб.

На башне, оснащенной двадцати миллиметровой пушкой, сидел Макар и обгрызал махры мяса с толстой кости. Альтобелли машинально посмотрел на давешний щит — голого человека-мишени там уже не было.

— Грузись, — велел Поролон. Задние люки бронетранспортера были распахнуты, внутрь уже набились сталкеры, и Альтобелли оглянулся, собираясь сказать, что там нет места.

— В ноги. В ноги садись, на пол! — нетерпеливо приказал Поролон. Лейтенант влез внутрь и неудобно устроился на жесткой решетке. Тёмные беззлобно толкали его ногами и коленями. Люк с лязгом захлопнулся, слышно было, как Поролон забрался на место рядом с водителем и сказал:

— Все на месте, двигаем.

Зарычал мотор, выхлоп от плохо изолированного движка частично пошел внутрь, кто-то болезненно закашлялся. Альтобелли попытался вспомнить тактико-технические характеристики VAB, в частности, его емкость. Восемь человек десанта, три — экипаж... Стало быть, одиннадцать Тёмных плюс он, который не в счет. Серьезный отряд, а если учесть еще и наличие пушки...

Покачиваясь на неровностях почвы, тяжелая четырехтонная машина тронулась и стала набирать скорость. В желтом неверном свете лампочки по рукам пошла двухлитровая пластмассовая канистра, каждый сделал по несколько глотков. По-братски ее сунули и

Альтобелли, но лейтенант только понюхал и отшатнулся, утирая рукавом слезящиеся глаза. Кто-то коротко заржал, но в целом Тёмные среагировали на ситуацию совсем по-человечески — просто забрали канистру и принялись пить дальше.

В горле у лейтенанта пересохло, и он решил:

— Попить дайте... Воды, воды простой.

Ему сунули флягу. Альтобелли, мысленно содрогнувшись, сделал глоток. Вода как вода, малость отдаёт болотом... Он глотнул ещё раз и вернул сосуд.

— Спасибо.

Тёмный, поделившийся водой, ничего не сказал.

Бронетранспортер продолжал наматывать на колеса разбитую дорогу. Альтобелли прикинул, что едут они уже примерно полчаса. Стало быть, километров пятнадцать-двадцать позади. Его изрядно болтало по полу, изредка лейтенант получал толчок коленом или ботинком. Наконец бронетранспортер остановился, но люк не открывали. Зато через передние двери выбрались Макар и Поролон, и снаружи донеслись обрывки их разговора с кем-то:

— ...Нет... никого, только покойники... разумеется, сняли... засекли, конечно... сразу сообщим... сидит у нас в бронике... едем на точку, там разберемся... удачи...

Поролон и Макар вернулись.

— Нас кто-то опередил, — сказал Макар, полуобернувшись. — Но Истукан уже засек, кто именно. Думаю, договоримся.

— Кто? — спросил один из Тёмных.

— Упырь.

— А как он в Зону попал?

— Откуда я знаю? Факт в том, что попал и набрел на самолет. И всех увел — видно, что они собирались, жратву забрали, раненых... И «черные ящики» уперли.

Самолет?! Стало быть, Тёмные знали о самолете и сами спешили к месту его падения, но опоздали... Упырь... Получается, он действительно что-то замышлял, когда Альтобелли встретил его утром на улице. «У вас что-то ко мне есть?» — нагло спросил тогда Упырь на вопрос лейтенанта, куда он, собственно, идет. Альтобелли спрашивал не просто так — один из информаторов в «Штях» сообщил, что Упырь собрался в Зону. К сталкеру-негру лейтенант относился вполне нормально, потому что ничего особенно дрянного за Упырем не было, и потому попытался его предостеречь, сказав про «нехороший слух» и возможные неприятности. Но чернокожий продолжал вести себя вызывающе, из чего Альтобелли сделал вывод, что информатор скорее всего соврал или недопонял. А тут еще идиоты из комендантского патруля, сидевшие в джипе, стали хихикать, и лейтенант отпустил сталкера. Упырь же, оказывается, ухитрился проскочить в Зону... и не только проскочить, но и обнаружить пассажиров, спасшихся после катастрофы... даже «черные ящики» снял, поди ж ты. Ай да сталкер.

— Так куда мы едем?

— На точку, — сказал Макар, и бронетранспортер тронулся. Через пару минут колдобины исчезли, и VAB пошел легче и быстрее, хотя и заметно не давая положенных девяноста километров в час. Видимо, выехали на шоссе.

Альтобелли внимательно слушал, скрючившись на полу и обхватив руками колени. Отчаянно воняло бензином, потом, грибом и кожной гнилью, он старался дышать ртом и ждал, вдруг кто-то из Тёмных или Макар с Поролоном уронят еще крупную информацию. Но Тёмные молчали. Затем Макар сказал кому-то:

— Диск поставь.

Зашипел невидимый динамик, и салон наполнился перебором струн расстроенной гитары и хриловатым мужским голосом, певшим о зоне. Правда, судя по ряду специфических особенностей, зона имелась в виду не эта; речь скорее шла о местах заключения.

А когда откинулся я с зоны,

Ты меня, блядища, не ждала...

Под этот аккомпанемент Альтобелли неожиданно для себя уснул и спал до тех пор, пока бронетранспортер не остановился. От резкого толчка лейтенант повалился на бок.

— Выгружаемся! — крикнул то ли Макар, то ли Поролон. Люк открылся, внутрь хлынул свет. Поскольку Альтобелли мешал остальным, ему пришлось вылезать первым, причем кто-то придал лейтенанту ускорение, стукнув по задней части прикладом или ботинком. Стукнули не больно, в самом деле для ускорения, и Альтобелли не обиделся. В его положении обижаться вообще было глупым занятием, пока он смотрел, слушал и анализировал, как учил его в свое время психолог.

Бронетранспортер стоял возле хорошо сохранившегося и явно обитаемого кирпичного домика, рядом с которым был разбит ухоженного вида цветник. Под водосточной трубой стояла бочка с дождевой водой. Альтобелли подошел к ней и с наслаждением умылся. Никто ему не мешал.

— Ждем, — сказал Макар, и Тёмные расселись, кто где, преимущественно на траву и броню. Только сейчас Альтобелли обратил внимание, что все в армейском снаряжении — разномастном, явно снятом с убитых, но более-менее единообразном. Зачем бы им это?

Лейтенант тоже сел — на расшатанную лавочку у цветника, которую Тёмные отчего-то проигнорировали. Поймав взгляд Макара, Альтобелли решительно спросил:

— А чего мы ждем-то?

— Сиди тихо, лейтенант, — ответил вместо Макара Поролон. — Отдыхай. Не трать попусту энергию. Ты нам понадобишься скоро.

Вдалеке загрохотало. Вначале Альтобелли подумал, что это гром, но Поролон посмотрел на часы и сказал просто так, ни к кому не обращаясь:

— По графику сады. Тяжело живется нынче брату-сталкеру! Кто-то хмыкнул, остальные не прореагировали. Поролон поймал взгляд лейтенанта и подмигнул:

— Ваши, ваши. Зачистка Периметра.

Зачистка продолжается... Зона запечатана. И при этом Тёмные знают о графике. Альтобелли вспомнил тревожный тон капитана Колхауна. «Это секретная информация, но окна есть. А к вашему возвращению, вполне возможно, превентивные меры вообще временно прекратим... Давайте оставим обсуждение решений, на принятие которых мы в любом случае не можем влиять. Я сам не восторге от всего этого...». Почему-то лейтенант был уверен, что Колхаун в курсе всего происходящего.

Дверь домика отворилась, оттуда вышел еще один Тёмный — без комбинезона, в обычной джинсовой куртке. Голова его была деформирована и напоминала перевернутую вниз хвостиком грушу. Собственно, далеко не у всех Тёмных имелись какие-то нечеловеческие признаки: вполне возможно, кто-то скрывал их под одеждой, но тот же Поролон походил на обыкновенного человека и вел себя как обыкновенный человек. Альтобелли вспомнил про лысые головы с кровавыми дырами вместо глаз и улыбнулся.

Грушевидный, покосившись на лейтенанта, подошел к Макару, наклонился и пошептал ему на ухо.

— Спасибо, Истукан, — кивнул Макар. — Наши их ведут, — сказал он остальным. — Еще довольно далеко. Выйдут сюда. Через Жареное Пятно прутся.

Тёмные неприлично захихикали.

— Прошли?

— Почти прошли. Упырь ведет, он все же не дурак.

— Едем встречать?

— Если сами на нас выйдут, зачем ехать? — отозвался толстогубый Тёмный с большой язвой вместо носа.

— Верно, Козырь. Кстати, порадуя — там есть бабы. Одна, правда, совсем мелкая, но остальные — в самый раз.

— Мелкая тоже сгодится, — широко улыбаясь, сказал Козырь. Остальные заржали. Альтобелли передернуло, но лейтенант постарался сдержаться. Он дорого бы дал за то, чтобы передать Упырю о засаде, но сделать это никак не мог. Свою роль в происходящем Альтобелли вообще оценивал крайне отрицательно. Сначала он не нашел в себе смелости

потребовать от Колхауна полноценной спасательной операции. Само собой, лейтенанта попросту отстранили бы, но замять историю с самолетом было бы куда труднее. Потом он угробил группу, хотя это фактически не вина Альтобелли: новая разновидность мутанта свалилась как снег на голову... А про катание на комбайне он и вспоминать не хотел — если бы сразу перестрелял псов из кабины, мог бы вполне добраться до места, где упал авиалайнер.

И что? Что бы ты там делал, лейтенант Альтобелли? Упырь к тому времени скорее всего уже увел уцелевших. Помолится бы над трупами? Нет, раз уж ты здесь, раз угораздило попасть в плен к этим недочеловекам, думай, что можно сделать. Думай, лейтенант.

И Альтобелли, закрыв глаза, привалился спиной к штакетнику, делая вид, что дремлет, пока Тёмные вполголоса обсуждали, что можно сделать с бабами.

Глава тридцать первая. Жареное Пятно

Без воды идти было туго даже мне, что уж там говорить о женщинах и детях. Еще эти чертовы соленые чипсы — чувства насыщения никакого, зато рот прямо огнем горит...

Как назло, еще и припекать стало хуже, чем в пустыне Сахара. Хотя я там и не был никогда. Но местность была очень на пустыню похожая. Растрескавшаяся красная земля с каким-то колючим кустарником, мелким и на вид сухим. Где-то далеко-далеко впереди виднелся вроде лесок, но из-за жаркого марева я ни в чем не был уверен. А может, это мираж? Или у меня от жары галлюцинации какие... Аспирин шел со мной рядом и, видать, думал о том же, потому что спросил:

— А правда, что негры жару переносят легче?

— Нет, — мрачно сказал я, — черное нагревается сильнее белого, физику в школе что, не учил?

Аспирин вздохнул и шепотом сказал:

— Чува-ак, ты хоть примерно представляешь себе, сколько еще до Периметра?

— Примерно я себе представлял, что мы должны были его уже пересечь. Еще вчера.

— Я так и думал, — снова вздохнул Аспирин. — И псевдоплоть не возвращается... Полный офсайт.

— Чего ты вздыхаешь-то? — с подозрением спросил я.

— Да сам не знаю, — пробормотал Аспирин и отстал.

Оглянувшись, я увидел, что он молча сменил одного из педиков у носилок. А тот, в свою очередь, подхватил на руки Борю и Сережу. Их мама посмотрела с немой благодарностью — думаю, у нее во рту пересохло так, что сил не было говорить. Ирочку давно нес на руках снайпер. Мне такой расклад не понравился — жара жарой, а выскочи кто на нас, и привет. Поэтому я велел Ирочку отдать профессору, который безропотно покорился. Когда все дети оказались на руках, наше движение чуть ускорилось. Я кивнул Соболю, чтоб вел колонну вперед, а сам потрусил в хвост, чтоб подогнать отстающих. Отстающими были мама Ирочки и несущий клетку с бюрерами Скунс, которые мило болтали о чем-то. Надо же, у этих и во рту не пересохло, идут словно по парку культуры и отдыха, неприязненно подумал я и уже открыл рот, чтоб прикрикнуть на них — хватит, мол болтать. Но меня опередили. Крик раздался впереди и разом заставил всех снова сбиться в кучу. Я обежал их и остановился как вкопанный, едва не закричав тоже. В неглубокой пересохшей канаве лежали наши давешние беглецы. Лежали вдоль русла, друг за другом, головы к ногам, потому их не видать было до тех пор, пока не подошли ближе. Ползли они по дну, что ли?

Все до одного. И Пауль. А вон и его автомат с кургузым прикладом, от которого откусила кусок неизвестная аномалия на трубах...

Я попятился, широко расставив руки в стороны, словно пытаясь закрыть собою от всех остальных этот ужас. Но тут же опомнился, опустил руки и спросил:

— Соболю, ты понимаешь, в чем дело?

— Нет, — кратко сказал Соболев.

Никаких ран и вообще видимых повреждений на телах не было. Надо было бы по хорошему оружие собрать да взять ПДА Пауля, но мы с Соболевом, не сговариваясь, повернули вспять от канавки. Нельзя туда было. И подходить нельзя, и ничего нельзя. Мы осторожно повели всех в обход. Люди подавленно молчали, даже дети не хныкали, только Марина попыталась зарыдать по подруге Ольге (которая, кстати, вовсе не была ей подругой), да не вышло — видимо, организм не хотел тратить воду на глупости.

Так, в полном молчании, доползли до кромки иссохшего желтого леса, из последних сил исследовали клочок местности и объявили привал. Люди в изнеможении повалились на землю, почти горячую на ощупь. Аспирин достал вещмешок и осмотрел остатки провизии. Банку консервированных фруктов, которую он прихватил в самолете, тут же вскрыл и отдал детям. Остатки копченой колбасы попил на всех, хотя на кой черт всем соленая твердая колбаса, когда язык опух от жажды? Никто и не стал есть. Аспирин аккуратно сложил все куски обратно и пошел в лес. Я сделал знак Соболеву, чтоб оставался присматривать за всеми, сгрузил с себя ставший дико тяжелым «Нарвал» и двинулся за старым другом.

Аспирин шел словно сомнамбула, медленно и, похоже, не соображая куда. Мы выбрали на поляну, она была покрыта толстым слоем хвои, желтой, сухой. Словно сушилась на солнышке пару месяцев кряду. Воздух над хвоей преломлялся, как над костром, и жаром перло... только дыма не было. На другом краю поляны, между стволов деревьев, что-то потрескивало, и впрямь, как дровишки в костре. Сквозь марево не разглядеть. Да и не очень-то хотелось разглядывать.

Я нагнал Аспирина и схватил за локоть перед самой «жадинкой». Он покорно остановился, безучастно кивнул, когда я носом ткнул его в аномалию. Так. Этого нам еще не хватало.

— Аспирин, — сказал я, — так не пойдет. Предаваться унынию мы будем в «Штях», и не таким образом, а как положено. Со всеми почестями и ритуалами, понял? Потому что Пауль того стоит! А не вот этого твоего тупого самобичевания.

— Ты видел, как они там лежали? — спросил Аспирин, глядясквозь меня так, что я заподозрил неладное.

— Аспирин! Ну-ка, бля, соберись! — заорал я. Но Аспирин все так же тупо смотрел сквозь меня и только шевелил губами. Мне показалось, что глаза его стекленеют. Твою ж мать! Да что ж на каждом шагу меня какая-то пакость поджидает?! Даже для Зоны это как-то слишком! Я не собираюсь терять своих друзей одного за другим вот так нелепо. Хрен тебе! Не дожدهшься, Черный Сталкер!!! Я и сам черный! Почернее тебя!!!

Последнее я проорал уже вслух, подхватив Аспирина на плечо и прыжками возвращаясь к группе.

Посадив Аспирина под кустик, я использовал последнее средство — шприц-тюбик, за который выложил месяца три тому более чем круглую сумму. В нем содержалось непатентованное запрещенное средство, которое могло поднять безногого и заставить его сплясать. Про безногого я загнул, конечно, но лично наблюдал, как человек после такого укола прошел по Зоне порядка пятидесяти километров, неся в охалке собственные кишки. И выжил потом.

Хитрая химия не только придавала сил, но и очищала, что называется, мозги плюс мобилизовала скрытые силы организма. На подавление инфекции, усиленное кроветворение и тому подобное. Девушке у самолета колоть его было бессмысленно сломанный позвоночник укол не восстановит, зачем мучить — не донесли бы никак. Но сейчас я собирался прочистить Аспирина чакры.

Выдавлив зеленоватое содержимое шприца в Аспириново плечо, я вытащил иголку и отшвырнул пустой тюбик. Аспирин похлопал ресницами и сказал:

— Чува-ак, ты чего?

— Нормально все? — ответил я вопросом на вопрос.

— Да вроде нормально... А чё?

— Раз нормально, двигаем дальше. Все отдохнули?! — спросил я, поворачиваясь. Нестройно прошелестели, что все. Хотя когда уж там было отдыхать...

— Слушай, Упырь, — сказал Аспирин, вскакивая. Бодрый, собака... Ладно, через часов пять тебя так накроет, еще помянешь меня недобрым словом. — Слушай, я понял, где мы.

— Ну?!

— Жареное Пятно! Помнишь про Жареное Пятно?!

— Оно... оно же никак не может тут находиться.

— Был базар, что оно типа ползает.

— Ползает?!

— Я тоже слышал, — подтвердил Соболев, внимательно слушавший наш разговор. — Высушит кусок, дальше ползет. Причем не подряд, а как бы прыжками.

— Ч-черт... И что это нам дает?

— А ты представь себе местность без Пятна, — сказал Аспирин. — То есть не сохлый вот этот лес дохлый, чува-ак, не пустыню.

— А Черепаново?

— Черепаново и стоит где стояло. А потом мы пошли по Пятну. Когда стало все жарче и жарче делаться...

Я прикинул — в самом деле, если прикинуть, что местность вокруг знакомая, то мы... То мы почти выбрались к Периметру! Оставался переход в пятнадцать, ну, семнадцать километров!

— Вернусь — в долги залезу, а еще куплю этой фигни, — сказал я Соболеву. Тот с улыбкой закивал, а Аспирин засуетился, не понимая:

— Какой фигни? Что за фигня, чува-ак?

— После расскажу, в «Штях», — пообещал я. Вскинул на плечо «Нарвал», сразу ставший значительно легче, прокашлялся и громко сказал:

— Дорогие экскурсанты!

На меня изумленно уставились все, кроме Скунса, который дрых прямо на солнцепеке в своей любимой позе. Странное все же он был существо — на зависть выносливое, но притом глупое и подловатое. Впрочем, так часто случается.

— Дорогие экскурсанты! — повторил я. — Мы тут немного посоветовались, прикинули, и я хочу вам сказать, что часа через четыре... ну, через пять мы имеем все шансы выйти к Периметру. То есть, по-вашему, к нормальным людям в нормальный мир.

— Ура! — крикнули гомики. Не прикалывались, а реально обрадовались. Дети запрыгали, только профессор смотрел с недоверием.

— Предлагаю собраться с силами и выйти из этого пекла, а потом отдохнуть с полчасика там, где немного прохладнее, — продолжал я.

— Знаете, а я, по-моему, сам могу идти, — осторожно сказал Игорь, приподнявшись на носилках.

— Не морози, — сказал Аспирин, и я проглотил горький ком, услышав эти слова. — Снова ногу подломишь, хуже будет. Столько несли тебя, уж пятнадцать кмэ всяко пронесем.

С поступлением хороших вестей скорость отряда заметно увеличилась. Даже судьба погибших сотоварищей не повлияла — вероятно, народ поздравлял себя, что не ушел тогда ночью в побег. Лежали бы сейчас в канаве рядком... Вместе с Паулем...

Я остановился вытряхнуть из ботинка бог весть как попавший туда камешек и пропустил мимо себя всю процессию, словно фельдмаршал, принимающий торжественный парад. Впереди шел Аспирин, который в его нынешнем состоянии спокойно мог бы пробежать эти пятнадцать километров. За ним следовали Скунс с бюрерами, Марина и мама Ирочки, далее профессор нес Ирочку, за профессором — Вероника Сергеевна с пацанами и гомики, несущие Игоря, а замыкали шествие Соболев и Воскобойников с ружьями.

Хорошо, что у нас был профессорский график. Иначе я даже не представлял, как бы мы пересекли Периметр в условиях зачистки. Хорошо бы я был — вывести спасшихся при крушении самолета под ракеты систем залпового огня...

Вдалеке заурчало, заухало. Слабо, но вполне различимо — как раз шла зачистка. Возможно, слышно было и раньше, но я не обращал внимания на звуки, в ушах словно торчали горячие серные пробки. Теперь же разрывы показались близкими и родными, потому что подтверждали — Периметр рядом. Я выбросил камешек и бросился догонять отряд.

Спустя полчаса мы окончательно покинули территорию Жареного Пятна и, как я обещал, передохнули в тени росших у дороги ив. Колбаса, от которой накануне все отказались, была доедена подчистую, а неумолимый Скунс даже побегал вокруг и нашел две «медузы» и «кровь камня». Спрятав добычу в котомку, он попытался было расколоть меня, сколько я выручу за бюреров и где взять такую кофеварку, как та, что прикручена к клетке, но я велел ему обратиться к профессору. Петраков-Доброголовин же так отшил Скунса, что тот буквально отскочил в сторону и, сокрушенно качая головой, прислонился к деревцу. Следующий марш-бросок мы сделали ударным темпом, и вдали показались совсем уж знакомые пейзажи — домик пасечника, безобидное место, в котором сталкеры часто останавливались на отдых. Домик был своего рода оазисом, где старались не ссориться, не гадить, и даже военные до сих пор не разбомбили его, хотя их вертолеты раньше частенько тут крутились.

Меня волновал теперь лишь один вопрос: что делать с Бармаглотом? Можно вывести людей к Периметру, доверить, например, Скунсу с Сободем, а мне на пару с Аспирином рвануть в Бармаглотов схрон — отсюда по меркам Зоны до него рукой подать. Но что тогда делать с профессором и хабаром? В Соболе я был уверен, но Скунс вполне мог перетащить одеяло на себя, на пальцах объяснив Петракову-Доброголовину, что заплатить одному можно меньше, чем троим. А там — ищи-свищи.

Поэтому следовало пойти одному — уж Аспирин на пару с Сободем Скунсу прохода не дадут. Я стал вспоминать, какой из моих тайничков с продуктами располагался ближе, потому что без минимального запаса идти к Бармаглоту было недальновидно.

Рассчитывая курс, я продолжал поглядывать на постепенно приближающийся домик пасечника.

— Нужно бы покормить бюреров, — напомнил Петраков-Доброголовин. В последний раз мы давали им кусок колбасы под ивами, и для прожорливых карликов это были жалкие крохи.

— Сейчас что-нибудь придумаем, — пообещал я. — Ворону добудем, например. Вон, видите дом в стороне от шоссе? Там и передохнем, идти осталось всего ничего.

В подтверждение моих слов впереди раздалась артиллерийская канонада.

— Мама, там война? — спросил Боря с живым интересом.

— В самом деле, почему там стреляют? — повернулась ко мне Вероника Сергеевна.

— Это плановый обстрел Периметра Зоны, чтобы сталкеры не лазили туда, — объяснил я скорее для Бори, нежели для его мамы.

— А вы все равно лазаете, дядя негр, — с нескрываемой гордостью за меня сказал Боря.

— А мы все равно лазаем, — согласился я.

— И всё-таки там война, — закричал радостный Сережа. — Вон, вон танк!!!

Глава тридцать вторая. Без названия

Альтобелли смотрел на медленно приближавшуюся к засаде группу людей. Они были измотаны до предела, но шли быстро и даже несли на носилках раненого. Лейтенант насчитал троих детей, еще трое определенно были женщинами. Упыря узнать было легко даже на расстоянии, остальных он идентифицировать не смог, но все были с оружием. Сталкеры? В любом случае мало, очень мало спасшихся...

— Теперь твой выход, лейтенант, — сказал Макар, положив руку на плечо Альтобелли.

— То есть?

— На дорогу выедет броневик, ты выйдешь из-за него и скажешь, что представляешь комендатуру. Упырь тебя ведь знает.

Альтобелли не стал спорить — его знали все сталкеры.

— А смысл?

— Смысл в том, что, заподозри Упырь нашу засаду, начнется перестрелка. Даже если увидит вояк, он ее устроит. А если увидит вояк во главе с тобой — на рожон не полезет, потому что ты ему напоешь, что его ждет амнистия и все такое, хе-хе... Тебе он доверяет. Есть такая информация, лейтенант. Ты ж у нас честный?

Альтобелли помолчал. Он понимал, чего хочет Тёмный, и прикидывал, как в сложившейся ситуации правильное поступить.

— А дальше? — спросил он.

— Дальше ты говоришь им положить оружие на землю. Они, само собой, ложат. Потом вступаем мы.

— А что мешает просто расстрелять их из засады? Ваши вроде бы особой щепетильностью никогда не отличались.

— Нам не нужны мертвецы, если ты еще не понял. У нас несколько иная договоренность. Всех этих мы хотели бы получить в целости и сохранности. Кроме разве что сталкеров, их мы даже можем отпустить. Хотя живой Упырь нам тоже пригодится. Есть мнение, что он друга нашего обидел. Сейчас в Зоне народу немного, кроме него — некому...

Альтобелли снова помолчал, почесал зудящее от царапин и ссадин лицо.

— Я ведь могу и не согласиться.

— Тогда мы расстреляем их из засады, как ты и предложил. Погибнут все, гарантированно. По твоей вине, лейтенант. Конечно, мы и тебя прикончим, но умирать ты будешь с очень нечистой совестью. Долго и больно будешь умирать... А вот если будешь паинькой, мы тебя отпустим. Зачем ты нам? Пусть с тобой начальство разбирается, мы в дела вояк не лезем, хе-хе...

Может, отказаться? Лейтенант вспомнил рожу Козыря с язвой вместо носа и то, как он плотоядно радовался, что среди возможной добычи есть маленькая девочка... Смерть лучше, чем такое...

— Хорошо, — сказал Альтобелли. — Я согласен.

Глава тридцать третья. Битва в пути

На дорогу выехал армейский бронетранспортер и развернул в нашу сторону пушку.

— Не понял, — сказал Аспирин.

— Торжественная встреча, — сказал я кисло. — Видимо, они были в курсе про самолет.

Правая передняя дверца распахнулась, и из нее на дорогу спрыгнул лейтенант Альтобелли.

— Опять не понял, — сказал Аспирин. — А что делать с бюрерами? Нас же сейчас загребут в кутузку, чува-ак!

— погоди, — сказал я. — Это Альтобелли, с ним можно договориться. Мы ведь вывели пассажиров... И потом, ты же не станешь стрелять в военных? В такой ситуации, я имею в виду. Это гарантированный гроб.

— Не стану.

— И я не стану. И Соболев...

Альтобелли медленно шел к нам. Из башни высунулась еще какая-то армейская рожа в закрытом шлеме, еще трое или четверо вышли из придорожных кустов с автоматами наперевес. Нас определенно встречали по полной программе.

— Упырь, — произнес лейтенант скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Я самый.

Между нами было метров тридцать, говорить приходилось громко.

— А я ведь говорил тебе: не делай глупостей.

— Я и не делал, лейтенант.

— Ой ли?

— Лейтенант, давайте оставим в стороне воспитательный процесс. Смотрите — мы вывели к вам пассажиров с упавшего самолета, о котором вы, конечно, уже знаете. Иначе не торчали бы здесь.

— Я вижу, — сказал Альтобелли. Выглядел он, прямо говоря, не очень: морда в свежих царапинах, весь какой-то мятый... Хотя здесь уже Зона, это не по городу ездить и на бульваре сталкеров пасти. Мало ли, на что могли нарваться. Воякам тоже порой достается, будем справедливы.

— Давайте договоримся по-доброму — мы вам сдаем на руки спасенных и уходим. Нам нужен всего лишь час форы.

— Час форы, говоришь? А я тебе хотел предложить другое: сложите оружие, и тогда поговорим. Со своей стороны гарантирую амнистию. Разумеется, если не будет претензий со стороны пассажиров. Я же не знаю, как вы с ними обращались.

Силы были неравны, но Альтобелли не видел «Нарвал», который я закинул за спину. Стоп, чего это он — подмигивает мне, что ли?!

— А если не сложим? — спросил я, приглядываясь внимательнее. Да! Лейтенант Альтобелли, эта инструкция на ножках, корчил мне рожи и подмигивал! Что же он хочет сказать? Думай, Упырь, думай... Думай, Костя... Что-то здесь не так...

— Если вы не сложите оружие, нам придется применить силу, — скучным голосом произнес лейтенант, заложив руки за спину. — Ибо вы являетесь террористами, захватившими заложников, и к вам разрешено применять соответствующие меры. В случае гибели кого-либо из заложников вину также в первую очередь понесете вы.

— Они не террористы! Они помогли нам! — крикнула сзади Вероника Сергеевна, но Альтобелли предостерегающе поднял руку, и она замолчала.

Террористы. Заложники. Покойная капитанша Заяц была бы счастлива слышать эти слова. Интересно, что там Воскобойников? Уже рапорт в уме сочиняет, видимо...

Стоило подумать о снайпере, как он проявил себя вполне ожидаемо. Мне в спину ткнулся ствол ружья, и Воскобойников крикнул через плечо:

— Я его держу на прицеле, господин капитан! Я — лейтенант ФСБ России Воскобойников, пассажир самолета!

— Опусти ружье, сынок, — еще более устало произнес Альтобелли. — Мы сами справимся.

Однако лейтенант ружья не опустил. Альтобелли вздохнул и сказал громче, чем прежде:

— Ничего не получается. Ладно... Упырь, здесь Тёмные.

Лейтенант Альтобелли еще падал, простроченный сразу несколькими автоматными очередями, а я уже метнулся в кювет с криком:

— Все в укрытие!!!

Нас спасло то, что Тёмные сначала отвлеклись на беднягу-лейтенанта, да и мои питомцы научились быстро исполнять команды за время передвижения по Зоне. Через секунду на дороге не было никого, только валялись пустые носилки.

Расстреляв Альтобелли, Тёмные перенесли шквальный огонь на нас, вернее, на место, где мы только что были. Пули свистели над кюветом, все трое детей истошно орали, причем двое плакали, а Боря восторженно кричал: «Ура! Война!». Припавший к земле рядом со мной Воскобойников что-то шептал, по лицу его текла кровь — шальным камешком, видать, рассекло при рикошете.

— Что, офицер, едва не облажался? На прицеле он меня держал...

— Простите, — сказал Воскобойников.

— Что мне твое прощение... В рапорте учтешь. Не запомнят только.

Выждав, пока огонь немного утихнет, я снял с плеча «Нарвал», высунулся и выстрелил в бронетранспортер. Граната ушла мимо, с непривычки я взял слишком высоко, и взорвалась

где то очень далеко за домом. Однако это дало Тёмным пищу для размышлений, и броник задним ходом начал сдавать обратно в кусты, откуда недавно выехал, выскочив из кювета, словно черт из коробочки. Я выстрелил снова и даже не успел глянуть попал ли, двадцатимиллиметровые снаряды фонтаном взметнули гравий ни обочине. Но «Нарвал» свое дело сделал — тяжело ухнуло, и высоко в небо выкатился огненный шар, перекрыв оглушительным «бу-у-у!» звук стрельбы. Я потряс головой и высунулся было посмотреть на произведенные разрушения, но тут прямо через меня и кювет перескочило пылающее колесо. Перескочило и покатилося в поле, разбрызгивая яркие искры.

Стрельба стихла, и виной тому были вовсе не мои барабанные перепонки, испытавшие предельную нагрузку. Тёмные что-то затевали.

Я засунул в магазин гранатомета два заряда из разгрузки. Эх, лейтенант, лейтенант... Бедный Альтобелли. Хороший был мужик, что ни говори. Уж не знаю, как его сцапали эти сволочи... помочь хотел, рожи корчил, а я, идиот, думал — с чего бы он...

— Всем лежать! — крикнул я, хотя они и так лежали. — Целы?

— Целы... целы... нормально... в порядке... — поползло по цепочке ко мне.

— Аспирин! Забери у Скунса клетку!

— Чего-о? — обиженно вскинулся Скунс где-то метрах в трех от меня, за осокой, которой порос сырой кювет, я его не видел. — Я же с вами! Не доверяешь, Упырь?! Обидел меня!

Я прекрасно понимал, что Скунс в случае чего задаст стрекача, прихватив бюреров, потому что Тёмным они совершенно ни к чему. То-то он ее так исправно таскает, хотя никогда любовью к физическому труду не отличался, собака такая.

— С нами, с нами... Аспирин, забрал клетку?

— Забрал, чува-ак, — отозвался Аспирин. — Это ж святое. За что, блин, боролись...

Так. Почему же они молчат? Я осторожно выглянул и увидел, что бронетранспортер лениво горит, рассевшись на две стороны, словно раздавленная жаба. Тёмных не было видно — таились в домике пасечника и возле него, благо все заросло кустами и разросшимся фруктовым садиком. Интересно, почему он домик пасечника, если пасеки-то поблизости и нет? А, черт с ним... А это что? Опа, белый флаг!

— Упырь! Упырь, ты меня слышишь?!

Говоривший стоял за углом дома, помахивая привязанной к палке тряпкой. Я спрятался — еще не хватало пулю в лобешник словить — и крикнул в ответ:

— Слышу-слышу! Только не узнаю в гриме!

— Макар.

Вот даже как. Макар в иерархии Тёмных был что-то вроде полковника. Перспективный типчик. Я с ходу мог назвать десятка три человек, которые испытали бы оргазм, убивая его собственными руками.

— Привет, Макар.

— Привет, Упырь. Ты куда гонишь это стадо?

— К Периметру, — честно сказал я, поскольку и так было понятно. — К выходу.

— И на что рассчитываешь? Попалишься ты с ними, Упырь! Иди себе дальше, мы не тронем, а эти пускай останутся. Зачем тебе лишние хлопоты?

Я засмеялся.

— Заботливый ты какой, Макар! Ты для этого нам устроил встречу с праздничным салютом из всех наземных орудий? И лейтенанта выставил, а потом хлопнул?

— Накладочка вышла, Упырь. Хотели, каюсь, схитрить. Теперь не будем. Сказано же, что на хитрую жопу есть хрен с винтом, вот мы и влетели. Лейтенанта не жалко, воякой больше, воякой меньше — сталкеру какая разница... Зато ты вот нам броник угробил и пару пацанов, а я не в претензии. Ничего тебе не предъявляю за броник. Почти новый, заметь!

— Ай, спасибо, Макар! Век помнить буду, — сказал я.

— Зря смеешься, — отозвался Макар. — У тебя свои дела, у нас — свои. А, забыл совсем — еще «черные ящики» с самолета. Они у тебя с собой?

— Нету. В лесу закопал.

— Верю. В землю закопал и надпись написал. Место скажешь? В общем, рисуешь на карте, где «ящики» зарыты, отдаешь пассажиров и проваливай на все четыре.

— Ну как я их тебе отдам, Макар? Это ж моя гарантия на свободный выход.

— Втыкаю, но ты и так выберешься, я же знаю тебя. Выгоняй фраеров из канавы, а сталкеры пускай остаются. Слово даю — не тронем.

— Задницу ставишь? — поинтересовался я и услышал, как в кювете тихонько заржал Аспирин.

— Что? — растерялся Макар.

— Задницу, говорю, ставишь? Слово пацана, а?

Теперь засмеялся Макар. Очень зло, неприятно и громко, чтобы я хорошо слышал этот смех.

— Ничего ты не понял, Упырь. Твоих пассажиров вроде как и нет уже на свете. Они никому не нужны, и никто тебя с ними из Зоны не выпустит. У тебя, правда, был шанс, я бы отпустил и тебя, и Соболя, и этого, усатого... Димедрола?

— Тут еще Скунс со мной, — напомнил я, затягивая время.

— Пусть валит.

— И турист приезжий.

— Насчет туриста не знаю, — сказал Макар с некоторым сожалением в голосе. — Турист — не сталкер. Про него мы не договаривались.

Ишь, на братство напирает, сука. Что же делать? Ситуация хреновая... У них, несомненно, численное преимущество, хоть я всех и не видел. Тёмные не кроют из всех видов оружия по нашему кювету только потому, что им нужны живые женщины. Это супердорогой товар в Зоне, потому что женщин тут вообще нет. Ходили истории о залетных сталкершах, но лично я ни одной не видел. А другим бабам и подавно в Зоне делать нечего, их даже туристками не берут, кому хочется стать заведомым объектом охоты? Ни один здравомыслящий сталкер бабу по Зоне не поведет. Кроме дурака одного, Кости Упыря.

— А я с тобой и про других еще не договаривался, — напомнил я.

Стало тихо. Макар то ли думал, то ли советовался со своими.

— Короче, Упырь, расклад такой, — продолжил Тёмный, нарушив короткую тишину. — Вот тебе три минуты при моих условиях, а там пеняй на себя. Время пошло.

Я посмотрел на часы, потом на лежавшего рядом Воскобойникова.

— Понял, офицер? Вас как бы и на свете нету. Что предлагаешь?

— А почему вы меня спрашиваете? — печально уточнил Воскобойников.

— Потому что ты, как ни крути, офицер. Учили же тебя чему-то. Тактике, стратегии всякой... Что предлагаешь?

— Обойти бы их с фланга. Но засекут — дорогу незаметно не переползешь.

— А я отвлеку, — сказал я. — Передай по цепи, чтобы женщины и дети отползали по кювету назад, как можно дальше отсюда.

Воскобойников послушно передал.

— А теперь давай-ка на раз-два-три, и не станем дожидаться срока истечения их ультиматума. Соболя с собой возьми, с этой стороны ваш прицельный огонь не нужен. Соболя, ползи сюда!

Соболь приполз.

— Я сейчас устрою маленький погром, а вы под шумок рвите через шоссе.

— Понятно.

— Там на месте сориентируетесь, что делать. Готовы?

— Не вопрос.

— Тогда я начинаю.

Все три гранаты я положил в домик пасечника. Эх, и наслушаюсь же я от братьев-сталкеров, если выживу... Оазис уничтожил, место отдохновения... Зато Тёмным было явно не до наблюдения за дорогой, потому что на их стороне с неба сыпались кирпичи и бревна, и я искренне надеялся, что в самом домике кто-то находился в момент попаданий. В идеале — Макар.

Я тоже не видел, как снайпер и Соболь перебрались через шоссе. Зато Тёмные открыли массированный огонь, как только немножко очухались. Пушки у них теперь не было, обычную гранату закинуть было далеко, но из всего огнестрельного они крыли образцово-показательно.

Если Тёмные пойдут в атаку — дело плохо. Я и Аспирин всего бойцов-то; Скунс с Тёмными воевать не станет, на гомика Артура с пистолетом надежды мало... Профессор тоже не боец, поди, не рад уже, что отправился с нами за бюрерами. Сидел бы сейчас в гостинице, жрал чего вкусное в ресторане. Пиво пил... холодное... с креветками...

Огонь утих.

— Сука ты, Упырь! Такой дом развалил! — с искренним негодованием крикнул невидимый Макар. Жив-таки, гадина радиоактивная, чертов мутант. Неужели опять будет предлагать перемирие? Ох, как им женщины-то нужны... Свербит у них, что ли? Или настолько жесткая договоренность с вояками по поводу пассажиров? Сами вояки свои чистые ручки замарать боятся, а Тёмным что, Тёмным и польза, и развлечение. Их тоже понять можно. Вот только не хочется.

— Каюсь! — заорал я в ответ, лежа на спине и глядя в небо. Чистое-чистое, ни облачка. Голубое... — Новый построю!

— Сейчас еще наши подъедут, — сообщил Макар. — А у тебя патроны не бесконечные.

Это он верно заметил. Для «Нарвала» так вообще всего один заряд остался.

— И что предлагаешь?

— Что и раньше. Выдай нам гражданских и сваливай.

— Не затем я их через Зону вел, Макар. Ну да тебе не понять.

Поговори, Упырь, поговори. Про подкрепление он, ясное дело, не шутит. Что делать-то дальше? Приедет сейчас еще один бронетранспортер, у них явно имеется в загашнике, и кранты.

— Не стреляйте, — решительно крикнул я. — Я выхожу.

На меня дикими глазами таращился из травы подползший Аспирин. Не слушая его шипящее: «Чува-а-ак», я положил на землю «Нарвал», показав Аспирину один палец, рядом так же аккуратно положил автомат. И поднялся, сначала на колени, потом — на ноги, потом вылез из кювета на асфальт.

Домик пасечника превратился в груды кирпича и дерева, особенно нелепо смотревшуюся среди буйства уцелевших после взрыва цветов. Броневики уже не горели, а только дымил, никого из Тёмных видно не было. Убитый Альтобелли лежал лицом вниз, раскинув руки наподобие распятого Христа, вокруг была кровь, казавшаяся черной в ярком солнечном свете.

— Макар, выходи уж и ты, — позвал я. — Помнишь, как Матюха говорил? «Не ссы!».

Макар вышел, раздвинув руками кусты слева от домика. Перед своими спасовать он никак не мог. О, даже в армейском костюме и без оружия, насколько я мог судить. Весь дрожу, но форс держу — вот как это называется. Хотя Макар, конечно, не трус. Сволочь поганая, собака радиоактивная, но не трус.

Тёмный остановился возле дымящегося бронетранспортера, с сожалением на него покосился.

— Очень не хочется мне тебя отпускать, Упырь, после того, что ты тут натворил. Но все равно отпущу. Потом как-нибудь сочтемся, когда будет мой интерес против твоего, а ничей чужой не замазан.

Макар выглядел добродушно, потому что чувствовал себя хозяином положения. Опять же приподняться в общественном мнении тоже не грешно: будут ведь рассказывать, как Макар слово дал, как сдержал и отпустил Упыря с братьями-сталкерами даже после того, как своих потерял плюс бронетранспортер... На честную разборку все перевел... Тёмные иногда весьма щепетильны там, где не ждешь: к примеру, то же Испытание чтут, я уже прикинул, что в самом печальном случае попрошусь на «Росток» к старому другу Стронглаву. К тому же он небось еще не вошел в кондицию после встречи с генералом.

— Хорошо, Макар. Давай так: ты забираешь всех гражданских, кроме туриста. Турист мне нужен, я из-за него из-за него в Зону шел. Бабки, сам понимаешь. Сталкер сталкеру глаз не выключает, ага?

Макар почесал кончик носа. Может, просто так почесал, а может, сигнал подал.

— Турист, говоришь... Обсудим. А для примера давай подумаем, что вот с этими делать.

Из кустов вытолкали Соболя и Воскобойникова. Соболю был изрядно побит, снайпер — практически цел. Оба без оружия, руки связаны за спиной. Видимо, их всё-таки засекли, несмотря на мою попытку отвлечь Тёмных... Твою мать, ну что ж такое, не команда у меня, а какие-то вороны, раззявы, прости господи...

Соболю сделал виноватую рожу — прости, мол, Упырь, не вышло

Один из Тёмных подал Макару пистолет.

— Как ты думаешь, этот человек нам нужен? — спросил Макар, подходя к снайперу. Воскобойников смотрел себе под ноги, я видел, как по его лицу скатываются крупные капли пота.

— Не знаю, — сказал я.

— Зато я знаю. — И Макар выстрелил Воскобойникову в висок. Лейтенант упал на землю, дернулся пару раз и умер. Забрызганный кровью и мозгами Соболю поморщился.

— Этот человек нам тоже не нужен, — продолжал тем временем Макар и подошел к Соболю. — Но ты можешь его забрать

С этими словами Макар толкнул Соболя в мою сторону.

— Видишь, я соблюдаю правила, которые установил.

Это были последние слова Тёмного сталкера по кличке Макар.

Глава тридцать четвертая. Из огня, да в полымя

Я рухнул на гравий, под защиту разбитого бронетранспортеру воняющего соляровкой и горелой резиной. Рядом сверзился Соболю, едва не врезавшись в меня, и вовремя — с нашей стороны открыли огонь два автомата. Видимо, Аспирин и... неужто Скунс?!

— Ничего не понимаю, — бормотал Соболю. — Кто его?! Из винтовки стреляли, я же слышал...

Я тоже слышал отчетливый винтовочный выстрел, и это говорило, что в разборках появилась третья сторона. Которая, получается, за нас. По крайней мере на данном этапе.

Тёмные, видимо, тоже поняли, что стрелявший возник неожиданно и в существующий расклад сил никак не укладывался. Дохлый Макар валялся рядом с Альтобелли и Воскобойниковым, остальные бросились прятаться, прикинув, что по ним работает неизвестный снайпер. А мы вот оба — за бронетранспортер.

— Как же вас сцапали?! — прошипел я Соболю.

— Да ждали уже... Видать, пропалили, когда через шоссе бежали...

— Хренею я с вас — сначала Пауль с Аспирином прокололись, теперь ты... Профессионалы, блин! Распоследних отмычек в следующий раз позову, от них и то толку больше!

— Стареем, — подмигнул Соболю и помрачнел. — Завязывай брюзжать. А летеху жалко. Молодой совсем.

— Так он свой рапорт и не напишет... Ладно, дай-ка я тебя развяжу, если тебе, конечно, надобно.

Я распутал руки Соболя, безобразно замотанные проволокой. Находясь за тушей бронетранспортера, мы пока были в безопасности, да и Тёмным явно не до нас. Однако кто же вступил в игру?

— Мрокофь! Абракадабра!! Абанамаат!!!

Скарлатина?! Блин, но не она же из винтовки стреляла... Затушив вопли псевдоплоти, оглушительно ахнуло в цветнике, видимо, Аспирин использовал последний заряд «Нарвала».

Кто-то истошным голосом завопил. Я выглянул из-за бронетранспортера и увидел, как двое Тёмных крадутся вокруг дальней стороны бывшего домика. То ли пытались смыться, то ли выслеживают снайпера. Достав из чехла на щиколотке пистолет, который мне так пригодился во время бунта на корабле, я прицелился и аккуратно снял одного, попал в голову. Второй прижался к остаткам стены, но я убил и его, правда, уже с двух выстрелов. Интересно, сколько же их там вообще сидит? Допустим, парочка в бронеике, эти двое, Макар... Аспирин кого-то явно завалил или хотя бы зацепил. Еще человек пять-шесть? Десять? Если они приехали на этом бронетранспортере, то вряд ли больше... Хотя, возможно, в домике уже кантовались несколько рыл... Э, некогда считать.

— Не могу сидеть с пустыми руками, — буркнул Соболев сердито. Прикинул что-то и быстро выскочил из укрытия. Со стороны Тёмных ударили две очереди, но Соболев успел ухватить пистолет, лежавший рядом сдохлым Макаром, и спрятаться обратно.

— Видал? — спросил он. — Двое стреляли. Надо окружать.

Но тут со стороны дома послышалась беспорядочная стрельба с участием автоматов, все той же таинственной винтовки и, если я что-то понимал в этом деле, дробовика. Вот он ухнул в последний раз, и стало тихо, только на юге по-прежнему грохотала канонада зачистки, совсем незаметная после здешней перестрелки.

— Упырь, ты там?! — раздался знакомый голос, который я никак не ожидал здесь услышать.

— Тут!

— Вылезай, отродье африканское, Пушкин-Кукушкин. Все кончилось.

— Пермадули! — подтвердила псевдоплоть.

* * *

Бармаглот грубо отобрал у меня фляжку, сказав:

— Ну, ну! Присосался... Она не бездонная, между прочим!

Мы сидели в тени подломленной взрывом старой вишни: я, Бармаглот, Соболев, Аспирин и Квзиморда. Трупы Тёмных числом одиннадцать мы оттащили в цветник, чтобы не портили и без того исковерканный пейзаж и не попадались на глаза женщинам и детям. Воскобойникова и Альтобелли положили отдельно в сторонке и накрыли мешковиной, найденной в развалинах.

Пассажиры чуть поодаль ели нехитрую снедь, которая нашлась у Квзиморды и Бармаглота. Жратву из запасов Тёмных мы брать не стали, только пару банок консервов изъяли.

Я в очередной раз поражался выдержке детей, которые уже играли в догонялки среди фруктовых деревьев: их мамы выглядели значительно хуже, но вроде бы уже приходили в себя.

Профессор ворковал над клеткой со своими питомцами, а Скунс, оказывается, удрал. Сделал он это, когда Квзиморда подстрелил Макара, и даже попытался уволочь с собой бюреров, но Петраков-Доброголовин не позволил этого сделать и, о чем он гордо поведал нам, даже дал Скунсу по морде. Впрочем, судьба Скунса интересовала меня в самой незначительной степени.

— Мы уж думали, ты там помер, чува-ак, — гудел Аспирин, хлопая Бармаглота по плечу. — А ты вот он. Волшебник, блин.

Приключения Бармаглота и в самом деле смахивали на чудеса. Заснув в своем каземате, он проснулся от того, что кто-то отпирал дверь. Вначале Бармаглот подумал, что это вернулись мы, но в схрон вошел Болотный Доктор. Он рассеянно поздоровался и с ходу поинтересовался, что с ногой. Бармаглот объяснил. «Ах она проказница», — пробормотал Доктор, имея в виду не то ногу, не то розовую фигню, выползшую из танка, открыл свой саквояжик и занялся травмой. Что он там делал — Бармаглот старался не смотреть, тем более ему было очень больно. Тем не менее спустя полчаса Доктор забинтовал ногу, сказал: «Домой вернешься — к нормальному врачу сходи, а пока и так сойдет», попросил при случае

принести ему «что-нибудь из Шпенглера, почитать» и удалился. Обессиленный Бармаглот тут же отрубился, а очухавшись, решил было, что ему приснился сон. Но нога не болела, выглядела совершенно здоровой, и дверь оставалась открытой.

Обретя способность передвигаться, Бармаглот встал перед дилеммой: идти вслед за нами или ждать здесь. Поскольку местоположения бюреровского городка он не знал, то решил остаться в надежде, что мы вернемся. А если не вернемся в разумные сроки — что ж, тогда можно попробовать добраться до дома. Но через некоторое время у схрона объявился Квазиморда, который рассказал о встрече с нами и традиционно попросил патронов и пожарть-выпить. Квазиморда заночевал в схроне, потом их попытался окутить псевдогигант, долго шатался вокруг, не умея открыть дверь, и ушел, отчаявшись. А в следующую ночевку пришла Скарлатина. Как выяснилось, это и была та самая раненая псевдоплоть, которую в свое время Бармаглот не стал добивать, чем вызывал с тех пор насмешки со стороны коллег.

— Вон, видите, у нее пятно... Приметная скотинка, — покачал он нам, когда Скарлатина высунулась из цветника. Из пасти у нее свисало чье-то волосатое ухо.

В цветнике наша питомица кушала Тёмных, и это было лишь немного, что мы могли для нее сделать. Потому как именно Скарлатина привела Бармаглота и Квазиморду к домику пасечника.

— Ну вот как я теперь в Зону пойду? — горевал Аспирин. — А если она на мушку выскочит? Или вообще в псевдоплоть не стрелять? Так схавают же, чува-ак...

— Она обычно представляется. Культурная, — сказал Бармаглот.

— Скарлотина, абанамат! — подтвердила псевдоплоть, в очередной раз высунувшись из ноготков и гладиолусов. Теперь она кушала чью-то кисть с отгрызленным большим пальцем.

— Ладно, Бармаглот, — сказал я. — Историю твою мы еще не раз услышим в «Штях», там же и Пауля с убиенными не раз помянем, но мы пока в Зоне. Надо выводить людей через Периметр.

— Я — пас, — предупредил Квазиморда. — Мне и здесь хорошо.

— Ты свое дело сделал, с нас и так причитается, — улыбнулся Соболев. — Хочешь, ружье подарю?

В случае с Соболевом такое предложение было равносильно половине царства. Квазиморда же лишь кхекнул и замотал головой:

— На хрена волку жилетка — по кустам ее трепать?

И погладил древнюю обшарпанную СВД, из которой так удачно сегодня прикончил Макара и еще пару-тройку Тёмных. В прошлый раз он был с автоматом, отметил я. Видимо, по всей Зоне у Квазиморды тайнички. «Какой любопытный человек», — заметил в свое время насчет Квазиморды Петраков-Доброголовин. Именно. Еще и хитрый.

— График обстрелов у нас есть, — сказал я, доставая из кармана бумажку. — Через... э-э... через два с половиной часа будет вполне серьезное окно. Полагаю, надо собираться.

— Не нравится мне, что Поролон ушел, — задумчиво пробормотал Бармаглот. Поролон и в самом деле ушел обидно — еще во время переговоров. Вряд ли смылся самочинно, скорей уж был послан с поручением.

— Чего поделывать. Подъем?

— Подъем, — согласились сталкеры.

Мы уложились в два с половиной часа и подошли к исковерканной полосе перед Периметром в полной боевой готовности. Скарлатина осталась доедать покойников на лоне природы, запасов у нее должно было хватить надолго, если только не набегут конкуренты.

Профессор буквально сиял — как он поведал мне, драгоценные карлики были накормлены и чувствовали себя прекрасно, прибор, несмотря на постигшие нас невзгоды, работал исправно. Сами понимаете, меня это тоже должно было обрадовать, но я боялся сглазить. Все же возвращение из Зоны всегда сложнее, чем путь в нее. И гробануться из-за какой-нибудь ерунды на последнем километре я не хотел — уж тем более после всего пережитого.

Вечерело. Я расположил команду в небольшой прогалинке и вместе с Аспирином, который все еще работал на остатках магического укола, отправился на разведку. Все было чисто, вояки, видимо, собирались ужинать. Из капонира не доносилось ни звука, только на краю бетонной плиты сидел рыжий котенок и умывался, тщательно облизывая лапу.

Мы вернулись назад. Сообщение о том, что путь свободен, было встречено с тихим ликованием.

— Вы не волнуйтесь, — сказал бортмеханик, который уже ковылял сам, как я и обещал. «Ломоть мяса» так и лежал у него в кармане. — Мы вас не сдадим. Скажем, что вывел какой-то сталкер, ушел обратно, нам не представился. Да хотя бы этот... Квазимодо.

— И простите, пожалуйста, за то, что случилось с вашим другом. — Это уже Вероника Сергеевна. Боря и Сережа тем временем возились с поломанным пистолетом «беретта», найденным в руинах домика пасечника. Ой, пойдут эти двое в сталкеры, когда вырастут, подумал я. Если Зона к тому времени останется, чтоб ее.

— Да говорите, что хотите, — махнул я рукой. — На той стороне, за Периметром, уже никто ничего не докажет. Если надо, пятьдесят человек подтвердят, что я все эти дни беспробудно пил в их компании и ни в какую Зону не лазил.

— Но вы же лазили, дядя негр? — уточнил Боря, размахивая «береттой».

— Тебе показалось, братан, — улыбнулся я.

Цепочкой мы добрались до того места, откуда нужно было ползти. Уже почти стемнело, по Периметру вяло чиркал лучом автоматический прожектор. Пережившие куда худшие лишения пассажиры резво поползли по мягкой и рыхлой земле, они даже не слишком шумели. Впрочем, вояки уже пожрали и смотрели телик, а до очередного обстрела был как минимум час. Жаль, что профессорский график был расписан только до послезавтрашнего дня включительно. Продать-то его до вылазки за бюрерами я так и не успел... Ладно, завтра что-нибудь придумаю. Два дня тоже хлеб для сталкера, вдруг кому-то надобно совсем недалеко метнуться.

Мы проползли мимо капонира — я специально взял метров на пятьдесят правее, по ложбинке, миновали бетонные надолбы. Еще десять минут, даже меньше, — и мы вышли.

Именно в этот момент, когда я, можно сказать, вздохнул с облегчением, в глаза мне ударил яркий свет, а металлический голос объявил:

— Всем лежать! Руки вверх!

Капитан Колхаун был не чета Макару. Он не стал устраивать показательных выступлений, сидел в бронемашине и разговаривал через вынесенные динамики. Хотя требования капитана были те же, что и у Тёмных: выдать место захоронения «черных ящиков».

— Гражданские лица могут пройти беспрепятственно, — пообещал капитан. — Так называемых сталкеров прошу разоружиться.

Никто не спешил, однако, делать ни первого, ни второго. Лежа мордой в землю, я мысленно благодарил Марину за то, что догадалась снять и спрятать «черные ящики», потому что только информация о них оставляла нас живыми. «Ящики» были своего рода «бомбой», и выпускать их из рук Колхаун и компания не желали. О месте, где зарыта означенная «бомба», знали только я, Марина и Аспирин. Капитан, в свою очередь, не представлял, кто из нас в курсе, потому не мог положить всех подряд — а вдруг тот, кто знает, как раз успеет удрать?

Ситуация была патовая, хуже, чем с Тёмными. Те хотя бы жаждали баб, а капитану Колхауну бабы были без надобности, он стоял за честь мундира и программу зачистки, на которой грели руки и отмывали деньги сотни военных и гражданских деятелей. Я прикидывал, как бы отступить без особых потерь, потому что пути вперед для нас уже явно не было, и надеялся, что пассажиры тоже понимают, что их может ждать.

Надеялся я правильно, потому что рядом со мной приподнялась на локтях Вероника Сергеевна и закричала:

— Солдаты! Дорогие солдаты! Послушайте меня, пожалуйста! Мы — пассажиры самолета, который был сбит над Зоной! Сбит военными, сбит по ошибке! Мы знаем, что

ваши командиры не хотят разглашения этих сведений! Поэтому им нужны «черные ящики» и не нужны мы! С нами дети! Вы слышите меня?! Дети!! Вы же не станете стрелять в детей?!

Башня ближней к нам бронемашины немного провернулась, больше никакой реакции не последовало.

— Мужики, ваш капитан в сговоре с Тёмными! — заорал Соболев. — Они убили лейтенанта Альтобелли! Он хотел помешать Тёмным забрать пассажиров!

— Молчать! — ожили динамики. — Молч...

Что-то зашипело, звук вырубился.

Над Периметром стояла мертвая тишина, только слышно было, как плачет Ирочка. Я ее понимал — выбраться из жуткой лапы Излома и прямо возле дома угодить в такой переплет... Неожиданно люк ближней бронемашины распахнулся, из него вылез офицер. Крепкий такой дядя из комендатуры, из русских офицеров. Кажется, его фамилия была Голованов.

— Альтобелли убит? — спросил он, спрыгивая на землю.

— Лови, — крикнул в ответ Соболев и бросил жетон мертвого лейтенанта, привязанный цепочкой к камню. Голованов поймал его на лету, мельком глянул и убрал в карман.

— Сколько с вами детей и женщин?

— Трое детей, три женщины, — ответил я. Почему вылез Голованов? Почему молчит капитан?

— Не стрелять, — крикнул офицер своим и пошел к нам. Он шел не торопясь, увязая тяжелыми ботинками в рыхлом глиноземе, и остановился в полуметре от меня. Я отчетливо видел заклепки на обуви, поблескивающие в свете прожекторов. Потом прикинул, что лежать мордой вниз, когда он перекрывает линию огня, глупо, и поднялся, отряхиваясь.

— Самолет действительно сбит? — спросил Голованов.

Мой маленький отряд вслед за мной поднимался с земли. Подошла стюардесса Марина, прихрамал бортмеханик.

— Сбит, — подтвердил он. — Я — член экипажа... Скорее всего ракетой. За территорией Зоны.

— «Черные ящики»...

— «Черные ящики» в надежном месте, — оборвала его Марина.

— Это наша гарантия, — добавил я. — Вы же понимаете, господин Голованов. Я даже вам ничего сейчас сказать не могу, не имею права.

— Я все прекрасно понимаю, Упырь, — кивнул офицер.

— Кстати, сюда приходил человек от Тёмных?

— Приходил.

— Видимо, он все сообщил Колхауну.

— Догадываюсь, что именно так. Если вас интересует, где он, отвечу — убит.

— На всякий случай? — подмигнул я.

— Он того заслуживал, Упырь. — Голованов поправил ремень с кобурой. — Я все рассказал? Тогда проходите, черт с вами. Под мою ответственность.

— А капитан Колхаун?

— Капитан сидит в броневице, он арестован, — хмуро произнес Голованов, представляя, наверное, как сложно будет из этой истории выпутываться. — Ну или временно отстранен от исполнения обязанностей. До последующего разбирательства.

— Вы обещаете? — спросила Вероника Сергеевна. Она тоже подошла к нам, держа за руки мальчиков.

— Обещаю, — сказал Голованов и криво улыбнулся, увидев пистолет в руке у Сережи.

— Погодите, не торопитесь, Вероника Сергеевна. Зачем вы это сделали? — спросил я офицера.

Голованов пожал плечами.

— Во-первых, Луиджи был моим приятелем. Во-вторых... во-вторых, мне очень не нравится то, что творится вокруг Зоны. Вашего брата я не люблю, — искренне говорил офицер, — но вы хотя бы зарабатываете своим горбом. Мрете там сотнями... А эти, —

Голованов неопределенно взмахнул рукой, охватив броневики и прожектора, — для этих Зона — кормушка. Им выгодно сталкерство, им нужны Тёмные, и они ни перед чем не остановятся. Пожалуй, мне пора в отставку.

— После ареста капитана Колхауна? Скорее на гарнизонную гауптвахту и под трибунал.

Я сильно рисковал, нажимая на Голованова. Но я должен был убедиться, что это не очередная ловушка. Мне просто ничего больше не оставалось.

— Разберемся, — просто сказал Голованов. — У меня достаточно свидетелей. Не все же сволочи, в конце концов.

И снова обвел рукой броневики.

— Хорошо, я вам верю, — сказал я.

Пассажиры стали осторожно пробираться мимо офицера, стоявшего, словно пограничный столб. Вероника Сергеевна с пацанами, Сережа по-прежнему держал в руке неисправную «беретту». Гомики-санитары. Мама Ирочки с Ирочкой же на руках. Хромающий бортмеханик, которого поддерживала стюардесса Марина... Все они исчезали за броневиками, уходя из прожекторного света, и я понимал, что вряд ли когда-нибудь еще раз увижу этих людей. А жаль, Марина была очень даже ничего.

Возле меня задержался профессор Петраков-Доброголовин, который нес клетку с бюрерами. Голованов покосился на профессорскую ношу, но ничего не сказал. Петраков-Доброголовин улыбнулся всем своим толстым лицом, и в следующее мгновение из броневика выбрался капитан Колхаун с перекошенной от бешенства рожей. Видимо, внутри стального монстра что-то переигралось, и пленник освободился. В руке он держал армейский автоматический «кольт» и целился из него в Голованова.

— Сдайте оружие, лейтенант! — проревел Колхаун едва ли не громче, чем пару минут назад через громкоговорители. — Я буду стрелять!

— Идите к черту, капитан, — ответил Голованов, поворачиваясь и расстегивая кобуру.

Следующие события сложились для меня в одно, хотя происходили в некоей последовательности.

Капитан Колхаун выстрелил короткой очередью.

Пуля ударила меня чуть ниже ключицы и отшвырнула на Соболя, который успел меня подхватить.

Голованов вырвал из кобуры пистолет.

Петраков-Доброголовин охнул и медленно опустился на землю. Клетка отлетела в сторону, бюреры громко заверещали, но никто внимания на них не обратил.

Голованов выстрелил в ответ, и капитан Колхаун свалился с бронемшины. Ногой он зацепился за какой-то буксировочный трос и повис вниз головой, почти касаясь руками земли.

Увиденное поразило меня своей четкостью, запечатленной в ярком свете прожекторов, а потом все поплыло перед глазами, завертелось, и следующее, что я увидел, было лицо Соболя, бормочущего:

— Эй, эй, очнись! Слышишь?

— Я живой, — промямлил я и попытался сесть. Мне это удалось, хотя весь перед комбинезона был залит кровью.

— Тебя профессор зовет. Отходит, кажись, — сказал Соболя и перекрестился.

Петраков-Доброголовин хрипло дышал. Заметив меня, он слабо улыбнулся и прошептал:

— Господин Упырь... Константин... Я сообщу вам номер. Номер телефона, по которому вы должны позвонить заказчику... Вы сделали свою работу очень хорошо... простите, если я вам мешал...

— Полноте, профессор. Мы сейчас вас вынесем, доставим в больницу, — заговорил было я, но Петраков-Доброголовин замотал головой:

— Нет, нет... Я же доктор наук, я понимаю... Запомните номер...

— Давайте, профессор.

— Восемь... — сказал Петраков-Доброголовин и умер.

— Черт... черт... — Лейтенант Голованов ударил кулаком в землю. Я только сейчас заметил, что он тоже стоял рядом со мной на коленях.

Аспирин молча взял клетку с бюрерами и сорвал брезент. «Кофеварка» была расколота пулей практически на две части, изнутри высыпались электронные платы, воняло горелым. Карлики забились в угол, даже не помышляя о телекинезе, — соображали, что расклад сил не в их пользу. Аспирин открыл дверцу, вытащил сразу обоих бюреров, ухватив горстью за шкурки и поставил на землю. Размахнулся и дал хорошего пенделя. Бюреры, вереща, покатались в темноту и исчезли.

— Полный офсайт, чува-ак, — сказал Аспирин, повернувшись ко мне.

Глава тридцать пятая. Вроде бы последняя

Мы сидели в «Штях» и поминали Пауля, Воскобойникова, профессора Петракова-Доброголовина, лейтенанта Альтобелли — короче, всех, кто погиб во время последней вылазки. Вернее, всех, кто этого заслуживал. Девять дней. На столе не переводилась перцовка и закуски, Рыжий едва успевал таскать. Первую выпивку я поставил всем «Штям» за упокой души генерала-полковника Дубова, как и обещал себе после встречи со Стронглавом. Никто не стал спрашивать, что за генерал такой и чем славен, — заслужил, раз уважаемые люди за него наливают.

Потом к нам подходили сталкеры, не чокаясь и ничего не говоря, выпивали по рюмке, снова отходили. Обстановка была на редкость тягостная, как оно обычно и бывает, если ты вернулся, а брат, который ушел с тобой, остался в Зоне.

Еле слышно грохотали РСЗО — зачистка Периметра продолжалась, что им сделается. Лейтенант Голованов на гауптвахте не сидел, я его видел с утра на бульваре, но подойти и спросить, как там идут дела, не решился. По крайней мере капитана Колхауна уже похоронили на военном кладбище с почестями, салютом и расплывчатой формулировкой «погиб при исполнении служебных обязанностей». Кажется, даже дали посмертно какой-то орден.

Пассажиры разъехались по домам. После происшествия на Периметре я, как и полагал, никого больше не видел, занимались ими другие люди — комендатура, прокуратура, некие международные независимые организации.

Не знаю, чем закончилась история со сбитым самолетом для них — может, пообещали выплатить компенсации или еще чего. Газеты ничего не писали, а значит, все молчали. До поры или же навсегда. Потому и с нами обошлись крайне наплевательски — не трогали совершенно, словно и не случилось ничего. Сначала, конечно, попинали немного, но куда ж без этого — главное, что потом отпустили и не вспоминали более.

Я поежился — мешала повязка. Рана оказалась не слишком опасной, но болезненной — дышал я с трудом, рукой двигал тоже неважно, даже стакан приходилось держать левой. А сталкер, который плохо обращается со стаканом, недорогого стоит.

— Что будем с кофеваркой делать, чуваки? — спросил Аспирин, чавкая. — Я ж ее подобрал, детальки собрал даже в карман. Может, не все, конечно, их пораскидало прилично...

— Попробуй починить, — буркнул Соболев.

— Шутишь, да? — обиделся Аспирин. — Ее надо ученому какому показать.

— А он у тебя есть, ученый?

— Прямо щас, конечно, нету. Но их же тут полно шляется.

— Ага. И ты подойдешь и скажешь: вот чудесный прибор, нейтрализующий бюреров. Купите! И сунешь разбитую кофеварку в газетке. Я бы на месте ученого в морду тебе заехал.

— Чуть что — в морду, — еще сильнее обиделся Аспирин. — Ну и ладно. Без вас схожу, есть один чувак, я его на рынке видал — вместе воблу покупали. Он вроде из ученых как раз. Может, чего полезное и выйдет, но вам уже хрен тогда, а не дивиденды!

Все помолчали, потом выпили, еще помолчали.

— Эх, — сказал Аспирин. Ему, видать, не молчалось. — А я попробовал позвонить.

— Кому? — не понял я.

— По номеру, который профессор набрал. Ну, «восемь».

— Тю, — невесело засмеялся Бармаглот. — Это ж первая цифра. Дальше он сказать просто не успел, помер.

— А вдруг такой специальный секретный номер из одной цифры, чува-ак?! Я позвонил — ничего. Гудит, но никто не отвечает.

— В башке у тебя гудит, — сказал я. — Выпей-ка, пока есть на что пить.

— Может, надо было подождать? Приехали бы эти... заказчики... — предположил Соболев. — Профессор-то не сам по себе тут корячился, он же постоянно говорил — над ним люди есть. А вдруг заявятся, спросят: где наш хабар?

— Да они уже давно знают, что профессор их погиб на Периметре, никакого хабара никто не выносил — это им любой комендантский шнырь за бутылку сольет... Слил уже, если точнее. Хватит, братва, этот номер мы отработали пусть и даром, но красиво. Пить давайте, — напомнил я.

Мы снова выпили, над столом опять повисло трагическое молчание. Нарушил его, само собой, Аспирин.

— А поп-то? Интересно, как он там? Небось уже бюреров... как это попы делают...

— Окормляет? — подсказал сведущий в православии Соболев.

— Во. Окормляет. Квалитетный чувак этот поп, как Пауль сказал бы...

При упоминании Пауля Бармаглот снова налил. Выпили, закусили квашеной капустой. Снова замолчали, и угадайте, кто был нарушителем молчания?

— Опа! Чуваки, смотрите, кто идет!!!

Мама Ирочки, та самая блондинка, подошла к нашему столику и застенчиво сказала:

— Привет, ребята. Можно мне сесть?

Аспирин и Соболев одновременно вскочили, чтобы придвинуть ей стул, столкнулись и едва не упали по причине изрядного упития. Мама Ирочки села на краешек Аспиринова стула, Соболев помрачнел.

— Поминаем вот, — сказал Бармаглот.

— Понимаю... Можно мне?

Бармаглот пожал плечами и налил ей полстакана перцовки. Мама Ирочки осторожно взяла ее, понюхала и выпила мелкими глоточками. Даже не поперхнулась.

— Спасибо вам большое, — сказала она. — За Ирочку, за то, что вы нас спасли.

— Да не за что, — махнул рукой Соболев. Похоже, его злость на нерадивую мамашку прошла, вон как со стулом-то суетился! А не так давно Излому ее скормить собирался.

— Я... Я хотела... — замаялась мамаша, потом открыла сумочку и решительно положила на стол замшевый мешочек. — Спасибо. Я пойду, ребята.

Мы проводили ее пьяными похотливыми взглядами. Когда мама Ирочки поднялась по ступенькам и исчезла за дверью, я непослушными пальцами развязал тесемочку и высыпал на стол содержимое.

Тишина стала еще тише, если так можно выразиться. Потом Аспирин сорвал с головы бейсболку и накрыл ею изрядную кучку драгоценностей.

— Вот зачем она в самолет так рвалась, — припомнил я. — Я еще подумал, муж там у нее... А оно — вон чего!

— От кого не ожидал... — проворчал Соболев.

— Как поделим? — спросил Аспирин, садясь.

— Разберемся, — сказал я. — Спрячь пока. И наливай. Аспирин спрятал драгоценности в сумку, Бармаглот налил перцовки. Я поднял стакан, внимательно посмотрел янтарный напиток на просвет...

— Абанамат! — раздалось сзади.

Мы все как по команде обернулись. Но это всего лишь пьяный сталкер из новичков споткнулся о ступеньку и упал.

Брянск — Москва — Академгородок — Москва
2007—2009